

МОНГОЛИЯ — РОССИЯ

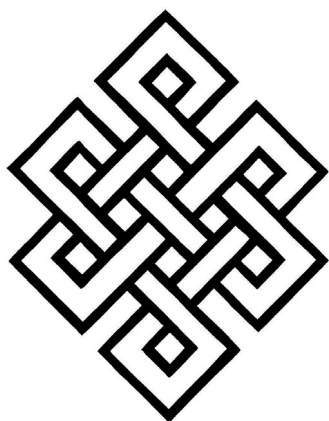
**ВЕК НЕЗАВИСИМОСТИ —
ВЕК СОТРУДНИЧЕСТВА**

*Столетию сотрудничества
России и Монголии посвящается*

*Орос-Монголын гадаад харилцаа,
хамтын ажиллагааны 100 жилийн ойд зориулав*

*Dedicated to the centenary
of Russian-Mongolian cooperation*

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Manuscripts
St. Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History
of Science and Technology

MONGOLIA — RUSSIA

THE AGE OF INDEPENDENCE — THE AGE OF COOPERATION

St. Petersburg
2021

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники имени С.И. Вавилова

МОНГОЛИЯ — РОССИЯ

ВЕК НЕЗАВИСИМОСТИ — ВЕК СОТРУДНИЧЕСТВА

Санкт-Петербург
2021

УДК 93/94
ББК 63
М 77

Рекомендовано к печати
Ученым советом ИВР РАН и Ученым советом СПбФ ИИЕТ РАН

Рецензенты:
член-корреспондент РАН Н.Н. Крадин,
доктор исторических наук, профессор Т.Д. Скрынникова

М 77 **Монголия — Россия: век независимости — век сотрудничества** / Сост. и отв. ред.:
И.В. Кульганек, Т.И. Юсупова. – СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. – 230 с.

Авторы:
А.И. Андреев, Ю.И. Дробышев, Л.Б. Жабаева, В.Ю. Жуков, Ю.В. Кузьмин, И.В. Кульганек,
Л.В. Курас, Д.А. Носов, К.В. Орлова, М.П. Петрова, И.Ф. Попова, Р.Ю. Почекаев,
В.З. Церенов, Б.Д. Цыбенков, Т.И. Юсупова, Н.С. Яхонтова

ISBN 978-5-9676-1344-9

Коллективная монография посвящена 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией и 100-летию учреждения Ученого комитета Монголии, первого научного учреждения страны. В представленных в книге исследованиях, основанных на широком круге архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, анализируются предпосылки тесных двусторонних контактов России и Монголии, становление монгольской государственности в период между двумя революциями (1911 и 1921 гг.) и советско-монгольские переговоры в Москве в 1921 г. В фокусе рассматриваемых проблем также развитие научных контактов России и Монголии, их разнообразие, особенности, персоналии, которые внесли важный вклад в этот процесс. Уделяется внимание современной интерпретации ряда вопросов истории, юриспруденции, историографии и литературы Монголии.

Для научных работников и широкого круга читателей, интересующихся Монголией.

Mongolia — Russia: The Age of Independence — The Age of Cooperation / Eds.
I.V. Kulganek and T.I. Yusupova. – SPb.: Petropolis, 2021. – 230 p.

The publication of this collective monograph is timed to coincide with the 100th anniversary of Soviet-Mongolian diplomatic relations and the creation of the Scientific Committee, the first academic institution in Mongolia. The articles included in the volume are based on a wide range of sources many of which are used for the first time; their authors analyze the prerequisites for close bilateral contacts between Russia and Mongolia, the birth of the Mongolian statehood in the period between the two revolutions (of 1911 and 1921) and the Soviet-Mongolian negotiations in Moscow in 1921. The articles also discuss the evolution of Russian-Mongolian scientific contacts, their variety, peculiar features and the persons who largely contributed to the process, as well as modern interpretations of some issues related to the history, jurisprudence, historiography and literature of Mongolia.

The book is intended for scholars and a wide circle of readers who take interest in the history of Mongolia.

ISBN 978-5-9676-1344-9

DOI 10.25882/086r-y106

ББК 63

© Коллектив авторов, 2021
© ИВР РАН (Азиатский Музей), 2021
© СПбФ ИИЕТ РАН, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово (И.Ф. Попова).....	7
Foreword (Irina F. Popova).....	9
Предисловие (И.В. Кульганек, Т.И. Юсупова)	11
 Глава I. МОНГОЛИЯ НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ	17
Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев (1833–1915)	18
Монголия между двумя революциями (1911 и 1921 гг.)	29
У истоков двусторонних отношений России и Монголии: деятельность О.И. Макстенека, первого Уполномоченного Наркоминдел в Монголии	42
Установление дружественных отношений между Россией и Монголией: проблемы и актуальность	47
Тибето-Монгольский проект Агвана Доржиева	56
К истории калмыцко-монгольских связей	68
 Глава II. НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ	75
Российско-монгольское научное взаимодействие (1920–1960-е гг.): становление, развитие, особенности	76
Студент Ленинградского института живых восточных языков Ц.-Д. Номинханов в Монголии	100
Монгольские аспиранты Академии наук СССР (1930-е гг.)	119
Академик Б.Я. Владимирцов в воспоминаниях монголоведа Г.И. Михайлова ...	141
 Глава III. ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ	155
Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных русских историков: от А.И. Лызлова до Н.М. Карамзина	156
Пределы монгольской экспансии в представлении европейцев XIII века	170
Записки русских путешественников как ценный источник по истории государственности и права Монголии XVII – начала XX века	181
Архитекторы Санкт-Петербургского буддийского храма «Дацан Гунзэчойнэй»	191
Буддийские мотивы в монгольских романах начала XXI века	212
 Список сокращений	219
Summary	223
Сведения об авторах	229

CONTENTS

Foreword (<i>Irina F. Popova</i>).....	9
Preface (<i>Irina V. Kulganek and Tatiana I. Yusupova</i>)	11
 Part I. MONGOLIA ON THE ROAD TO INDEPENDENCE	17
Consul General in Mongolia Ya.P. Shishmarev (1833–1915)	18
Mongolia between the Revolutions (1911 and 1921)	29
At the Origins of bilateral Relations between Russia and Mongolia: the Activities of O.I. Maksteneck, the first Commissioner of the People's Commissariat for Foreign Affairs in Mongolia	42
The Establishment of friendly Relations between Russia and Mongolia: Problems and Relevance	47
The Tibet-Mongolian Project of Agvan Dorzhiev	56
From the History of Kalmyk-Mongolian ties	68
 Part II. SCIENTIFIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA	75
Russian-Mongolian Scientific Collaboration (1920s – 1960s): Establishment, Development, Peculiar Features	76
Student of the Leningrad Institute of Living Oriental Languages Ts.-D. Nominhanov in Mongolia.....	100
Postgraduate Mongolian Students at the Academy of Sciences (USSR), 1930s	119
Academician B.Ya. Vladimirtsov in the Memories by the Mongolist G.I. Mikhailov.....	141
 Part III. CONTEMPORARY ISSUES OF THE RUSSIAN MONGOLIAN STUDIES	155
The Mongol Empire and its Ideology in the Coverage of pre-revolutionary Russian Historians: from A.I. Lyzlov to N.M. Karamzin	156
The Limits of Mongol Expansion in the Views of Europeans in the XIII century	170
Notes of Russian Travelers as a valuable Source on State and Law of Mongolia in the 17th – early 20th century	181
The Architects of the St.-Petersburg Buddhist Temple “Gunzechoinei Datsan”	191
The Buddhist Motives in the Mongolian Novels of the early 21st century	212
 List of Abbreviations	219
Summary	223
List of Authors	229

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В 2021 г. Монголия отмечает три важные даты своей истории: 110 лет провозглашения независимости, 100 лет установления советско-монгольских дипломатических отношений и 100 лет создания Ученого комитета Монголии — предшественника Монгольской академии наук. Эти даты — замечательный повод вспомнить о тесном переплетении исторических судеб России и Монголии, многовековых традициях добрососедских отношений, об активном развитии контактов России и Монголии, которые в настоящее время вышли на новый уровень.

Россия первая в мире признала суверенитет Монголии, первая установила дипломатические отношения с Монголией, Российская академия наук стала первым международным партнером Ученого комитета Монголии и внесла большой вклад в становление современной монгольской науки.

Интерес к Монголии в России был предопределен географическим соседством, которое сделало актуальным изучение языка, территориальных и этнических особенностей монгольских народов. Эти знания стали начальной базой развития монголоведения, которое начало формироваться как академическая наука со времени создания Петровской Академии наук в 1724 г. Первый теоретический вклад в его развитие внес академик «петровского призыва» Г.З. Байер (1694–1738): он опубликовал в «Комментариях Петербургской академии» первую заметку о «мунгальском языке». В дальнейшем, экспедиции в Сибирь Д.Г. Мессершмидта (1685–1735), академиков Г.Ф. Миллера (1705–1783) и И.Э. Фишера (1697–1771) и других собрали обширные сведения о монголах и доставили в Санкт-Петербург рукописи на монгольском языке, которые позже легли в основу монгольского фонда Азиатского Музея Академии наук и затем перешли в Институт восточных рукописей РАН.

В XIX в. монголоведение в России стремительно развивалось и стало ведущим в мире благодаря новаторским трудам академика Я.И. Шмидта (1779–1847), Н.Я. Бичурина (1777–1853), профессоров О.М. Ковалевского (1800/1801–1878), К.Ф. Голстунского (1831–1899) и др. Важной чертой российского монголоведения в XIX в. был его университетский характер; главными центрами подготовки монголоведов — исследователей и практиков — стал сначала Казанский, затем Петербургский университет. В XX в. здесь трудилась замечательная плеяда профессоров, представителей новой школы российского классического монголоведения — Б.Я. Владимирцов, В.Л. Котвич, С.А. Козин.

Российскому монголоведению всегда было свойственно сочетать исследования монгольских источников с живым общением с представителями монгольских народов и тесными научными контактами с монгольскими исследователями. Точкой отсчета российско-монгольского научного сотрудничества стало создание в ноябре 1921 г. Ученого комитета Монголии. На всем протяжении своей истории оно характеризовалось разнообразием дисциплинарных направлений, форм, содержания и отличалось взаимной искренностью и доброжелательностью.

Сегодня контакты российских академических институтов с монгольскими научными учреждениями продолжают активно развиваться: расширяется тематика, круг участников и их география. Современное монголоведение включает в себя целый комплекс дисциплин, куда входят история, археология, право, этнография, экономика, язык и литература монгольских народов. Изучением Монголии занимаются не только традиционные востоковедные центры (Институт восточных рукописей РАН, Институт востоковедения РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета и др.), но и учреждения, в которых проводятся естественно-научные работы (Палеонтологический, Ботанический, Зоологический институты РАН, Институт проблем экологии и эволюции РАН и др.), изучаются вопросы права (Высшая школа экономики), история науки (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН) и другие отрасли знания.

Коллективная монография «Монголия — Россия: век независимости — век сотрудничества» — посильный вклад российских монголоведов в развитие научного взаимодействия наших стран, юбилейный подарок нашим монгольским коллегам. В представленных исследованиях авторы анализируют переломные моменты истории Монголии, проблемы и перспективы научного сотрудничества России и Монголии, ряд вопросов современного монголоведения.

Надеемся, что книга привлечет внимание всех, кто интересуется историей Монголии, и продолжит заложенную 100 лет назад традицию научного партнерства России и Монголии.

И.Ф. Попова,
член-корреспондент РАН,
директор Института восточных рукописей РАН

FOREWORD

In the year 2021 Mongolia is celebrating the three significant dates of its history: 110 years of the declaration of its independence; the centennial of Soviet-Mongolian diplomatic relations; and the concurrent centennial of the Scientific Committee of Mongolia, the first scientific institution in the country, on the basis of which the Mongolian Academy of Sciences was established in 1961.

These dates provide an occasion to recall the close intertwining of historical fates, the age-old tradition of the good-neighborly relations and the active development of contacts between Russia and Mongolia, which nowadays have reached a new level. Russia was the first to recognize the sovereignty of and establish diplomatic relations with Mongolia, and the Russian Academy of Sciences was also the first international partner of the Scientific Committee of Mongolia and made significant contributions to the formation of modern Mongolian science.

Russia's interest in Mongolia was aroused by the geographical proximity of the countries, which required the study of the Mongolian language, as well as the territorial and ethnic peculiarities of the neighboring peoples. This knowledge became the initial basis for the development of Mongolian studies as an academic discipline after the foundation of the St.-Petersburg Academy of Sciences in 1724. The first theoretical contribution to its development associated with the name academician G.Z. Bayer (1694–1738), who published a short essay about the “Mungal language” in the “Commentarii” of the St.-Petersburg Academy. Later, expeditions to Siberia by D.G. Messerschmidt (1685–1735), academicians G.F. Miller (1705–1783) and I.E. Fischer (1697–1771) and others collected extensive information about the Mongols peoples and brought back to St.-Petersburg some manuscripts, which formed the basis of the Mongolian collection of the Asiatic Museum (now Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences).

In the 19th century Mongolian Studies was rapidly developing and became a leading Mongolist discipline in the world due to the pioneering works of Ya.I. Schmidt, N.Ya. Bichurin (1777–1853), O.M. Kovalevsky (1800/1801 – 1878) and others. An important feature of this discipline at that period was its university setting. The Universities in Kazan and St. Petersburg became the main centers for educating Mongolists. In 20th century here worked a brilliant galaxy of professors, the founders of the new school of classic Mongolian Studies — B.Ya. Vladimirtsov (1884–1931), B.L. Kotvich (1872–1944) and S.A. Kozin (1879–1956).

The hallmark of Mongolian Studies in Russia was the merging of research on Mongolian topics with constant communication between Russian researchers and representatives of the Mongolian peoples, and the maintaining of close scholarly contacts with Mongolian scientists. The creation of the Scientific Committee of Mongolia became the starting point of Russian-Mongolian scientific cooperation which had a variety of disciplinary directions, forms, and content, and was distinguished by mutual sincerity and goodwill.

Nowadays cooperation between Russian academic institutions and Mongolian scientific institutions continues to develop actively, and the subjects being studied, the circle of researchers, and their geography are expanding. Modern Mongolian Studies includes a whole complex of disciplines, such as the history, archeology, law, ethnography, economics, language, and literature of the Mongolian peoples. The study of Mongolia is a component of the research programs not only of the traditional orientalist centers, such as the Institute of Oriental Manuscripts, RAS; Institute of Oriental Studies, RAS; Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch, RAS; and the Oriental department of St. Petersburg State University, but also of the institutions which specialize in the study of natural sciences (Paleontological, Botanical, Zoological Institutes, RAS; Institute of Ecology and Evolution, RAS; of law (St. Petersburg branch of the Higher School of Economics), of the history of science (St. Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS), and others.

This collective monograph, “Mongolia — Russia: The Age of Independence — the Age of Cooperation” is intended as a modest gift from Russian Mongolists to their Mongolian colleagues. The articles published in the volume analyze the crucial events of Mongolian history and the problems and prospects of scientific cooperation between our countries.

We hope that the book will attract the attention of those who are interested in the history of Mongolia and will continue the century-old tradition of scientific cooperation between Russia and Mongolia.

Director of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS,
Corresponding member of the RAS,
I.F. Popova

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга посвящена 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией и 100-летию создания Ученого комитета Монголии, первого научного учреждения страны, на базе которого 60 лет назад была учреждена Монгольская академия наук. Эти даты имеют большое значение в политической, общественной, научной и культурной жизни Монголии. Они важны и для российского монголоведения, которое формировалось и продолжает развиваться на базе изучения монгольской действительности, с учетом исторического развития страны и в тесном взаимодействии с монгольскими исследователями.

Россия и Монголия имеют многовековые традиции добрососедских взаимоотношений во всех сферах деятельности. Особенно тесно их исторические судьбы были связаны на протяжении большей части XX в. В этом столетии дважды кардинально менялось социально-политическое устройство наших стран: в первые два десятилетия преобразования стали следствием Октябрьской революции 1917 г. в России и Народной революции 1921 г. в Монголии; в последнее десятилетие века — результатом радикальных политико-экономических реформ в России и демократической революции в Монголии. Между этими знаковыми событиями Россия / СССР и Монголия прошли непростой путь развития своей государственности, на котором были несомненные успехи и достижения и одновременно — ошибки и заблуждения, порой трагические, приведшие в конечном итоге к системным кризисам в обеих странах.

Изменения происходили и в моделях межгосударственных отношений, из которых ушла идеологическая составляющая; ее сменили национальные интересы и взаимное политическое доверие, на основании которых сегодня выстраивается стратегическое партнерство двух стран. Мы хотели бы особенно подчеркнуть, что, по нашему мнению, Монголия и Россия остаются партнерами, заинтересованными в продолжении тесного взаимодействия по всем векторам его развития.

История российско-монгольского сотрудничества имеет богатую историографию и представлена широким спектром разноплановых публикаций: статьи, аналитические обзоры, монографии (индивидуальные и коллективные), издание архивных материалов, сборников статей и материалов конференций. С каждым годом увеличивается количество совместных изданий — научных результатов международных проектов.

Новый импульс изучение истории российско-монгольских отношений получило в постсоветский период благодаря доступности ранее закрытых архивов. Кардинально расширившийся корпус источников дал возможность историкам оценить качественные результаты сотрудничества двух стран, воссоздать и проанализировать контексты его развития, идеологические, внутри- и внешнеполитические составляющие, персональные вклады в процессы российско-монгольской интеграции.

В фокусе исследований авторов коллективной монографии «Монголия — Россия: век независимости — век сотрудничества» находятся события, происходившие в

основном в первые годы независимости Монголии и начала двусторонних российско-монгольских дипломатических отношений, а также их развитие в довоенный период, когда формировались основные конфигурации, формы и содержание наших контактов. Эта работа подготовлена специалистами-монголоведами научных центров Санкт-Петербурга, Москвы, Иркутска, Улан-Удэ и Элисты.

В основу структуры книги положен тематико-хронологический принцип. В *первой главе* «Монголия на пути к независимости» проанализированы предпосылки тесных двусторонних связей России и Монголии, проблемы становления монгольской государственности в период между двумя революциями (1911 и 1921 гг.), советско-монгольские переговоры 1921 г. в Москве, на которых закладывались основы последующих взаимоотношений России и Монголии, а также контакты Монголии с дружественным калмыцким народом и ее вовлеченность в буддийские проекты А. Доржиева.

Открывает главу раздел, подготовленный доктором ист. наук Ю.В. Кузьминым. Он посвящен первому генеральному консулу России в Монголии Якову Парфеньевичу Шишмареву (1833–1915). Я.П. Шишмарев вошел в историю России не только как известный дипломат, но и как многогранный исследователь Монголии и населяющих ее народов. С его именем связана еще одна памятная дата в российско-монгольских отношениях — 160 лет со времени открытия Генерального консульства России в Урге в 1861 г., в котором Я.П. Шишмарев проработал полвека — с момента его основания до 1911 г. Это уникальный случай в дипломатической практике. Автор на основе анализа архивных и опубликованных материалов, а также трудов самого Я.П. Шишмарева представил биографическую канву его жизни и рассмотрел основные направления служебной и исследовательской деятельности дипломата; отметил заслуги в защите интересов России в Монголии и его вклад в изучение истории, экономики и культуры монгольских народов.

В разделах, написанных докторами ист. наук В.Л. Курасом и Б.Д. Цыбеновым, рассмотрен начальный этап становления монгольской государственности — период между двумя революциями: Синьхайской (1911 г.) и Монгольской (1921 г.). Авторы проанализировали двусторонние российско-монгольские отношения этого времени и выделили особую роль в их развитии Уполномоченного императорской России в Монголии И.Я. Коростовца, сменившего на дипломатическом посту Я.П. Шишмарева. Отдельное внимание авторы уделили истокам революционного подъема в Монголии, рассмотрев этот процесс в рамках объяснительных моделей транснациональной истории, а также партийному и военному строительству молодого монгольского государства и помощи Советской России в борьбе Монголии за свой суверенитет.

В процессе установления контактов Советской России и новой Монголии особое внимание в исследовании уделяется роли Уполномоченного Наркоминдел РСФСР О.И. Макстенка. Выявленные авторами архивные материалы позволили детально раскрыть деятельность этой, не такой известной, но, как оказалось, весьма значимой фигуры в данном историческом сюжете.

Собственно факту подписания основополагающего для установления дипломатических отношений между Советской Россией и Монголией документа посвящена

работа доктора ист. наук Л.Б. Жабаевой. В ней автор показала, что одной из неотложных задач нового монгольского правительства после революции 1921 г. стало формирование прочных внешних связей, гарантирующих безопасность страны. Автор по архивным материалам исследовала непростой процесс переговоров в Москве, которые вела представительная монгольская делегация во главе с партийным и государственным лидером Монголии С. Данзаном и главкомом монгольской армии Д. Сухэ-Батором. Они завершились подписанием 5 ноября 1921 г. Соглашения об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией — первым международным равноправным договором Монголии. Л.Б. Жабаева отмечает, что официальное признание Советской Россией независимости Монголии соответствовало национальным интересам обеих стран: Монголия получала гарантию сохранения ее государственности и достижения подлинной независимости от Китая, Россия — возможность иметь у своих восточных границ дружественное восточноазиатское государство.

Развитию связей Монголии с другими народами буддийского мира посвящен следующий сюжет первой главы, в котором доктор ист. наук А.И. Андреев рассказывает о Тибето-Монгольском проекте известного политического и культурного деятеля России Агвана Лобсана Доржиева, мечтавшего о создании «великой буддийской конфедерации» народов России, Монголии и Тибета. Автор дал подробный очерк жизни и деятельности реформатора буддизма и рассмотрел содержание проекта А. Доржиева, выделил его основные составляющие: строительство новых буддийских монастырей в Бурятии и Калмыкии и буддийского храма в Петербурге; обучение монгольских и тибетских студентов в советских учебных заведениях, а также тесное сотрудничество самого А. Доржиева и буддийских лам с российскими учеными-востоковедами. Отдельно А.И. Андреев остановился на инициативе А. Доржиева по постройке первого в Европе буддийского храма в Санкт-Петербурге и его истории. В исследовании показано, что А. Доржиев был убежденным сторонником политического, экономического и культурного сближения СССР с Тибетом и Монголией.

Кроме непосредственно российско-монгольских связей в главе уделено внимание приграничным контактам Монголии, в частности малоизученной в калмыцкой и монгольской историографии теме калмыцко-монгольских связей в первые революционные годы. Этому посвящено исследование доктора ист. наук К.В. Орловой. Она знакомит с событиями, развернувшимися в Монголии в начале 1920-х гг., когда по просьбе Временного народного правительства Монголии в страну из России прибыли военные инструкторы — калмыки. Автор выделяет также следующий этап развития калмыцко-монгольских связей — конец 1950-х гг., когда калмыки вернулись после 13-летней сталинской депортации. Особенно интенсивно и плодотворно калмыцко-монгольские связи, считает автор, развиваются в новейший период, что подтверждает посещение Калмыкии президентами Монголии Н. Энхбаяром (в 2006 г.) и Ц. Элбэгдоржем (в 2011 г.) в рамках их официальных визитов в Российскую Федерацию.

В разных конструктах российско-монгольских отношений всегда одной из важнейших составляющих культурного взаимодействия являлись и продолжают

являться научные связи между российскими и монгольскими исследователями. Этому направлению взаимодействия наших стран посвящена *вторая глава* книги — «Научное сотрудничество России и Монголии». Главу открывает материал доктора ист. наук Т.И. Юсуповой, в котором на основании результатов собственных многолетних исследований автор проанализировала процесс становления и развития российско-монгольских научных связей в 1920–1960-х гг. — от создания Ученого комитета Монголии до первых лет работы Академии наук МНР. Т.И. Юсупова рассмотрела причины особого внимания Российской академии наук к Монголии, организацию специальной Монгольской комиссии (вначале при правительстве, а с 1927 г. при Академии наук СССР), особенности ее сотрудничества с Ученым комитетом / Комитетом наук Монголии, его формы, характер и дисциплинарные направления, а также основные персоналии, участвовавшие в этих событиях. В разделе показано, что на выстраивание модели и структуры научных отношений оказывали сильное влияние текущие социально-политические запросы межгосударственных отношений СССР и Монголии. По своему характеру научное сотрудничество за свою историю менялось: от оказания российскими учеными помощи в изучении Монголии при организационной и незначительной материальной и финансовой поддержке Учкома / Комитета наук в 1920–1930-х гг. к паритетному участию сторон в совместных работах в конце 1940-х гг. и в последующие годы; от научного взаимодействия в контексте укрепления межгосударственных отношений — к сотрудничеству, определяемому проблемами развития конкретных научных дисциплин. Автор приходит к выводу, что научное взаимодействие России и Монголии на всем протяжении его существования было плодотворным, проходило на взаимовыгодных условиях и носило дружеский характер.

Конкретные примеры развития темы научных контактов нашли отражение в следующих исследованиях. Так, в фокусе работы кандидата филол. наук Д.А. Носова — организация в 1920-е гг. стажировок российских студентов в Ученом комитете Монголии. Этот вопрос автор рассматривает на примере работы в Учкоме будущего первого доктора филологических наук Калмыкии Церен-Дорджи Номинханова. В качестве приложения к работе Д.А. Носов публикует отчет Ц.-Д. Номинханова о его поездке в Западную Монголию в 1924–1925 гг., представляющий собой важный документ для понимания характера задач, решаемых российскими студентами во время их пребывания в Ученом комитете.

Другой пример научно-образовательного сотрудничества представлен кандидатом филол. наук Н.С. Яхонтовой. Она провела широкий архивный поиск и смогла восстановить ранее не затрагиваемый историками сюжет о подготовке монгольских аспирантов в СССР в 1930-е гг. Автор детально рассмотрела, как реализовывался проект по подготовке научных кадров для Монголии, предпринятый Академией наук СССР совместно с Комитетом наук Монголии. Обучение аспирантов из Монголии оказалось непростой задачей, как для принимающей стороны, так и для приехавших. Автор приводит краткую информацию о каждом из аспирантов, проблемах, с которыми они сталкивались, успехах и неудачах в их работе, о принимающих их учреждениях.

В завершающем разделе главы речь идет о подготовке российских монголоведных кадров в 1920-х гг. в Ленинградском институте живых восточных языков и о роли в этом известного востоковеда Б.Я. Владимирцова (1884–1931), с 1929 г. — академика АН СССР. В публикуемых кандидатом филол. наук В.З. Цереновым воспоминаниях советского монголоведа Г.И. Михайлова (1909–1986) содержатся ценные сведения о Б.Я. Владимирцове, его методах преподавания монгольского языка, особенностях учебного процесса в институте.

В отличие от первых двух историко-ретроспективных глав, цель *третьей главы* «Вопросы современного российского монголоведения» — представить ряд проблем монгольской истории, источниковедения, права и литературы, над которыми сегодня работают российские специалисты-востоковеды. Исследования кандидата ист. наук Ю.И. Дробышева отсылают нас к анализу историографии Монгольской империи. В первой работе он рассматривает представление об идеологии кочевой империи монголов по трудам шести русских историков XVII – начала XIX в. — от неизвестного широкой аудитории А.И. Лызлова (ок. 1655 – не ранее 1697) до Н.М. Карамзина (1766–1826). По мнению Ю.И. Дробышева, эти авторы, решая стоявшие перед ними задачи, не уделяли специального внимания имперскому аспекту монгольской власти. Историография данного периода страдает излишним доверием к летописям, некритическим пересказом легенд и фольклорных сюжетов, практически не использует восточные источники. Тем не менее их труды содержат немало догадок и предположений, подтвержденных последующими поколениями ученых.

В другой работе Ю.А. Дробышев на основе европейских источников рассмотрел представление образованных европейцев XIII в. о территориальных пределах, которых достигли монголы в ходе завоевательных войн той эпохи. Автор отмечает, что реальные и ментальные границы монгольской экспансии далеко не совпадают друг с другом. Этот факт он объясняет скудостью географических знаний жителей Запада, религиозно-мифологическими стереотипами, искажавшими картину мира, сложностями перевода понятий с языка степной культуры на язык христианской цивилизации, а также намеренными искажениями. Европейские материалы подтверждают закономерность, согласно которой не покоренные монголами народы, в отличие от покоренных, не были склонны расценивать власть кочевников как «всемирную». Анализ военных операций монголов в Европе в 1241–1242 гг. подводит автора к предположению, что у них не было цели покорить Запад.

Продолжил источниковедческую тему доктор юрид. наук Р.Ю. Почекаев. Он обратился к источникам по традиционной монгольской государственности и праву. Р.Ю. Почекаев полагает, что правовые памятники XVI–XVIII вв. зачастую не позволяют в полной мере изучить и реконструировать институты государственного устройства и правового регулирования у монголов позднего Средневековья и Нового времени. Автор уверен, что необходимо привлечение актов правоприменительной практики, которые отражают реальные властные и правовые отношения в тот или иной период, а также отношение к государству и праву со стороны различных групп населения. Большой интерес представляют различного рода иностранные свидетельства (дипломатов, купцов), в том числе записки русских

путешественников в Монголию XVII – начала XX в. Источники такого рода представляют большую ценность, поскольку их авторы были, во-первых, свидетелями и даже участниками политико-правовых отношений в Монголии соответствующих периодов и, во-вторых, описывали политические и правовые реалии в привычных для российской и европейской аудитории терминах и категориях.

Следующий сюжет посвящен петербургскому буддийскому храму, который занимал видное место в конфессиональном пространстве Петербурга – Петрограда. В послереволюционный период храм активно поддерживал монгольскую и тибетскую молодежь, которая приезжала учиться в Ленинград. Материал, представленный кандидатом ист. наук В.Ю. Жуковым, продолжает и дополняет сюжет о храме, затронутый в исследовании А.И. Андреева, в первой главе. Автор рассказал об участии выпускников и преподавателей Института гражданских инженеров в проектировании, строительстве и последующем сохранении дацана. Архитекторы Н.М. Березовский, Г.В. Барановский, Р.А. Берзен много сделали, чтобы придать буддийскому храму современный европеизированный облик в духе модного в годы его строительства Северного модерна. Возведенный ими дацан был до 2005 г. крупнейшим буддийским молитвенным зданием в Европе, и сегодня остается важным духовным центром монгольских народов.

Исследование кандидата филол. наук М.П. Петровой продолжает тему буддизма, но уже в другом научном направлении: она затрагивает проблему влияния буддизма на развитие современной монгольской литературы. С началом возрождения в Монголии в конце XX столетия северного буддизма в стране наблюдается возрастающее внимание писателей и читателей к религиозным вопросам. В своей работе автор анализирует романы первых полутора десятилетий нашего века, в которых отражены буддийская идеология и ценности монгольского народа. М.П. Петрова отмечает растущий сегодня интерес к национальной культуре и религии, о чем свидетельствует использование в постмодернистских монгольских романах религиозных произведений прошлых веков.

Предлагаемая вниманию читателя книга отражает взгляд российских историков, юристов, филологов на юбилейные события монгольской истории, актуальные вопросы истории и культуры Монголии. Авторы надеются, что этот труд вызовет отклик у монгольских коллег, станет импульсом для дальнейшего совместного изучения рассмотренных и других актуальных проблем истории и культуры Монголии.

Мы выражают глубокую благодарность всем, кто принял участие в реализации этого научного проекта, поддержал идею выразить уважение нашим монгольским коллегам в связи с юбилеями знаковых исторических событий в истории Монголии, что подтверждает востребованность контактов российских и монгольских ученых и уверенность в дальнейшем развитии научного сотрудничества России и Монголии.

И.В. Кульганек, Т.И. Юсупова

Глава I

**МОНГОЛИЯ
НА ПУТИ
К НЕЗАВИСИМОСТИ**

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ РОССИИ В МОНГОЛИИ

Я.П. ШИШМАРЕВ (1833–1915)*, 1

Длительное время в советской историографии история русско-монгольских отношений была «обезличена». В исторических исследованиях, посвященных данной проблеме, до недавнего времени почти не были представлены деятели российской дипломатии, вообще очень редко упоминались их имена. Создавалось ложное впечатление о том, что в истории русско-монгольских отношений не существовало значительных и ярких личностей. А это совершенно не так. Я.П. Шишмарев, В.Ф. Люба, И.Я. Коростовец, А.Я. Миллер — вот только некоторые имена российских дипломатов в Монголии. Первым в этом ряду по праву стоит Яков Парфеньевич Шишмарев (1833–1915), служивший в Ургинском консульстве секретарем, консулом и генеральным консулом. Уникальным в дипломатической практике представляется срок, который отработал Я.П. Шишмарев в Монголии — 50 лет (1861–1911 гг.).

В 2021 г. исполняется 160 лет с момента открытия Генерального консульства России в Монголии и начала дипломатической деятельности российских дипломатов в Урге.

Имя Я.П. Шишмарева нельзя считать неизвестным или забытым в российской историографии. О его помощи и поддержке с благодарностью вспоминали участники многих центрально-азиатских экспедиций. Его значительную роль в развитии русско-монгольских связей отмечали Е.М. Даревская (1958, 1994), Ш.Б. Чимитдоржиев (1987), Е.А. Хамаганова (1992), Ю.В. Кузьмин (1997, 2006), Н.Е. Единархова (2001, 2008), А.И. Андреев (2003), А.А. Сизова (2010). В этих публикациях определены основные вехи его биографии, представлен обзор его исследовательских работ. Важной вехой в российской историографии явилась публикация Н.Е. Единарховой «Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства» (2001). А начало было положено статьей знатока истории русско-монгольских отношений Е.М. Даревской в статье, посвященной созданию и деятельности Ургинской школы переводчиков (1864–1920 гг.), подготовившей более 100 переводчиков [Даревская 1958]. В публикации основательно освещена роль Я.П. Шишмарева в функционировании школы и подготовке квалифицированных переводчиков.

Я.П. Шишмарев родился в 1833 г. в пограничном городе Троицкосавске. Его дед был монголом, который перекочевал в Забайкалье и женился на русской казачке. Его отец, Парфений Шишмарев, имел большой опыт работы на русско-китайской границе, был знатоком монгольского языка, обладал давними и прочными связями и авторитетом в Монголии. Длительное время служил в Кяхте переводчиком при кяхтинском пограничном комиссаре, неоднократно сопровождал миссии и курье-

* © Ю.В. Кузьмин, 2021.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-59-44008 Монг_а: «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии»).

ров в Ургу. Несомненно, что это сыграло немаловажную роль в судьбе его сына, с которым он щедро делился своими познаниями и опытом в «монгольских делах».

Яков Шишмарев учился в Троицкосавской русско-монгольской войсковой школе, затем совершенствовал свои познания в китайском и маньчжурском языках у известного китаиста К.Г. Крымского в русско-китайской школе в Кяхте. Теоретические познания восточных языков закреплялись практикой, благо в пограничном городе для этого были самые благоприятные условия.

В 16 лет Я. Шишмарев поступил на службу. Из «Формулярного списка о службе Секретаря и драгомана Российско-Императорского консульства в Урге коллежского секретаря Шишмарева за 1863 год» мы узнаем следующее: 26 мая 1849 г. он принят канцелярским служителем Троицкосавского пограничного правления, 10 января 1852 г. определен протоколистом войскового правления. В апреле 1855 г., по предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири, командирован в 3-ю экспедицию на Амур. За заслуги в экспедиции награжден чином коллежского регистратора, 150 рублями серебром и назначен переводчиком с маньчжурского языка. В марте 1858 г. он вновь командирован в Амурский край, где участвовал в переговорах и заключении Айгуньского договора 16 мая 1858 г. между Россией и Китаем. За усердие российский император наградил Я.П. Шишмарева орденом Св. Анны III степени и пожизненной пенсией 500 рублей серебром в год. 13 января 1859 г. вновь командирован в экспедицию для разграничения с Китаем от реки Уссури до морских берегов и получил орден Св. Владимира [АВПРИ, л. 1–9]. Таким образом, к своим 30 годам он имел значительный опыт ведения сложных и затяжных переговоров с Китаем.

Значительную роль в служебной карьере Я.П. Шишмарева сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев, который обратил на него внимание и привлек к службе молодого и талантливого чиновника, владевшего монгольским, китайским и маньчжурским языками. Я.П. Шишмарев неоднократно участвовал в известных сплавах по Амуру и дипломатических переговорах. Участие в 1858 г. в переговорах в Айгуни и подписании русско-китайского договора дали Шишмареву бесценный опыт ведения дипломатического диалога с китайцами. В 1859 г. он участвовал в работе пограничной комиссии во главе с подполковником К.Ф. Будогосским, в 1860 г. находился в Пекине и оказал помощь графу Н.П. Игнатьеву в подписании русско-китайского договора.

Согласно Пекинскому договору 1860 г., русскому правительству разрешалось иметь в Урге консула. Из Кяхты в Ургу в мае 1861 г. во главе небольшой группы прибыл Парфений Шишмарев — отец Якова. Яков Шишмарев был назначен секретарем российского консульства. 23 июня 1861 г. он переведен в ведомство МИД с назначением секретарем и драгоманом в Урге. Назначенный русским консулом подполковник К.Н. Боборыкин, пробыл в Урге недолго и 5 сентября 1861 г. отбыл в Пекин. Заменивший его Я.П. Шишмарев, был официально назначен консулом, действовавшим под руководством русского посла в Пекине и генерал-губернатора Восточной Сибири.

Судьба Якова Парфеньевича Шишмарева уникальна и неповторима во многих отношениях. В дипломатической практике Российской империи ни один известный нам

дипломат, кроме Я.П. Шишмарева, не служил успешно на одном месте полувека. Он вошел в историю России и российско-монгольских отношений не только как широко известный дипломат, но и как крупный исследователь культуры, этнологии монгольских народов [Кузьмин 1997]. К сожалению, этнографической наукой России его вклад до сих пор недооценен, труды не введены широко в научный оборот, хотя изредка и цитируются современными историками, этнологами, политологами России и мира. До сих пор в российской историографии малоизвестно о роли Я.П. Шишмарева как участника амурских сплавов и русско-китайских переговоров о русско-китайской границе по реке Амур, которые в сложных международных условиях организовал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. В русско-китайских переговорах Я.П. Шишмарев выступил в роли переводчика с маньчжурского и монгольского языков и знатока китайского и маньчжурского дипломатического этикета. Именно здесь под началом выдающегося российского политика и дипломата Н.Н. Муравьева-Амурского¹ Шишмарев получил серьезный дипломатический опыт, который пригодился ему в разрешении сложных русско-монгольских отношений.

Я.П. Шишмарев являлся прекрасным организатором, который в сложнейших условиях давления со стороны маньчжурских властей в Урге сумел построить здание русского консульства в этом городе, православную церковь, создать Ургинскую школу переводчиков. Шишмарев был инициатором и организатором созданной в 1864 г. Ургинской школы переводчиков. Он являлся не только руководителем этого учебного заведения, но и преподавал в нем. Кульджанская школа переводчиков и толмачей также была создана при содействии Шишмарева. В 1880 г. он приехал в Илимский край и обратился к Туркестанскому генерал-губернатору с вопросом о легализации школы переводчиков в Кульдже. В 1884 г. проект организации школы был утвержден Государственным советом России.

В течение десятилетий Шишмарев успешно защищал российские национальные и экономические интересы в Монголии. Он был блестящим знатоком страны, пользовался искренним уважением во всех слоях монгольского общества. Весьма разнообразной была и деятельность первого генерального консула в Монголии, которая никогда не ограничивалась только его дипломатической службой. Она также включала собственные научные экспедиции и публикации, содействие русским путешественникам и купцам, формирование благоприятного имиджа России и ее представителя в кочевой стране.

В 1864 г. Я.П. Шишмарев возглавлял экспедицию для изучения перспектив русской торговли в Восточной Монголии, транспортных путей в этом регионе. По данным историка Ш.Б. Чимитдоржиева, Шишмарев вместе с монгольским князем Артацедом написал книгу «Сведения о халхаских владениях (с подробной картой Монголии)» [Чимитдоржиев 1987]. В 1890 г. Я.П. Шишмарев передал в Петербургскую Кунсткамеру (ныне Музей антропологии и этнографии) предметы

¹ В 2019 г. исполнилось 210 лет со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. Памятники ему установлены в Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, но отсутствуют в Иркутске, где он служил длительное время. Еще не поздно восполнить это упущение

культы, приобретенные в Урге. Он передал музею коллекцию статуэток «Цам», книги, монгольские вышивки. Исполняя последнюю волю покойного Шишмарева, П.К. Козлов преподнес в дар музею ладанку тонкой китайской работы — подарок Я.П. Шишмареву от ургинского Богдо-гэгэна.

Но это вовсе не значит, что жизнь Якова Парфеньевича была безоблачной, а деятельность только успешной. Так, о тяжелом материальном положении российского консула в Урге в 1870 г. свидетельствует его письмо в Иркутск, председателю дипломатической канцелярии Восточной Сибири, в котором он пишет, что «получаемого мною содержания далеко недостаточно на приличную жизнь здесь с семейством, но даже с большими лишениями». Консул описывает дороговизну в Урге, сделанные в этой связи вынужденные долги («в первый раз имею в моей жизни долг»). У Я.П. Шишмарева была большая семья, пять сыновей и три дочери. Он с огорчением писал: «Падаю духом, как подумаю, что приходит время учить детей, а десятилетняя служба в Урге не позволила сохранить ни одного гроша» [ГАИО, л. 1]. В архивном деле ГАИО находится переписка 1870–1882 гг. о выдаче Я.П. Шишмареву ежегодного пенсионера в 490 руб. в год.

Я.П. Шишмарев плодотворно занимался научно-исследовательской деятельностью. Специального анализа заслуживают его публикации: «Народный праздник в Монголии: Надам долон-хошуней, или Праздник семи родов», «Сведения о халхаских владениях» (1864), «Поездка от города Урги на реку Онон Я. Шишмарева» (1865), «Донесение русского консула в Урге о положении Монголии. Июль 1885 г.» (1886). Работы насыщены интересными фактами, тонкими наблюдениями и самобытными выводами, заслуживают внимательного изучения историками и этнологами.

В статье «Народный праздник в Монголии», опубликованной в газете «Северная пчела», Я.П. Шишмарев подробно, буквально по дням и часам, описал для русского читателя основной летний праздник Наадам (Надам, Надом), который прошел в июле 1862 г. Праздник начался с того, что ханы и князья поднесли Богдо-гэгэну жертву, состоящую из зернового хлеба, серебра, шелковых материй. Автор описывает эту церемонию и приводит текст речей, произнесенных на ней. В тот же день, несколько часов спустя, были открыты соревнования по борьбе, для участия в которой съехались лучшие борцы Халхи. «Между борцами очень много было лам, но он [лама] в продолжение борьбы считается светским человеком». Борьба продолжалась восемь дней, в ней участвовало 1032 борца. Подробно описаны ритуалы борцов, правила борьбы, награды. «Поборовший одного получает только хлебное печенье, поборовший двоих получает барана, троих — несколько голов верблюдов, лошадей и т. д. Два первые получают несколько голов верблюдов, лошадей, коров, баранов, кусок шелковой ткани, несколько кусков китайки¹ и проч.» [Шишмарев 1863, с. 12].

В течение этих восьми дней, рано по утрам, проводилась стрельба из лука, сначала конная — в кожаные шары, затем пешая — в натянутую на рамы кожу.

¹ *Китайка* — ткань первоначально, шелковая, затем плотная хлопчатобумажная ткань, обычно синего цвета, из которой шили верхнюю одежду. Производилась в Китае и массово ввозилась в Россию в XVIII – нач. XIX в.

Шишмарев отмечает, что за каждую попавшую в шар стрелу стрелок получает по одному лану серебра. Однако, главным соревнованием, конечно, являлась конная скачка, назначенная в 25 верстах на запад от Урги, в местечке Бухук. Заблаговременно здесь собрались зрители, на протяжении шести верст расположилось около 3 тыс. юрт и приблизительно 20 тыс. человек: «Все одеты были по-праздничному, движение между Ургой и Бухук не прерывались ни днем, ни ночью» [Там же, с. 13].

Рано утром 27 июля ламская музыка известила о выезде Гэгэна из дворца к празднику. «Гэгэн ехал на белой лошади, впереди шла ламская музыка и ехало несколько лам, из которых один вез перед ним желтый круглый балдахин, сзади ехало человек 50 лам, составляющих свиту». Расстояние бега составляло 25 верст, участвовало в бегах 480 лошадей, из них 26 пало на дороге. Седоками были мальчики от 10 до 14 лет. Обе передние лошади принадлежали гуну Дайчик Цэцэнханского аймака, хошун которого славится хорошими лошадьми, и почти всегда получает первые призы. Победителей представляли Гэгэну, «чем находчивее монгол, тем более изощряется в наборе слов — за смыслом он не гонится» [Там же, с. 14].

На второй день около 500 лошадей-четырёхлеток соревновались на дистанции 16 верст. На третий день скакало 500 лошадей-трехлеток на дистанцию восемь верст, на ней пало 19 лошадей. Награды получали владельцы лошадей, часть награды также уделялась седокам. Я.П. Шишмарев отмечает, что на этот раз Надом был гораздо малочисленнее прежних, это было связано с повсеместной засухой в Монголии. В обычные благополучные годы в скачках участвует 3 тыс. лошадей, а в борьбе — 2 тыс. борцов.

В объемной публикации «Сведения о Халхаских владениях» Я.П. Шишмарев дал краткую, но всестороннюю характеристику Халхи середины XIX в. Это было своеобразное справочное издание о Монголии и различных сторонах жизни монгольского общества: границе, климате, административном делении, системе управления, населении, хозяйстве, образе жизни [Шишмарев 1864, с. 38–43].

Автором отмечаются факты массового дробления монгольских хошунов, когда после вступления Халхи в подданство Китая родоначальники больших хошунов начали делить их между своими сыновьями, что привело к образованию 49 убур-хошунов и 84 халхаских, большей частью бедных населением. Вся забота монгольского князя, по мнению Шишмарева, «заключается только в том, чтобы вполне удовлетворить своему честолюбию, а главное сребролюбию <...> то и другое чувство развито в монголе едва ли менее, чем в китайце» [Шишмарев 1864, с. 41]. Я.П. Шишмарев считал, что Халха управляется больше своими законами и обычаями, кроме уголовных и судебных дел, решаемых по особому уложению, составленному для монголов в Пекине.

Представлена характеристика административной структуры: амбань, хошунный князь, дарга (старшина), сейм. Даны некоторые персональные оценки монгольских правителей: «Больше других пользуется влиянием на народ в Халхе Цэцэн-хан, очень богатый, дельный и добрый старик, служащий уже несколько лет амбанем. Нынешний старшина сейма Цэцэн-хан аймака Джюнъ-ван злой старик, владею-

щий хорошо пером и известный взяточник и ябедник, но с сильной поддержкой в Пекине, конечно, через деньги» [Там же, с. 42].

По мнению Я.П. Шишмарева, данные по народонаселению нельзя назвать точными: по словам монголов, насчитывалось до 170 тыс. кибиток, что составляет 500 тыс. человек. Основной тенденцией он считал уменьшение численности населения страны. «Одна из главнейших причин уменьшения народонаселения есть то, что почти половина халхасцев — ламы, ведущие безбрачную жизнь, что послужило поводом к упадку нравственности тамошних женщин». Отдельно выделяется автором Шабинское ведомство, в котором, по переписи 1862 г., насчитывалось 70 372 души, исключая дархатов. Своей земли они не имели, а пользовались правом кочевать по всем хошунам.

Я.П. Шишмарев дает следующее описание Хутухты: «Настоящий хутухта мальчик 14 лет, довольно красивой наружности, высокого роста и очень живой, он привезен сюда вместе с отцом и матерью» [Там же, с. 43].

В Урге жило от 7 до 10 тыс. лам, поселение разделялось на 27 аймаков (кварталов), здесь находились две полиции: светская и духовная. Я.П. Шишмарев отмечал, что «монголы большею частью грамотны. Обучением детей занимаются ламы». Это суждение отличалось от общепринятых в российском общественном мнении о степени грамотности монголов. Им предпринята удачная попытка дать характеристику национального характера монголов: «Монголы народ кроткий, трусливый, но хитрый. Где нет маньчжурских чиновников, там монголы бойки и говорливы, в присутствии же их они вялы и молчаливы. Страсть к обману и воровству развита между ними в высшей степени» [Там же, с. 40]. Желая как-то смягчить негативные черты кочевника, он отмечал, что существует и хороший обычай — гостеприимство монголов.

В июне 1864 г. Я.П. Шишмарев вместе с чиновником Фроловым и хорунжим Доржитаровым совершил экспедицию из Урги до Онона (до Верхнеульхунского караула) общей протяженностью в 368 верст. Задачей экспедиции было исследование этого пути, необходимого для развития русской торговли. Он мог связать Ургу с Ононским и Приамурским краем, а через них с Амуром. Было неизвестно насколько удобен для торговых караванов этот путь, насколько он обеспечен подножным кормом и водой. Предстояло собрать сведения, нужные консульству, ознакомиться с краем, снять топографию реки Онон. Подробный отчет об экспедиции — «Поездка от города Урги на реку Онон» Я.П. Шишмарева был опубликован в 1865 г. в «Записках Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества», изданных в Иркутске [Шишмарев 1965, с. 138–148].

Публикация содержит детальное описание пути, подробный путевой дневник экспедиции. Сообщив о своем намерении совершить поездку монгольским властям, Я.П. Шишмарев получил от них предложение сделать ее уртонными станциями. «Ургинским правителям сказал, что должен буду поехать по делам службы из Урги на наши пограничные караулы и, чтобы не делать круга и не обременять монгольские станции, думаю ехать из Урги на границу на своих лошадях и верблюдах». Перед поездкой Шишмарев собирал сведения о пути и районе будущего путешествия, но

информация была различной и противоречивой, не было ни одного человека, который побывал бы на Ононе. В июне все было приготовлено, и небольшая экспедиция с двумя монголами-проводниками отправилась в путь, который описывается по дням и даже часам. Автор отмечал поразительное любопытство монгольских кочевников: «Любопытные монголы выезжали к нам из каждой юрты и проезжали с нами по несколько верст, рассматривая обоз, тележку и проч. И пускаясь в расспросы у наших вожатых» [Там же, с. 141]. Были встречены солоны, едущие на поклонение, пересечен Дзун-Курень, в котором находилось несколько кумирен, до 400 домов и около тысячи лам. Его поразила боязнь воды монгольскими проводниками при переправе через реки. Вот описание переправы реки Керулен: «Едва въезжали они в воду по колено лошади, как поднимали голову кверху, зажмуривали глаз и читали вслух молитвы, находясь в этом положении до тех пор, пока не чувствовали, что лошади их давно уже шли по сухой траве» [Там же, с. 143].

Интересно такое этнографическое наблюдение Шишмарева, как постройка монголами деревянных юрт, срубленных из тонкого круглого леса в четыре угла и покрытых на два ската. По его предположению это было позаимствовано от русских или бурят, их хозяева, видимо, побывали там. 18 июня встретили земляной вал (Хырмынь-дзам), весь следующий день ехали около него. Местных преданий об этом вале нет, есть только одно, которое он считал нелепым: «Говорят, что вал сделан Чингис-ханом. По древним монгольским обычаям, монгольские ханы и князья не должны были видеть своих невест. Поэтому, когда Чингис женил своего старшего сына, то велел сделать вал, по северную сторону которого и жила его невеста» [Там же, с. 146].

21 числа добрались до русского караула, и Шишмарев делает вывод о пройденном пути и возможном использовании его для русских торговцев: «путь весьма удобен для тележной езды, гористой местности очень немного и то первая треть пути <...> Весь путь изобилует подножным кормом, вода есть везде. Больших рек, делающих затруднение к езде, нет» [Там же, с. 147].

В том же году Я.П. Шишмарев принял участие в Сунгарской экспедиции совместно с кн. П.А. Кропоткиным и А.Ф. Усольцевым с целью сбора сведений о реке Сунгари от устья до города Гирин. По мнению современного исследователя из Петербурга А.И. Андреева, эта экспедиция имела важное политическое значение, так как этим Россия продемонстрировала китайским властям свое право плавания по реке Сунгари. По его данным, в 1868 г. состоялась поездка Я.П. Шишмарева в Улясутай. Отчет об этой поездке пока не удалось обнаружить [Андреев 2003, с. 119]. Шишмарев был первым европейцем, побывавшем в этом городе Западной Монголии и сообщившем о высочайшей горной вершине Хангая — Отхон-тэнгри. Из Улясутая консул отправил своего помощника в Минусинск и проложил новый маршрут по этой части Монголии.

В Монголии Я.П. Шишмарев постоянно решал сложные дипломатические, юридические и практические вопросы: решение спорных вопросов русской торговли в Монголии, разрешение противоречий в русско-китайских отношениях, строительство российского консульства и православной церкви в Урге, отвод земель под строительство домов русских купцов и жителей, судебные тяжбы.

После Петербургского договора 1881 г. Россия получила право на открытие дополнительных консульских учреждений в Кобдо и Улясутае и расширение торговли по всей Монголии. Консульства начали работать в Улясутае (1909), Шара-Сумэ (1911), Кобдо (1911) [Сизова 2015]. Это укрепило позиции России в западной Монголии и способствовало защите русских торговцев и поселенцев. Шишмарев содействовал укреплению позиций России в Монголии, упрочению русской торговли в стране и научному изучению Монголии. Он помогал русским исследовательским экспедициям Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, Д.А. Клеменца, Н.М. Ядринцева, П.К. Козлова, сам настойчиво изучал географию, административный строй, экономику Монголии и публиковал научные работы в сибирских географических изданиях. Генеральное консульство способствовало также консолидации русской общины в Монголии, развитию российских образовательных, культурных и религиозных структур (православная церковь, благотворительные и образовательные структуры) в Урге и поддерживало миссионерскую деятельность РПЦ.

Я.П. Шишмарев был создателем и затем руководителем Ургинской школы переводчиков, которая готовила профессиональные кадры для работы в Монголии и Цинской империи. Ургинская школа переводчиков и толмачей (1864–1920) — это первая и старейшая русская школа в Монголии. Она была открыта 1 ноября 1864 г. при консульстве России в Урге. Первый выпуск состоялся в 1865 г., затем школа выпускала от одного до трех учеников раз в два-три года. Школа существовала как нештатное учебное заведение, а средства на ее содержание отпускал генерал-губернатор Восточной Сибири. Ставился вопрос об официальном признании школы, создании постоянных штатов и принятии ее на государственный бюджет. В 1884 г. по Положению утвержден пятилетний срок обучения. Изучались письменный и разговорный монгольский, маньчжурский и китайский языки. Школа находилась в ведении консула: он руководил работой инспектора, занимался летней практикой учащихся. Материальное положение школы было неудовлетворительным, особенно в начале XX в. В 1904–1906 гг. в школе обучалось по 12–15 человек, на каждую вакансию подавалось до 30 прошений. Стали принимать вольнослушателей за свой счет, в основном из числа военных и ученых. В 1913–1914 гг. была намечена реорганизация школы, которая не состоялась в связи с войной. Всего в ней было подготовлено более 100 переводчиков [Даревская 1958]. Выпускники школы служили в правительственных и частных учреждениях Центральной России, а также в Китае и Монголии. Здесь брали уроки монгольского языка врач Н.В. Кирилов, этнограф Д.А. Клеменц, ветврач А. П. Свечников и др. Школа сыграла важную роль в подготовке квалифицированных переводчиков для развития русско-монгольских отношений. 1 ноября 1914 г. в Троицкосавске состоялось скромное празднование 50-летия Ургинской школы.

Я.П. Шишмарев прекрасно понимал, что без духовной опоры русская диаспора не сможет существовать как полноценное сообщество, поэтому строительство русской православной церкви считалось важнейшим делом руководителя дипломатической миссии в Монголии. Первые русские священники появились в Монголии еще в начале XVII в., направляясь в на службу в Китай. В 1705 г. Филофей (Лещин-

ский) направил первую духовную миссию в Монголию для сбора информации о стране и буддистах и встречи с Хутухтой. После открытия российского консульства в Урге из России направлялись священники религиозных треб. В 1872 г. началось строительство православной церкви, которое было завершено в 1875 г. Длительное время в храме не было постоянного священника, и поэтому приезжали миссионеры Забайкальской духовной миссии. С 1893 по 1914 г. настоятелем ургинской Троицкой церкви был священник Николай Шастин, с 1914 по 1921 г. — священник Федор Парняков, которого убили унгерновцы [Корниенко, Плеханова 2020]. В 1920-е гг. православная церковь прекратила свою деятельность и восстановила ее только в начале XXI в.

В начале XX в. Я.П. Шишмарев несколько раз пытался выйти в отставку, но прослужил в Урге до 1911 г. С 1911 по 1915 г. консультировал МИД России по сложным проблемам русско-монгольских отношений, помогал вести русско-монгольские переговоры. Монгольская делегация обращалась к Шишмареву за помощью и поддержкой во время сложных русско-монгольских дипломатических переговоров в Петербурге в 1912–1913 гг.

Проблемы русско-монгольской торговли занимали основное внимание Генерального консульства и Я.П. Шишмарева. Приходилось решать спорные вопросы русских купцов, защищать их интересы в стране. Он проявлял инициативу и искал новые торговые пути между Россией и Монголией, предлагал купцам осваивать новые товарные ниши в международном товарообороте. Много проблем возникало в торговле чаем, который перевозили монголы, часть груза терялась на долгом пути, и возникали конфликты, разрешавшиеся консульством. Ежегодно Шишмаревым составлялись отчеты о русско-монгольской торговле, которые получали генерал-губернатор Восточной Сибири и МИД России. Сейчас это ценный источник по истории Монголии и русско-монгольских отношений [Единархова 2001].

После четверти века службы в консульстве в Урге Я.П. Шишмарев обращался с письмами к Н.М. Пржевальскому и Н.Н. Обручеву — начальнику Генерального Штаба и председателю Военно-ученого комитета с предложением службы в Военном ведомстве. Он писал: «Пробыв по службе в этих краях более 25 лет, я нахожу неудобным для себя оставаться здесь далее, в особенности по семейным обстоятельствам и необходимости воспитывать детей. Ознакомившись достаточно, в продолжение такой долголетней служебной деятельности, с Китаем, Монголией, Маньчжурией, Средней Азией, отчасти с Кореей, с положением дел, быть может, я был бы до некоторой степени полезным Военному Министерству, в ведомстве которого служить было всегда моим желанием» [Андреев 2003, с. 121, 122].

В Монголии Я.П. Шишмарев прослужил до 1911 г. В последние годы службы в Урге он жил без семьи, которая переехала в Петербург в связи с необходимостью дать образование детям. С 1911 по 1915 г. Шишмарев консультировал МИД России по сложным проблемам русско-монгольских отношений во время дипломатических переговоров в Петербурге. Одновременно с этим монгольская делегация приглашала его как переводчика и советника на этих переговорах, что отражает высокую степень доверия дипломатов Монголии к уже бывшему генеральному консулу России.

Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев за 50 лет службы в Урге проявил себя как опытный дипломат, умелый организатор и патриот России, а также профессиональный исследователь русско-монгольских отношений и современной ему Монголии. За добросовестную службу он был награжден тремя российскими орденами, двумя медалями и стал кавалером семи иностранных орденов, в том числе китайского ордена [Единархова 2008, с. 111].

Профессор кафедры монгольской филологии восточного факультета Ленгосуниверситета Л.К. Герасимович в частной беседе в 1982 г. сообщала о наличии у родственников Я.П. Шишмарева значительного рукописного наследия дипломата. К сожалению, в 1930-е гг. они его уничтожили, боясь необоснованных обвинений. Известно, что Я.П. Шишмарев работал над мемуарами о Монголии и монгольском периоде своей дипломатической деятельности, но судьба их неизвестна.

Научное наследие Я.П. Шишмарева, несомненно, заслуживает дальнейшего специального исследования и полного современного издания. В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) и Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) бережно хранятся уникальные документы, бесценные свидетельства становления и развития русско-монгольских отношений, особенно с середины XIX в. до 1921 г. Ряд документов до сих пор не был введен в научный оборот. В столице Монголии — Улан-Баторе — перед зданием Российского центра науки и культуры (РЦНК) в 2014 г. был открыт памятник известному российскому дипломату и востоковеду Ивану Яковлевичу Коростовцу, который сыграл важную роль в успехе русско-монгольских переговоров 1911–1912 гг. Представляется, что дипломатическая, научная и общественная деятельность генерального консула России в Монголии Якова Парфеньевича Шишмарева заслуживает не менее высокой оценки в России и Монголии.

Архивы

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/1. Д. 873. 1863. Л. 1–9. «Формулярный список о службе секретаря и драгомана Российского Императорского Консульства в Урге коллежского секретаря Шишмарева за 1863 год».

ГАИО — Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 67. 1870–1882. Л. 1–79 «О производстве пенсии надворному советнику Шишмареву».

Литература

Андреев 2003: Андреев А.И. Я.П. Шишмарев — дипломат, путешественник, исследователь Монголии // *Mongolica*. СПб., 2003. Вып. 6. С. 118–121.

Даревская 1958: Даревская Е.М. Ургинская школа переводчиков и толмачей (Из истории русско-монгольских связей) // Свет над Байкалом. 1958. № 1. С. 140–150.

Единархова 2008: Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск, 2008. 136 с.

Корниенко, Плеханова 2020: *Корниенко Н.Н., Плеханова А.М.* Русская православная церковь в Монголии: история и современность. Иркутск, 2020. 256 с.

Кузьмин 1997: *Кузьмин Ю.В.* Шишмарев — генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 гг. // *Bulletin: the IAMS news information on Mongol Studies*. 1997. № 2 (20). С. 78–86.

Русский консул 2001: Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / Сост., вступ. ст., примеч., библиограф. Н.Е. Единарховой. Иркутск, 2001. 119 с.

Сизова 2015: *Сизова А.А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М., 2015. 295 с.

Чимитдоржиев 1987: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М., 1987. С. 202.

Шишмарев 1863: *Шишмарев Я.* Народный праздник в Монголии... // *Северная пчела*. 1863, № 7, отд. оттиск. 14 с.

Шишмарев 1864: *Шишмарев.* Сведения о халхаских владениях // *Записки Сибирского отдела ИРГО*. Кн. 7. Иркутск, 1864. С. 55–90.

Шишмарев 1865: *Шишмарев Я.* Поездка от города Урги на реку Онон // *Записки Сибирского отдела ИРГО*. Кн. 8. Иркутск, 1865. С. 138–148.

Монголия между двумя революциями (1911 и 1921 гг.)^{*, 1}

Введение

История Монголии XX–XXI вв. — это органичная и неотъемлемая часть мировой истории. Она теснейшим образом связана с историей России и Китая, а также с теми революционными преобразованиями, которые произошли в этих странах в начале XX в.

В становлении монгольской государственности важную роль сыграла Синьхайская революция 1911–1913 гг., которая привела к Монгольской революции 1911 г., а Октябрьская революция 1917 г. в России стала базисом победы Монгольской революции 1921 г. и образования Монгольской Народной Республики (МНР). В настоящее время российская и монгольская историография уделяют этим событиям значительное внимание [Пунсалдулам, Хишигт 2007; Курас 2016]. При этом особо выделяются следующие аспекты:

- 1) кризис Цинского двора в начале XX в. и его воздействие на нарастание политического и экономического кризиса в Монголии;
- 2) политика Российской империи в отношении Монголии в начале XX в.;
- 3) Синьхайская революция и провозглашение независимости Монгольского государства;
- 4) русско-монгольское соглашение 1912 г. и русско-китайская декларация 1913 г.;
- 5) тройственное Кяхтинское соглашение 1915 г.;
- 6) личность в истории: роль Уполномоченного императорского Российского правительства в Монголии Ивана Яковлевича Коростовца (1862–1933), VIII Богдо Джебцзундамба-хутухты (1874–1924) в становлении Монгольской государственности и первого Уполномоченного НКВД Советской России в Монголии Отто Ивановича Макстенека (1874–1938; репрессирован) в подготовке и осуществлении Монгольской революции 1921 г.;
- 7) Монгольская революция 1921 г. и образование Монгольской Народной Республики.

Особенность китайской цивилизации выражалась в том, что она тысячелетиями была замкнутой. Это способствовало непрерывности социально-экономического, политического и культурного развития империи; незыблемости идеологических, конфуцианско-традиционалистских основ. Конечно, внутри самой цивилизации периодически происходили династийные кризисы, которые, как правило, завершались падением одного и появлением очередного, нового монарха. До начала XX в.

^{*} Л.В. Курас, Б.Д. Цыбенков, 2021.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и МинОКН (Монголия) (проект № 19-59-44004: «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)»).

эти процессы происходили циклично, что никак не влияло на устои традиционного общества и саму суть китайского монархического строя [Нефедов 2007]. Специфика же кризиса Цинской империи заключается в том, что, с приходом западной культуры и западных технологий эта непрерывность и замкнутость были нарушены [Чудодеев 2013]. Вторжение Запада открыло принципиально новую эпоху взаимодействия двух совершенно разных миров — конфуцианско-традиционалистской китайской цивилизации и западной капиталистической цивилизации, что выразилось в смешении принципов западного техницизма и китайской конфуцианской духовности. При этом Запад навязывал более динамичную модель развития, что положило начало драматическому процессу сближения. Все это неизбежно привело к ликвидации монархии в Китае и резкому усилению центробежных тенденций внутри страны. Именно эти события привели к обретению независимости Внешней Монголией (Халха), Тибетом и Баргой¹.

Кяхтинское соглашение и международный статус Монголии

В русле поставленной нами проблемы особый интерес представляют русско-китайские отношения через призму монгольского вопроса. Это обусловлено тем, что к 1911 г. русско-китайские отношения приобрели напряженный характер: в Китае проводилась военная реформа, осуществлялось железнодорожное строительство с привлечением иностранного капитала (намечалась прокладка железных дорог в Монголии и Маньчжурии до границы с Россией), строился военный флот, в широких масштабах проводилась колонизация Внутренней Монголии и Маньчжурии. Не случайно в правительственных и общественных кругах России видели в Китае реальную военную угрозу. И потому царское правительство намерено было принять превентивные меры.

И когда в декабре 1911 г. 18 наиболее влиятельных халхаских князей и высших лам провозгласили независимость Монголии, Россия взяла курс на создание из Северной и Западной Монголии буферного государства. Царскому правительству удалось решить эту задачу: в 1915 г. в Кяхте было подписано русско-китайско-монгольское соглашение, по которому Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила широкую автономию, официально оставаясь в составе Китая, что, несомненно, является заслугой российской дипломатии. Однако свержение цинской монархии поставило перед Монголией непростую задачу формирования новых общественно-политических структур и построения качественно новых государственных отношений. 29 декабря 1911 г. прошла торжественная церемония возведения Богдо-гэгэна VIII Джебцзундамба-хутухты на государственный престол. Монголы провозгласили его правителем-ханом Монгольского государства [Батсайхан 2013, с. 122], что означало создание независимого государства. Однако до 1915 г. Монгольское государство не являлось субъектом международного права

¹ *Барга* — историческая область во Внутренней Монголии, территория традиционного проживания баргутов.

и оставалось непризнанным, хотя и независимым суверенным государством, осуществлявшим самостоятельную политику. При этом оно находилось в экономической и политической зависимости от России, которая подготовила и подписала русско-монгольское соглашение 1912 г. и русско-китайскую декларацию 1913 г., что укрепило международный статус Монголии.

Россия жестко проводила собственную политику, взяв «монгольский вопрос полностью в свои руки» [Белов 1999, с. 56, 57]. В то же время эти международно-правовые документы определили статус Монголии для последующего выхода страны на международную арену. Это было тем более ясно, что решение данного вопроса зависело и от «других держав — Японии, США, Англии, Франции, Германии, не желавших <...> нарушения баланса сил, сложившегося в регионе Центральной Азии и Дальнего Востока, на пороге Первой мировой войны» [История Монголии 2007, с. 37]. Причем эти державы в большинстве своем «поддерживали Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировали неоднократные предложения Богдо-хана и его правительства установить дипломатические и торговые отношения. В этих условиях именно Россия стала гарантом монгольского правительства «в деле сохранения институтов монгольской государственности, формирования вооруженных сил, недопущения китайской колонизации и ввода китайских войск» [там же] и создания правового поля для повышения статуса Монголии в системе международных отношений. Не случайно эти международные акты получили высокую оценку в российской и монгольской историографии [Белов 1993; 1999; Батсайхан 2014; Бакетова 2009].

Следует подчеркнуть еще один созвучный российской и монгольской историографии аспект — высокую оценку профессионализма Уполномоченного императорского Российского правительства в Монголии Я.И. Коростовца при подготовке и подписании соглашения и виртуозность многоходовой комбинации, которая заложила будущие международные связи. Это привело к подготовке и подписанию русско-китайской декларации от 5 ноября 1913 г., которая также нашла отражение в современной российской и монгольской историографии [История Монголии 2007, с. 39; Батсайхан 2013, с. 137]. Вместе с тем дипломатические акты 1912 и 1913 гг. содержали и некую незавершенность и недосказанность и не сняли политических противоречий между Россией и Китаем. И в этой связи Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г. имеет особое значение. В ходе восьмимесячной работы конференции по подготовке подписания заключительного документа сложилась нестандартная ситуация — на конференции были представлены три готовых, принципиально отличающихся друг от друга, проекта основополагающего документа:

- первый — китайский, предполагал превращение Монголии в одну из провинций Китая;
- второй — российский, предлагал осуществление широкой автономии Монголии при сюзеренитете Китая;
- третий — монгольский отстаивал государственную независимость Монголии.

Следует подчеркнуть, что современная монгольская историография располагает материалами, освещающими весь ход восьмимесячных переговоров, которые

увенчались победой российского проекта [Батсайхан 2002; 2014]. По оценке одного из архитекторов дальневосточной политики Российской империи российского дипломата Я.И. Коростовца, это стало фактическим оформлением международно-правового статуса Монголии, положительно решило «монгольский вопрос» [Коростовец 2009]. Не случайно российский ученый и дипломат, занимавший пост директора Второго департамента МИД Российской империи, барон Б.Э. Нольде писал: «Создание Монголии — одно из крупных дипломатических достижений императорской России» [Коростовец 2013, с. XVIII].

Следует отметить еще один важнейший шаг российской дипломатии, который был сделан при подготовке Кяхтинского соглашения. Так, заботясь об укреплении своих дальневосточных границ, Россия осуществила практически безболезненное присоединение к империи тюркоязычного ламаистского Урянхая, что было связано с проблемой определения линии прохождения российско-китайской границы [Курас 2016, с. 32]. И в этой связи с полным основанием можно утверждать, что Уполномоченный императорского Российского правительства в Монголии Я.И. Коростовец [Батсайхан, 2013, № 4], наряду с «руководителем и отцом Монгольской национальной революции 1911 г.» Богдо-гэгэном VIII Джебцзундамба-хутухтой [Батсайхан 2013] стояли у истоков Монгольской государственности. Но если участие Коростовца ограничилось переговорным процессом, то роль Богдо-хана продолжала расти. А после Кяхтинского соглашения 1915 г., когда Внешняя Монголия превращалась в геополитический центр региона и «становилась ядром притяжения родственных монголоязычных народов, населявших пространство от Байкала до Великой Китайской стены» [История Монголии 2007, с. 44], фигура Богдо-гэгэна начала приобретать сакральный характер.

Транснациональная история Монгольского мира (1917–1921 гг.)

Однако важнейшим событием рассматриваемого периода стала революция 1917 г. в России, в результате победы которой было создано первое в мире социалистическое государство. Именно это событие дало новый толчок развитию революционного, демократического и национально-освободительного движения во всем мире. Именно российская революция 1917 г. стала базовым компонентом революции в Монголии 1921 г. И, наконец, именно это событие позволило взглянуть на историю Центральной Азии первой четверти XX в. через призму национальной истории России, Китая и Монголии с точки зрения транснациональной истории [Курас 2016]. Но переход от революции в России к революции в Монголии — это не триумфальное шествие, а жесточайший период колчаковщины, преодоление которого было под силу лишь большевикам. И при этом ни В.И. Ленин, ни большевистское руководство ни на минуту не забывали об интернациональном характере победившей революции 1917 г., когда возникла новая ситуация, в которой Советская Россия проявляла неподдельный интерес в деле восстановления связей с соседней Монголией [Курас 2017; Курас, Хишигт, Цыбенков 2020]. Это было обусловлено, прежде всего, задачей распространения

революционных идей в Монголии с целью ее превращения в плацдарм революции в Азии, а также экономическими потребностями России.

Одним из первых декретов советской власти стал Декрет о мире, который аннулировал все международные соглашения царской России, что способствовало окончанию Первой мировой войны. Фактически сразу последовало два обращения Советского государства, где Монголия признавалась свободной и независимой страной, имеющей право непосредственно сноситься со всеми другими государствами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда, которые остались без ответа, так как ленинский Декрет, наряду с отказом от тайных соглашений царской России, запустил маховик Гражданской войны, которая продолжалась фактически до 1922 г.

Монголия в конце 1919–1920 году

Политическая обстановка резко изменилась в конце 1919 г., что было вызвано неизбежностью поражения колчаковского режима. Кроме того, у Советского государства не было ни сил, ни средств для поддержания автономии Монголии в соответствии с Кяхтинским тройственным соглашением 1915 г. Пекинское руководство не преминуло воспользоваться этой ситуацией: генерал Сюй Шучжэн в одностороннем порядке расторг Кяхтинское соглашение, упразднил автономию Внешней Монголии, арестовал «живого бога» Джебцун-Дамба хутухту и ряд влиятельных халхаских князей и лам и оккупировал Халха-Монголию. Это привело к возникновению тревожной ситуации, при которой появилась реальная угроза потери Монголией национальной государственности и возникновения реальной опасности на границе Советской России. В этих условиях политические круги Монголии раскололись на три части:

- 1) прокитайская группа, направившая депутацию в Пекин с просьбой смягчить оккупационный режим;
- 2) прозападная группа пыталась заигрывать с Японией и САСШ, которые не проявляли интереса к «монгольским делам»;
- 3) пророссийская группа, представленная двумя подпольными антикитайскими кружками в Урге: «Консульский холм» (Д. Бодо, Х. Чойбалсан) и «Восточное хурэ» (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Сухэ-Батор). Это были новые общественные силы Монголии, которые изначально сделали ставку на Советскую Россию. Именно в этот период по времени совпало национально-освободительное движение монгольского народа и поворот политического вектора Коминтерна на восток [Монголия в документах 2012].

В марте 1920 г. в Ургу из Китая прибыл ответственный сотрудник Сиббюро ЦК РКП(б) Н.Г. Буртман. Он направлялся в Советскую Россию через территорию Китая и Монголии, огибая районы Дальнего Востока, захваченные белогвардейцами. В Урге Буртман тесно взаимодействует с местной русской колонией и особенно с революционерами. Через них он налаживает контакты с членами монгольских подпольных кружков, которым разъясняет политику большевист-

ской партии Советской России, ее идеи и принципы. При этом особое внимание уделялось вопросу оказания помощи большевиками национально-освободительному движению. Н.Г. Буртман был первым большевиком, который установил контакты с будущим основателем КПК профессором Ли Дачжао [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020а].

Другое, не менее важное событие в общественно-политической жизни Монголии произошло в мае 1920 г., когда в Урге появились советские функционеры во главе сотрудником Сибирского бюро ЦК партии С.С. Борисовым, который через некоторое время становится заведующим монголо-тибетским отделом секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) [Рощин 1999]. После этих встреч к монгольским революционерам приходит осознание необходимости более тесных контактов с Советской Россией. Именно Россия воспринималась в среде монгольских революционеров в качестве надежного союзника, готового оказать реальную помощь в обретении независимости страны. Тем самым решение о направлении делегации в Россию для переговоров тогда приняло уже конкретные очертания. Для скорейшей реализации поставленной цели 25 июня 1920 г. на Учредительном собрании МНП было принято решение отправить делегацию в Советскую Россию, сначала С. Данзана и Х. Чойбалсана, за ними — Д. Бодо и Д. Чагдаржава, а чуть позднее — Д. Сухэ-Батора, Д. Догсома и Д. Лосола.

С июня 1920 г. фактически в течение восьми месяцев все нити информационной, финансовой, идеологической, партийной и военно-боевой составляющих национально-освободительной борьбы монгольского народа и осуществления Монгольской революции 1921 г. были сосредоточены в руках Уполномоченного НКВД Советской России в Монголии Отто Ивановича Макстенека, члена партии большевиков с 1904 г., который не был пропущен китайскими властями в Ургу и вынужден был оставаться на границе в Троицкосавске. Именно он стоял у истоков современных дипломатических отношений России и Монголии (о его работе в указанный период можно узнать из доклада «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О.И. Макстенека за время с 1 июня 1920 г. по март 1921 г.», заверенная копия которого хранится в Центральном архиве внешних сношений Монголии [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020б]).

Во многом его активной деятельности способствовал тот факт, что вся подготовка Монгольской революции 1921 г. осуществлялась в границах Дальневосточной республики (ДВР), которая просуществовала всего 2,5 года, но оставила заметный след в революционной истории России XX в., в истории международных отношений и особенно в истории Монгольской революции 1921 г. Эту особенность международного положения Советской России и Дальневосточной республики О.И. Макстенок изложил при первой встрече с монгольской делегацией представителей монгольского народа и МНП, которая в своем обращении изложила просьбу «начать переговоры с правительством Советской России для оказания помощи Монголии в ее борьбе за освобождение». В ответ Макстенок выразил уверенность, что монгольский народ обретет независимость. При этом он извинился за то, что не может принять делегацию официально как представителей

монгольского народа ввиду нелегальности положения МНП «при теперешних обстоятельствах международной политики».

Своим утверждением Уполномоченный подчеркнул: международное положение РСФСР таково, что она не может напрямую контактировать с представителями нелегальной монгольской партии, поскольку эти действия могут вызвать нежелательную реакцию со стороны Китая, США и Японии. И в этой связи ДВР приобретала статус не только «буфера», но и «конспиративной квартиры», а Троицкосавск становился форпостом будущей монгольской революции [Курас, Цыбенков 2021]. При этом самому О.И. Макстенеку отводилась особая роль: «с 4 июля по 10 августа 1920 г. Троицкосавск был местом приема трех групп монгольских делегатов, где они отрабатывали все организационные вопросы с Уполномоченным НКВД РСФСР О.И. Макстенеком, а затем с его помощью направлялись в Верхнеудинск для встречи с руководством ДВР. Дальневосточная республика становилась участницей большой политической игры» [Курас, Цыбенков 2021, с. 202]. Кроме того, необходимо отметить, что первый съезд Монгольской народной партии, проходивший 1–3 марта 1921 г. в Троицкосавске и определивший задачи предстоящей революции, состоялся на квартире Уполномоченного НКВД Советской России О.И. Макстенека. Именно тогда была выработана политическая платформа, направленная на ликвидацию «империалистического гнета», завоевание национальной независимости, установление народной власти, демократизацию общественной жизни страны [Сорок лет 1961]. Вскоре МНП вошла в Коминтерн в качестве сочувствующей партии [История Монголии 2007, л. 61].

Руководство Советской России и РКП(б) в рассматриваемый период старалось не вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу Монголии. И тому были причины:

- во-первых, по мнению большевиков, революционный процесс в Китае вмещал в себя и аналогичные процессы в Монголии как части Китая;
- во-вторых, мировое сообщество имело свою сложившуюся дипломатическую практику, нарушать которую РСФСР была не вправе и потому на официальном уровне проводила более сдержанную, осторожную политику.

В свете этого становится понятно положение монгольской делегации. Тем не менее, сначала О.И. Макстенок, а затем правительство ДВР предприняли меры, направленные на урегулирование российско-монгольских взаимоотношений, которые дали положительный результат. И пребывание монгольских делегатов в Иркутске, а затем в Москве, где состоялась встреча с руководством Советской России во главе с В.И. Лениным, является ярким свидетельством правильности позиции Уполномоченного Советской России в Монголии. И хотя большевиками проблема «автономизации» Монголии по-прежнему отвергалась, тем не менее, образ монгольской коммунистической монархии начал представляться Москве более привлекательным, нежели абстрактные конструкции грядущих генеральных сражений пролетариата Китая. В этом была огромная заслуга Э.Д. Ринчино, весьма прозорливого политика, уловившего настроения в партийном, советском и коминтерновском руководстве.

«Даурский крестоносец»¹

2 ноября 1920 г. Азиатская конная дивизия под командованием барона Р.Ф. Унгерна, теснимая частями Красной Армии, перешла границу Монголии на одном из ее восточных участков.

К началу февраля 1921 г. основные силы барона, насчитывавшие до трех тысяч бойцов (две тысячи русских и тысяча монголов), подошли к Урге. Огромное значение для победы Азиатской дивизии имел психологический фактор — похищение отобранными для этой акции 60-ю тибетцами [Белов 2003, с. 110] Богдо-гэгэна, появление которого в стане Унгерна было встречено всеобщим ликованием. 4 февраля после ожесточенных боев Азиатская дивизия освободила Ургу, которая оказалась в руках объединенных сил Унгерна и монголов. Барон вернул Богдо-гэгэну ханский трон [Цветков 2015, № 3, № 4] с помощью которого барон стремился реализовать проект создания Срединного государства: объединение автономной Монголии, Тибета и Уйгурского автономного региона в могущественную федерацию [Барон Унгерн в документах 2004, с. 116]. В результате последующих сражений, проведенных в течение марта 1921 г., 15-тысячная китайская армия, еще совсем недавно наводившая ужас на Монголию, перестала существовать. На короткий период барон Унгерн превращается в национального героя монголов, а его идея Срединного государства кажется близкой к воплощению. Однако содержание модели государства было аморфно, не имело ясных территориальных границ, отношения между территориальными объединениями были размыты и больше напоминали конфедерацию племен, нежели институализированное государство. Но самое главное — сама модель мира, в котором он жил, фактически реанимировала империю Цин, что было абсолютно не приемлемо для монголов [Курас 2011, с. 170].

В то же время современная российская историография отмечает полководческий талант барона. Так, Е.А. Белов подчеркивает, что именно барон Унгерн смог одержать победу над численно превосходящими республиканскими силами Китая во Внешней Монголии и тем самым оказал неоценимую помощь большевикам. «В тех условиях, в которых находилась Советская власть в России в начале 1920-х гг., ее вожди, не будь в пределах Монголии «даурского крестоносца» с его дивизией, уже разбившего крупные силы Пекина, едва ли решились на ввод в эту страну своей армии». Автор утверждает, что косвенно исторической заслугой барона следует считать то, что «Халха более чем на 70 лет оторвалась от Китая и оказалась в сфере геополитического домината России» [Белов 2003]. В этом плане несомненный интерес представляют наблюдения известного сибирского журналиста и общественного деятеля Д.П. Першина. В своих воспоминаниях он дает подробную характеристику внешнеполитических намерений большевиков в отношении Монголии. Автор отмечает, что большевики, заняв осторожную позицию, имели серьезные планы по раздуванию революционного пожара в Китае, в связи с чем Внешняя Монголия была крайне нужна им как база, из которой они могли бы действовать и на Северный Китай, и на Маньчжурию, и на Синьцзян... «Эту трудную задачу для большевиков удачно разрешил барон Унгерн» [Першин 1999, с. 130].

¹ «Даурским крестоносцем» назван барон Р.Ф. Унгерн в книге [Жуков 2013].

Когда мятежный барон приблизился к Урге, руководство китайских оккупационных войск обратилось за помощью к властям РСФСР и ДВР, и советское правительство приняло решение удовлетворить эту просьбу. 6 ноября 1920 г. командование 5-й Армии в Иркутске получило приказ о подготовке военной экспедиции против Р.Ф. Унгерна, что предусматривало переход монгольской границы. 10 и 27 ноября нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев, но ответа не последовало. Без согласия Пекина, а также учитывая угрозу вмешательства Японии, советское руководство в 1920 г. не решилось на ввод войск в Монголию. 2 ноября 1920 г. монгольские революционеры обратились в Секцию восточных народов, а через нее — к руководству Сибревкома с просьбой ввести свои войска в Монголию. В первых числах ноября, а затем 6 ноября председатель Сибревкома И.Н. Смирнов посылает телеграмму В.И. Ленину, справедливо полагая, что «наше вмешательство в монгольские дела на стороне Китая вызовет в настоящих условиях столкновение с Японией» [Дальневосточная политика 1996, с. 152–154]. Более того, по мнению Е.А. Белова, «Монголы, скорее всего, возмутились бы поддержкой советскими войсками китайских войск, которых они не желали видеть на своей земле. Большинство их присоединилось бы к войску Унгерна, который хотел и умел воевать. А главное, Россия потеряла бы авторитет у монголов, а может быть, на какое-то время превратилась бы в их врага» [Белов 2003, с. 91]. Однако в НКВД и у Реввоенсовета Республики на этот счет было иное мнение. Уже 17 ноября 1920 г. в Иркутске состоялось совещание советских и монгольских революционеров, где было принято решение о подготовке вооруженной борьбы против китайских войск и Р.Ф. Унгерна в Монголии. Перед революционерами ставились следующие задачи: провести разведку мест дислокации китайских войск и белогвардейских отрядов, осуществлять пропаганду среди монгольского населения о необходимости борьбы с иноземными захватчиками, проводить работу по укреплению национально-освободительного движения, создать народно-революционную армию.

Тем временем Р.Ф. Унгерн 4 февраля 1921 г. освободил Ургу от китайской оккупации, хотя эта победа во многом была обеспечена монгольскими войсками, мобилизованными по указу Богдо-хана. Монгольская автономия, таким образом, была восстановлена, но реальная власть в стране фактически отошла к барону Р.Ф. Унгерну — «освободителю» Монголии [Курас, Цыбенков 2021, с. 204]. К нему сразу же устремились разрозненные белогвардейские части, отошедшие на территорию Монголии. В это же время на севере страны сконцентрировались китайские войска. Возникла ситуация, которая всерьез обеспокоила как советское руководство, так и монгольских революционеров.

На пути к Монгольской революции

На передний план встали задачи борьбы с китайскими милитаристами и Унгерном. На территории ДВР был образован штаб партизанских отрядов — Народной армии, под руководством главкома Д. Сухэ-Батора, а 13 марта было сформировано

Временное народное правительство во главе с Д. Чагдаржавом, которого вскоре заменил Д. Бодо. Таким образом, в марте 1921 г. в Монголии возникло двоевластие: 1) народное правительство на севере, имевшее советскую поддержку; 2) правительство Богдо-хана в Урге, гарантом которого выступал барон Унгерн. Тогда же Унгерн начинает понимать, что со своей политикой репрессий, грабежей и расстрелов становится в тягость Монголии. Именно в этот период он получает письмо от атамана Семенова с предложением принять участие в широкомасштабной операции белых, при поддержке Японии, против красных вдоль всей китайской границы с выходом на берег Байкала и захватом Верхнеудинска. 21 мая Азиатская дивизия, усиленная монгольскими отрядами, двинулась на север.

Вторжение его войск на советскую территорию коренным образом изменило всю ситуацию в Монголии и вокруг нее. Советская Россия получила карт-бланш — реальный и веский повод для ввода своих войск на территорию Монголии, что было необходимо как с военной точки зрения, так и с политической. С военной — потому что следовало разгромить барона Унгерна, представлявшего серьезную опасность для Советского государства, а с политической — потому что требовалось оказать реальную помощь монгольским революционерам в деле овладения ситуацией в стране.

Вообще вопрос о вводе советских войск на территорию Монголии стоял и раньше. Но он не мог быть решен положительно ввиду позиции Китая и известных колебаний самого советского руководства [Рощин 1999, с. 21]. Теперь же ситуация изменилась. Барон Унгерн вступил в борьбу не с китайскими, а с советскими войсками. При этом возникла реальная опасность для поражения монгольских революционных сил. Временное народное правительство Монголии еще 16 марта, а затем 10 апреля 1921 г. обратилось к правительству РСФСР с просьбой об оказании военной помощи для борьбы с белогвардейцами. Тем самым, у Советской России появилась, пусть и не безупречная, правовая основа для ввода войск, хотя только сформированное Временное правительство еще никем не было признано.

16 июня 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение оказать военную помощь монгольскому народу с целью ликвидации Унгерна на территории Монголии с соблюдением прав, порядков и обычаев страны, а 20 июня принимается еще одно решение — ассигновать 200 тыс. рублей серебром для МНРП. Тем самым событиям в Монголии было придано заметное ускорение: из небольшой группы революционеров, поддержанных РКП(б), Красной Армией и Коминтерном в качестве сегмента общекитайского революционного движения, за несколько месяцев выросли Монгольская народно-революционная партия, Народно-революционная армия и Временное народное правительство, к которым реально могла перейти вся власть в стране. И хотя партия, вопреки желаниям Коминтерна, не ставила своей задачей слияние с китайским революционным движением, «не поддерживать ее было равноценно измене идеалам революции» [Железняков 2009, с. 204].

22 июня Г.В. Чичерин передал указание Дальбюро ЦК РКП(б) начать военные действия против Унгерна на территории Монголии. Советское командование сформировало особый экспедиционный корпус во главе с комкором К.А. Нейманом (около 10 тыс. бойцов), которому была поставлена задача во взаимодействии

с монгольскими народными войсками осуществить разгром Унгерна. 27 июня, после успешных операций вдоль границы, советские и монгольские войска начали широкое наступление в направлении Урги и уже 6 июля передовые части вошли в город. Победителей встречали торжественно, открыто: простой люд с радостью и даже ликованием, а верхи — настороженно, но в ожидании лучшего. Но верхи, церковные и светские, скоро поняли, что в Ургу пришли не просто освободители от Унгерна, но и новые правители. Старое ургинское правительство было распущено. 10 июля было сформировано новое правительство во главе с одним из руководителей Народной партии Д. Бодо. В правительство, наряду с членами МНП, вошли и представители духовенства, и князей, а Богдо-гэгэн был провозглашен ограниченным монархом. Новая власть демонстрировала линию на сплочение всех патриотических сил в борьбе за обеспечение национальной независимости Монголии. Но при этом во всех новых властных структурах ведущие позиции заняли члены МНП.

Таким образом, в июле 1921 г. в Монголии произошла революционная смена власти. Советская Россия оказалась в непростой ситуации: с одной стороны требовалось признать новое государство, с другой, такое признание осложняло и без того запутанные отношения с Пекином.

8 октября 1921 г. по приглашению СНК РСФСР первая полномочная делегация новой Монголии прибыла в Москву. Начавшиеся 26 октября переговоры завершились 5 ноября 1921 г. подписанием «Соглашения между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией». Тем самым советское партийно-политическое руководство России поставило монгольский вопрос в официальную, практическую плоскость, невзирая на возможность осложнения отношений с официальным Пекином.

Заключение

31 мая 1922 г. первый монгольский посланник в Москве Даваа-гун вручил верительные грамоты председателю ВЦИК РСФСР М.И. Калинину. Первым послом Советского государства стал участник революционного движения в России, член РСДРП с 1905 г. Николай Маркович Любарский (1887–1938; репрессирован).

Литература

Бакетова 2009: *Бакетова О.Н.* Монголия в международных отношениях первой половины XX в.: борьба за независимость: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009. 23 с.

Барон Унгерн в документах 2004: Барон Унгерн в документах и мемуарах / Сост. и ред. С.Л. Кузьмин. М., 2004. 661 с.

Батсайхан 2002: *Батсайхан О.* Монголын тусчаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916). Улаанбаатар, 2002. 340 х.

Батсайхан 2013: *Батсайхан О.* VIII Богдо Жавзандамба-хутухта — руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года // Вестник Бурятского

научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 3 (11). С. 121–137.

Батсайхан 2014: *Батсайхан О.* Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск – Улан-Удэ, 2014. 383 с.

Белов 1993: *Белов Е.А.* Русско-китайские отношения 1911–1915 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 35 с.

Белов 1999: *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999. 237 с.

Дальневосточная политика 1996: Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): Сб. документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета / Государственный архив Новосибирской области / Сост. М.П. Малышева, В.С. Познанский. Новосибирск, 1996. 370 с.

Железняков 2009: *Железняков А.С.* Монгольский полюс политического устройства мира. М., 2009. 272 с.

Жуков 2013: *Жуков А.В.* Барон Унгерн. Даурский крестоносец или буддист с мечом. М., 2013. 416 с.

История Монголии 2007: История Монголии. XX век / Отв. ред. Г.С. Яскина. М., 2007. 448 с.

Коростовец 2009: *Коростовец И.Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. / Сост. О. Байтсайхан. Улан-Батор, 2009. 440 с.

Курас 2016: *Курас Л.В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. [монография]. Иркутск, 2016. 252 с.

Курас 2017: *Курас Л.В.* «Революция в колчакии» и предпосылки Монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск, 2017. С. 76–81.

Курас, Хишигт, Цыбенков 2020: *Курас Л.В., Хишигт Н., Цыбенков Б.Д.* От «революции в колчакии» до Монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск, 2020. С. 385–392.

Курас, Цыбенков 2021: *Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 194–208.

Монголия в документах 2012: Монголия в документах Коминтерна (1919–1934): В 2 ч. Ч. 1 (1919–1929). Улан-Удэ, 2012. 527 с.

Нефедов 2007: *Нефедов С.А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. 141 с.

Першин 1999: *Першин Д.П.* Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века. Самара, 1999. 280 с.

Пунсалдулам, Хишигт 2007: *Пунсалдулам Б., Хишигт Н.* 1911, 1921 оны Монголын хувьсгал // Гадаадын туух бичлэгтйн тойм. Улаанбаатар, 2007. 208 х.

Рощин 1999: *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999. 325 с.

Сорок лет 1961: Сорок лет Монгольской народно-революционной партии (1921–1961) / Пер. с монгол. М., 1961. 24 с.

Хишигт, Курас, Цыбенков 2020а: *Хишигт Н., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 196–208.

Хишигт, Курас, Цыбенков 2020б: *Хишигт Н., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Отто Иванович Макстенек: у истоков монгольской революции 1921 года // *Oriental studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.

Цветков 2015: *Цветков В.Ж.* Р.Ф. Унгерн и попытка организации центра анти-большевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С. 145–171; № 4 (46). С. 102–128.

Чудодеев 2013: *Чудодеев Ю.В.* Синьхайская революция и крах монархии в Китае (1911–1912) // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации: Сб. статей / Отв. ред. В.Ц. Головачев. М., 2013. С. 23–33.

У истоков двусторонних отношений России и Монголии: деятельность О.И. МАКСТЕНЕКА, первого Уполномоченного НАРКОМИНДЕЛ в Монголии^{*, 1}

5 ноября 1921 г. в Москве было подписано «Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об установление дружественных отношений между Россией и Монголией» [Документы 1960, с. 476], протоколы об отказе России от концессий и экономических привилегий царского правительства в Монголии и о сотрудничестве в области судопроизводства. Стороны договорились обменяться дипломатическими и консульскими представителями.

31 мая 1922 г. первый монгольский посланник в Москве Даваа-гун вручил верительные грамоты Председателю ВЦИК РСФСР М.И. Калинину. А 7 июля 1922 г. первым полномочным представителем РСФСР / СССР в Монголии стал Николай Маркович Любарский, уже имевший немалый опыт дипломатической работы, который находился в этой должности по июль 1923 г. [Коминтерн 1998, с. 153]. Таким образом, Монголия стала первым государством на Дальнем Востоке, с которым Советская Россия установила дипломатические отношения. Конечно, этому процессу объективно способствовала победившая Монгольская революция 1921 г.

Между тем у истоков двусторонних дипломатических отношений Советской России и Монголии стоял другой советский дипломат — член партии большевиков с 1904 г., политкаторжанин Отто Иванович Макстенок (1874–1938; репрессирован), имя которого оказалось незаслуженно забытым.

В июне 1920 г. в пограничном городе Троицкосавске начало работать представительство НКВД Советской России в Монголии, во главе которого встал Уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии О.И. Макстенок. Дело в том, что он не был пропущен китайскими оккупационными властями в Ургу и был вынужден остановиться на границе. Обосновавшись в Троицкосавске, дипломат приступил к налаживанию контактов с монгольскими революционерами и организацией их связи с представителями советской власти и Коминтерна в Сибири. Этому во многом способствовало образование Дальневосточной республики, на территории которой находился Троицкосавск, располагавшийся всего в 200 верстах от столицы ДВР — г. Верхнеудинска. В этот период и Троицкосавску [Курас, Цыбенков 2020б], и О.И. Макстенеку было суждено сыграть важнейшую роль в подготовке и осуществлении Монгольской революции 1921 г.

^{*} © Л.В. Курас, Б.Д. Цыбенков, 2021.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и МинОКН (Монголия) (проект № 19-59-44004: «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)»).

На сегодняшний день мы располагаем довольно скудными материалами о жизни и деятельности советского дипломата. Среди них:

1) «Мартиролог жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг.», где ни единым словом не упомянута работа О.И. Макстенека на посту Уполномоченного НКВД Советской России в Монголии [Мартиролог 2019];

2) дело, находящееся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации, по обвинению Макстенека Отто Ивановича по ст. 58-10-11 УК РСФСР как активного участника контрреволюционной группы латышей под руководством Яна Рудзутака. В списке изъятых при аресте вещей указана высшая награда Монголии того времени — орден Красного Знамени [ГА РФ. Ф. 10035]. Здесь же в деле имеется очень плохого качества единственная сохранившаяся фотография О.И. Макстенека;

3) двухтомный сборник документов, посвященный российско-монгольскому военному сотрудничеству в 1911–1946 гг., в котором содержится оперативная информация за подписью О.И. Макстенека в адрес ответственных работников НКВД РСФСР и Восточного отдела Коминтерна по монгольскому вопросу [Российско-монгольское 2019: В 2 ч.].

Кроме того, благодаря воспоминаниям видного советского дипломата-китаиста М.И. Казанина [Казанин 2009] и исследованию архитекторов Монгольской революции Х. Чойбалсана, Д. Лосола и Г. Демида мы имеем описание внешности Макстенека [Чойбалсан, Лосол, Демид 1979; Российско-монгольское 2019. Ч. 2].

Эти документы позволили нам изучить и оценить ту колоссальную организационную, политическую, экономическую и информационно-аналитическую работу, которую проделал Отто Иванович менее чем за год по подготовке первого съезда революционной монгольской партии, формированию ударных вооруженных сил Монгольской революции, идейной подготовке монгольских революционеров, созданию условий для почти годичного пребывания «монгольской семерки»¹ на территории ДВР и РСФСР и их встрече с руководством ДВР, представителями Сиббюро Коминтерна и, наконец, с руководством Советского государства и РКП(б) во главе с В.И. Лениным [Курас, Цыбенков 2020а, с. 177].

Но самый важный документ, заверенной копией которого мы располагаем, находится на хранении в архиве Министерства иностранных дел Монголии под названием «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О.И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.» [ГА РФ. Ф.10035]. Этот документ мы полностью, без купюр, ввели в научный оборот [Хишигт, Курас, Цыбенков 2020], что позволяет составить портрет Отто Ивановича Макстенека как дипломата.

¹ «Монгольская семерка» — представители двух монгольских подпольных антикитайских групп: «Консульский холм» (Д. Бодоо и Х. Чойбалсан) и «Восточное хурэ» (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Сухэ-Батор) и присоединившиеся к ним позднее Д. Чагдаржав и Д. Лосол. В 1920 г. эти две группы объединились в Монгольскую народную партию (МНП, затем МНРП). В 1920 г. «семерка» оказалась в Троицкосавске, сделав ставку на Советскую Россию. «Семерка» стояла у истоков Монгольской революции 1921 г., образования МНП и создания Монгольской Народной Республики. Судьба каждого члена «семерки» трагична, пятеро из них расстреляны.

Достаточно вспомнить, что препятствия, которые чинили китайские оккупационные власти в отношении проезда Уполномоченного НКВД РСФСР в Ургу, не оставляли никаких надежд на то, что О.И. Макстенок сможет приступить к исполнению своих служебных обязанностей. Более того, китайские власти если не сотрудничали, то, во всяком случае, потакали деятельности белогвардейцев и контрреволюции в Монголии, нанося прямой ущерб Центросоюзу — торговой и заготовительной организации Советской Сибири, осуществлявшей планирование и реализацию экономического сотрудничества советской власти с Монголией [Там же]. И только после того как барон Унгерн перешел границу Монголии, занял Ургу и освободил Богдо-гэгэна, только тогда китайские власти начали обращаться к О.И. Макстенку как представителю молодого Советского государства. Конечно, российский дипломат не сидел сложа руки: наряду с осуществлением оперативной деятельности по линии РКП(б) и Коминтерна, он проводил работу Уполномоченного Наркомата иностранных дел РСФСР. Так, из справки О.И. Макстенка следует, что

переговоры с китайскими властями начинаются еще в сентябре по вопросам, связанным с убытками населения китвластями Центросоюзу. Всего было послано четыре протеста против насилия, грабежей и убийств над служащими Центросоюза, чинимым китсолдатами. Приблизительно к этому же времени относятся и протесты того покровительства, каковое китвласти оказывали белогвардейским бандам и контрреволюционерам в Монголии. В это время китайские пограничные чиновники почти открыто действовали с белогвардейцами, и с их стороны не было принято ничего для противодействия этим белогвардейским организациям... [Там же, с. 312].

После падения Урги началось паническое бегство китайских чиновников через территорию ДВР. Благодаря решительным действиям О.И. Макстенка совместно с погранотрядами ДВР были блокированы все возможные пути нелегального транзита китайских граждан через территорию ДВР, был оставлен лишь один легальный путь по реке Селенге. Это обстоятельство «заставило китайские власти открыто обратиться за помощью к непризнанному ими советскому правительству», а «всех без исключения уезжающих китайцев [—] обращаться за визами к Уполнаркоминдел». В своем отчете О.И. Макстенок подчеркивал:

В течение небольшого промежутка времени было визировано несколько тысяч китайских паспортов. Большинство являлись либо беженцами из Урги, либо купечеством из Маймачена. Уехало также значительное количество чиновников всех ведомств. При своем отъезде значительное количество солидных китайских фирм официальными обращениями [к] Уполнаркоминдел просили взять их жизнь, как и их имущество под покровительство Совет. России. Таких обращений к Уполнаркоминдел было сделано около сорока. В некоторых обращениях от фирм и государственных учреждений указывается, что китвласти бегут и оставляют на произвол судьбы, а потому они обращаются к Советской России с просьбой взять под свое покровительство. Есть и такие заявления, где говорится, что знаменитый хитрый чиновник Ньюбин всегда противодействовал именно таможенным чиновникам, а потому они обращаются за покровительством к Советской России, а не к своим властям. [Там же, с. 313].

Несколько позднее наместники Урги, Улясутая, Кобдо и Урянхая обращаются к О.И. Макстенеку с официальной просьбой снабдить их оружием, патронами и снарядами и просят выдать им шесть пушек. А 15 февраля 1921 г. китайский наместник в Монголии Чэн-И обратился с официальным заявлением о выдаче ему визы для проезда в Пекин для личного доклада. И вот здесь-то у О.И. Макстенека проявился настоящий талант дипломата. Воспользовавшись желанием Чэн-И уехать, Уполнаркоминдел предложил ему выяснить ряд вопросов в связи с появившимися китайскими и белогвардейскими разбойничьими бандами, которые занимались грабежом местного населения. Более того, он сознательно затягивал вопрос о выдаче виз, так как

необходимо было выяснить вопрос, кто же будет ликвидировать оперировавшие белогвардейские банды в пределах Монголии. Если китвласти вследствие создавшихся обстоятельств не в состоянии справиться с разбойными бандами, то, следовательно, для защиты своих интересов в Монголии, а также для обеспечения мира в своей пограничной полосе Совет. Россия должна принять самые энергичные меры [против] всех враждебных группировок в пределах Монголии [Там же].

То есть, фактически Уполномоченный НКВД РСФСР начал дипломатическую проработку вопроса будущего ввода советских войск на территорию Монголии. Он справедливо полагал, что соглашение с китайскими властями обеспечит Советской России свободу действий во всей Внешней Монголии. О.И. Макстенок пишет:

Чтобы избежать личной ответственности, Наместник Чен-И 22-го февраля передает все свои полномочия Наместника [в] Монголии сановнику Лию-Ань, причем о передаче своих полномочий Наместник Чен-И официально уведомил Уполнаркоминдел. 3-го марта уже новый Наместник Лию-Ань в официальном заявлении, изложив вкратце историю занятия Урги Унгерном, обращается к Совет[ской] России в лице ее представителя Уполнаркоминдел за помощью против вторгнувшихся в пределы Монголии унгерновских банд <...> и представляет Совет[ской] России полное право ввода войск на всю Внешнюю Монголию, предоставляя свободу действий, оговаривая, однако, что Россия, [будучи] дружественной страной по отношению к Китаю, конечно, выведет свои войска из пределов Монголии по ликвидации унгерновского движения. [Там же].

Как твердокаменный большевик, О.И. Макстенок крайне негативно относился к самому понятию «дипломат», полагая дипломатию «плутовской работой», противоречащей «внутренним убеждениям» коммуниста [Там же, с. 311, 312]. Большинство коммунистов считало НЭП капитуляцией перед капитализмом, и дипломатия на пороге мировой революции казалась им несовместимой с коммунистическими идеалами. Возможно, именно такая непримиримая позиция Отто Ивановича привела к тому, что в российской историографии особая роль российского дипломата в подготовке революции в Монголии не получила должной оценки. Достаточно отметить, что его имя отсутствует и в справочниках, и в энциклопедиях по истории Октябрьской революции, Гражданской войны, и даже в трехтомном дипломатическом словаре.

Возвращаясь к событиям 100-летней давности, мы задаемся вопросами: смог бы О.И. Макстенок осуществлять столь успешную дипломатическую деятельность, находясь в Урге, где каждый его шаг был бы под пристальным вниманием китайских

властей? Смог бы он подготовить монгольских революционеров организационно и идейно и создать в общем-то достаточно комфортные условия для почти годичного пребывания «монгольской семерки» на территории ДВР и РСФСР? Состоялась бы встреча монгольских представителей с В.И. Лениным и другими руководителями Советского государства? Что было бы с представительством НКВД РСФСР в Урге в период нахождения там барона Унгерна? И, наконец, по какому пути пошла бы монгольская революция? Однако поставленные нами вопросы являются риторическими. Реальные же события таковы, что именно Отто Иванович Макстенок стоял у истоков двусторонних отношений между Россией и Монголией.

Архивы

АМИДМ — Архив Министерства иностранных дел Монголии. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 45–57.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-61825. 50 л.

Литература

Документы 1960: Документы внешней политики СССР: В 26 т. Т. 4. 19 марта 1921 г. – 3 декабря 1921 г. М., 1960. 812 с.

Казанин 2009: *Казанин М.И.* Избранное. М., 2009. 431 с.

Коминтерн 1998: Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М., 1998. 949 с.

Курас, Цыбенков 2020а: *Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Город Троицкосавск — «колыбель» монгольской революции 1921 года // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: Сб. науч. тр. Вып. 4: К 75-летию профессора В.А. Скубневского / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдунова. СПб., 2020. С. 171–184.

Курас, Цыбенков 2020б: *Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Отто Иванович Макстенок: год из жизни советского дипломата // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2020. Т. 32. С. 83–90.

Мартиролог 2019: Мартиролог жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=10371> (дата обращения: 28.06.2021).

Российско-монгольское 2019: Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): Сб. документов: В 2 ч. / В.П. Козлов, С. Чулуун (отв. ред.); Б.В. Базаров (рук. проекта); И.И. Кудрявцев, С. Энхбаатар (отв. сост.). 2-е изд., доп. и испр. М., 2019. Ч. 1. 360 с.; Ч. 2. 328 с.

Хишигт, Курас, Цыбенков 2020: *Хишигт Н., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Отто Иванович Макстенок: у истоков монгольской революции 1921 года // Oriental studies. 2020. Т. 13. № 2. С. 305–317.

Чойбалсан, Лосол, Демид 1979: *Чойбалсан Х., Лосол Д., Демид Г.* Монгол ардын ундэсний хувьсгалын анх уусэж байгуулагдсан товч туух (Хоёрдахь удаагийн хэвлэл). Улаанбаатар, 1979. 310 х.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И МОНГОЛИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И АКТУАЛЬНОСТЬ *

1921 г. для Монголии был богат судьбоносными событиями: это и I съезд МНП (позднее МНРП), освобождение страны от китайской колонизации и белогвардейцев, свершение национально-демократической революции 1921 г., установление народной власти и национальной независимости, образование Монгольского революционного союза молодежи (МРСМ), начало демократических преобразований в стране, подписание Соглашения с Советской Россией, учреждение Ученого комитета Монголии.

Центральным событием российско-монгольских отношений второй половины 1921 г. стало заключение Соглашения 5 ноября об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией. Оно открыло новую страницу во внешнеполитической деятельности страны, стало первым равноправным договором Монголии с великой державой. Его реализация способствовала установлению отношений взаимного доверия и всестороннего сотрудничества. Соглашение имело настоящую жизненную силу, стало отправной точкой, первым международным актом в формировании российско-монгольского политического союза, по которому двусторонние отношения строились на правовой основе.

После свершения революции 1921 г. и прихода к власти новых общественных сил, руководимых Народной партией одной из ключевых задач нового правительства стала проблема установления прочных внешних связей, надежно гарантирующих безопасность страны. 14 сентября 1921 г. Председатель Совета Министров и министр иностранных дел Монголии Д. Бодо, выступил с обращением ко всем иностранным государствам. Премьер-министр сообщал мировой общественности о провозглашении независимости страны, о том, что сюзеренитет Китая не будет больше признаваться, что «В Монголии создан конституционно-демократический строй, при котором страной управляют сами монголы» При этом, подчеркивал Д. Бодо, «монголы и китайцы могут жить самостоятельно и спокойно» [Советско-монгольские отношения 1975, с. 47].

Внешняя Монголия стремилась как можно скорее влиться в мир, предлагала всем странам установить с ней торговые отношения. В заключительных строках обращения монгольский руководитель подчеркнул, что «Советская Россия аннулировала все неравноправные договоры, заключенные царским правительством, и предложила заключить с нею равноправные договоры и соглашения». [Там же].

Апелляция Монголии к мировому сообществу не встретила отклика.

8 октября 1921 г. по приглашению советского правительства первая полномочная делегация новой Монголии выехала в Москву из Иркутска. Делегация, главной за-

* © Л.Б. Жабеева, 2021.

дачей которой было установление официальных отношений с Россией, была представительной: С. Данзан (председатель ЦК МНП, вице-премьер правительства, министр финансов и руководитель делегации), Д. Сухэ-Батор (военный министр и главком), Б. Цэрэндорж (старейший монгольский чиновник, зам. министра иностранных дел), представитель аристократии князь Эрдэни Чжонон-ван Ширнэндамдин (доверенное лицо Богдо-гэгэна — ограниченного монарха и главы монгольской церкви), князь Ж. Дава (секретарь делегации), переводчиком был Э. Батухан (управляющий делами народного правительства, бурятский педагог со средним образованием).

Делегацию из Иркутска до Москвы лично сопровождал уполномоченный НКВД и Коминтерна по Дальнему Востоку и Монголии Б.З. Шумяцкий (1886–1938; репрессирован). Следует отметить, что Шумяцкий, невероятно работоспособный, харизматичный, соответствовал революционной эпохе энергичностью, организаторскими способностями. Председатель влиятельной структуры Коминтерна — Дальневосточного секретариата, он принял активное участие в событиях Монгольской революции 1921 г., борьбе с бароном Унгерном, в становлении демократических преобразований в начальный период революции. Находясь в гуще событий, Шумяцкий был в курсе многих монгольских дел и проблем и стремился разрешить их, изыскивая рычаги ускорения, подбирая энергичных, предприимчивых людей для работы в Монголии. В сообщении из Иркутска от 17 августа 1921 г., адресованному наркому по иностранным делам Г.В. Чичерину, зав. отделом Востока НКВД С.И. Духовскому и работнику закордонной части Иностранного отдела (ИНО) ВЧК, зав. Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна М.А. Трилиссеру, он пишет о необходимости упрочения позиций революционного монгольского правительства путем «усиления ее финансовой мощи», предлагает «помочь организации аппаратов управления Монголии инструкторами, техническими силами, материальными средствами». Не упуская из виду отношения с Китаем, отмечал в сообщении: «Необходимо усилить нашу дипломатическую работу в Китае непосредственно с Монголией. Для этого необходимо ускорить отправку <...> миссии в Китай» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 190. Л. 28–29]. При активном содействии Шумяцкого по линии Коминтерна и РКП(б) для оказания всесторонней помощи МНП и молодому правительству в Монголию были направлены квалифицированные кадры, которые помогали в государственном строительстве, управлении страной, налаживали работу государственных органов, осуществляли контроль. Многие из них были представители бурятской интеллигенции.

В сообщении Г.В. Чичерину от 22 сентября 1921 г. из Иркутска Шумяцкий пишет, что прибывший в Ургу американский консул в течение более месяца старался сплотить князей и лам с целью изоляции монгольского революционного правительства от страны и в целях устранения нашего влияния, что он от имени Вашингтона «домогался передачи мандата на посредничество между Монголией и Китаем — Америке, обещая экономическую помощь». Шумяцкий подчеркивает, что американцы, ведя усиленную кампанию за передачу мандата о посредничестве Америке, втянули в это дело Хутухту. Тогда, пишет он, по нашему совету, правительство добилось от Хутухты, чтобы он отвечал следующим образом «О делах государственных гово-

рите с моим правительством» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 244. Л. 11–12]. Извещает, что американцы все время стараются начать торговлю с Монголией, что на днях ими была заключена сделка с держателями значительного количества сырья, будет погружен караван свыше трехсот верблюдов и отправлен в Калган [Там же]. Он информирует Чичерина о том, что во время его (Шумяцкого) пребывания в Урге, им были приложены все усилия для налаживания работы финансово-хозяйственного аппарата, органов власти на местах, при этом он пишет, что старался удерживать правительство и партию от беспочвенного радикализма, а также старался крепче связать партию и правительство с населением. Сообщает о строительстве армии, важного звена государственной власти, что Монголия «уже имеет около 4 тысяч армии, сведенные в две кавалерийские дивизии и правильно функционирующий аппарат. Все это еще нуждается в большой обработке, но начало уже положено».

Именно Б.З. Шумяцкий «очень многое сделал для организации поездки и — особенно — для благоприятного исхода переговоров» [Рощин 1999, с. 40], оказал значительное влияние на формирование позиции российского правительства при заключении Соглашения 1921 г.

В Москве делегации революционной Монголии был оказан сердечный прием, ей выделили специальный особняк в центре столицы, на Арбате, снабдили всем необходимым.

Отметим, что в советском руководстве в тот период не было единого мнения по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки революционного монгольского правительства и заключения с ним Соглашения, были сомнения по поводу взаимоприемлемого результата. Основным «двигателем» и вдохновителем идеи заключения Соглашения был председатель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б.З. Шумяцкий [Лузянин 2000, с. 102].

Как подробно сообщает Шумяцкий в письме от 19 ноября 1921 г., адресованном Э.-Д. Ринчино — активному участнику событий монгольской революции 1921 г., советнику монгольского правительства с июня 1921 г., председателю Реввоенсовета Монгольской народной армии, его (Шумяцкого) доводы в Москве в пользу заключения договора с Монголией наталкивались на активное противодействие ответственных работников. Особенно противились этому в НКВД, где ему заявили о невозможности «накануне посредничества (между Китаем и Россией. — Л.Ж.) высказывать с сепаратным соглашением» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 72].

Разбираясь в системе советского государственного управления, Б.З. Шумяцкий отмечает ту немалую работу, которую ему пришлось совершить в разных эшелонах государственных учреждений: «...всех поставить на ноги <...>, привлечь внимание и конкретно заставить заинтересоваться монгольскими делами. Признаюсь, пришлось много крови испортить, много ругаться, многих буквально „за шиворот“ тащить к этой теме. Ведь пришлось и ЦК, и Совнарком, и СТО (Совет труда и обороны), и все прочие учреждения, не говоря уже о Наркоминделе, буквально заставить заняться этим вопросом» [Там же. Л. 71]. В результате, как он отмечает в этом письме к Э.-Д. Ринчино, в течение первой половины октября 1921 г. состоялось три заседания и две специальные комиссии, на которых активно обсуждалась эта

проблема, и «мне пришлось нанести десятка два частных товарищеских визитов, чтобы добиться, наконец, принципиального одобрения идеи заключения формального соглашения» [Там же].

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, которому постоянно поступала информация по Монголии от Б.З. Шумяцкого, доверял его компетентности в монгольских делах. Веским аргументом в пользу Соглашения было геополитическое значение Монголии для России, ее значимость в дальневосточной политике. Гражданская война показала, что Дальний Восток представляет собой лакомый кусок, к которому проявляли большой интерес европейские великие державы, США, Япония.

В результате переговоры начались во второй половине октября и проходили в Москве 26, 28, 30, 31 октября 1921 г. в помещении экономическо-правового отдела НКВД в гостинице «Метрополь». С российской стороны в официальных переговорах участвовали С.И. Духовской, заведующий Дальневосточным отделом НКВД, и Б.Ф. Гец, сотрудник экономическо-правового отдела НКВД. Также активное участие принимал Б.З. Шумяцкий, хотя он и отказался быть председателем делегации РСФСР, «чтобы иметь свободные и не связанные руки <...> и присутствовал на переговорах только как „спец“ и как человек, которого стороны знают и которому верят».

Ход переговоров находился под контролем наркома Г.В. Чичерина, который глубоко вникал в монгольские дела и информировал В.И. Ленина.

Сразу резко обозначилась проблема монголо-китайских отношений и определение в этой связи статуса Внешней Монголии. Дело в том, что монгольские деятели отошли от своей первоначальной «автономной» позиции и трактовали положение своей страны как «независимое от Китая». Эволюция произошла в августе 1921 г., когда в ноте НКВД РСФСР монгольскому правительству «О согласии правительства РСФСР оставить советские войска в Монголии» дважды был использован термин «автономная Монголия», что вызвало резкое недовольство большей части руководства ЦК МНП и правительства, уже рассматривавших положение Монголии как независимое. Вскоре термин «автономная Монголия» исчез из официальных советско-монгольских документов [Лузянин 2000, с. 103]. Монголы больше не желали рассматривать себя как автономию, как часть Китая.

Также между сторонами обозначились противоречия по отношению к концессиям и Урянхайской проблеме, которые едва не сорвали их. Б.З. Шумяцкий в письме к Э.-Д. Ринчино пишет:

Не скажу, чтобы все прошло безоблачно. Был в переговорах момент, когда мне хотелось все бросить и бежать, куда глаза глядят. Причина тому полное непонимание Данзаном и другими интересов того дела, которое им поручено. Речь идет о двух вопросах: об Урянхайском и о концессиях [Там же. Л. 72–73].

Обсуждая вопрос о бывших российских концессиях, Шумяцкий был за аннулирование всех прежних концессий, но при новой сдаче их кому-либо отстаивал позицию преимущественного сохранения за Россией права третьей стороны. Монгольская делегация была против этого предложения, ее руководитель С. Данзан, цепкий и практичный, стоял за сохранение частных концессий, срок действия которых не

истек, но настаивал на том положении, что заключение новых сделок является суверенным правом Монголии как независимого государства. Монгольская сторона восприняла лозунг советского руководства «Свободная Монголия», как курс на проведение собственной, независимой политики, и они уже стремились в полной мере отстаивать свои национально-государственные интересы. Обсуждая Урянхайский вопрос, С. Данзан предложил включить в текст Соглашения пункт о том, что этот край будет находиться под властью и управлением народного правительства. Советское же руководство, наркомат иностранных дел в свою очередь считали, что поднимать вопрос о передаче Тувы — Монголии до определения ее международного статуса пока еще рано, т. к. существует вероятность того, что Монголия и Тува могут оказаться под властью Китая.

5 ноября 1921 г. состоялось 5-е заседание официальных переговоров, на котором присутствовали ответственные сотрудники НКВД, члены российской делегации С.И. Духовской и Б.Ф. Гец, члены монгольской делегации С. Данзан, Д. Сухэ-Батор, Б. Цэрэндорж, Эрдэни Чжонон-ван Ширнэндамдин [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 11. Л. 69], секретари: российской делегации — референт Восточного отдела НКВД Л.Е. Берлин, монгольской — Ж. Дава. Отметим, что князь Дава вскоре стал первым полномочным представителем народного правительства Монголии в России и находился на этой работе до ноября 1924 г.

По предложению председательствующего Эрдэни Чжонон-ван Ширнэндамдин оглашаются тексты Соглашения и двух дополнительных к нему протоколов на монгольском и русском языках [Там же]. Затем документы подписываются сторонами, которые обмениваются ими. После заключительных речей С. Данзана и С.И. Духовского работа делегаций объявляется законченной.

Итак, в торжественной обстановке в особняке НКВД на Софийской набережной российско-монгольские переговоры завершились подписанием «Соглашения между правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией». В этот день, когда Россия первой в мире установила дипломатические отношения с новой Монголией, была открыта дорога уникальным историческим возможностям для ее развития.

Значимыми результатами Соглашения было то, что стороны объявили утратившими силу все неравноправные договоры и соглашения, заключенные с бывшим правительством автономной Монголии; признали единственно законными современные правительства РСФСР и Монголии. Обе стороны взаимно обязались не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против РСФСР или Монголии. Была достигнута важная договоренность об установлении дипломатических и консульских отношений, об обмене полномочными представителями. Решено, что правительство РСФСР посылает своего полномочного представителя в столицу Монголии и своих консулов в города: Кобдо, Улясутай и Алтан-Булак и в другие по соглашению с народным правительством. Монголия посылала своего полномочного представителя в Москву, а консулов — в пограничные округа Рос-

сии, по соглашению с правительством РСФСР [Советско-монгольские отношения 1975, с. 59]. Кроме того, стороны договорились, что государственную границу между Россией и Монголией установит специальная комиссия. Судебная власть каждой из сторон, как в гражданских, так и уголовных делах распространялась на находящихся на ее территории граждан другой стороны. Российская сторона безвозмездно передавала в полную собственность монгольского народа телеграфную сеть в Монголии, принадлежавшую РСФСР [Там же, с. 60, 61].

Обе стороны пошли навстречу друг другу, на компромисс, и по договоренности в итоговый текст Соглашения не вошли статьи о международно-правовом статусе Монголии, об ее отношениях с Китаем, об Урянхайском крае.

Также 5 ноября были подписаны два дополнительных протокола. Российское правительство заявило о своем отказе от всех экономических привилегий, нашедших выражение в концессиях, полученных бывшим царским правительством для себя и своих подданных от правительства автономной Монголии. Народное правительство Монголии со своей стороны обязалось, что при передаче этих концессий новым концессионерам за правительством Российской республики сохранялось бы право третьей стороны. Второй дополнительный протокол был о сотрудничестве в области судопроизводства [Там же, с. 62, 63].

В этот же день в Кремле состоялась встреча монгольской делегации с В.И. Лениным, на которой присутствовали Г.В. Чичерин и Б.З. Шумяцкий. Монгольской делегацией были заданы Ленину следующие вопросы: «Как Вы, тов. Ленин, относитесь к созданию в нашей стране народно-революционной партии и что является главным для нас?», «Будет ли победоносной национально-освободительная борьба?», «Не следует ли народно-революционной партии превратиться в коммунистическую?», на которые были даны ответы [Там же, с. 56, 57].

Во время пребывания в Москве монгольские делегаты познакомились с историческими и культурными достопримечательностями столицы, участвовали в правительственном приеме в честь 4-й годовщины Октября, побывали на спектаклях в московских театрах. По совету Ленина, они совершили поездку в Петроград [Там же, с. 505].

Тем временем продолжалась напряженная работа по успешному завершению переговоров в финансовом плане. В тех условиях крайне бедственного положения Советской России — конец Гражданской войны, разруха, голод, начало новой экономической политики — «подготовить экономические пункты в Соглашении и протоколах было весьма нелегко» [Рощин 1999, с. 49].

Отметим, что вопросы о предоставлении кредитов монгольскому правительству обсуждались еще до подписания Соглашения. В записке Г.В. Чичерина от 7 июля 1921 г. в ЦК РКП(б) подчеркивалось, что «Весьма удачно развивающийся поход на Ургу требует значительных расходов. Приходится оплачивать монгольскому населению подводы и всевозможные услуги» [РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 315. Л. 91]. Нарком сообщал, что в Монголии эти расходы могут оплачиваться только валютой. «Безусловно, необходимо, имея ввиду все будущее наших отношений с Монголией, которая предназначена быть чрезвычайно важной нашей соседкой на протяжении

колоссальнейшей границы, не обижать монгольского населения и не делать его своим врагом» [Там же]. Чичерин писал, что на нужды нашей армии в Монголии потребуется около 60 тыс. рублей в месяц и такая же сумма — на оплату разных услуг населению и на возмещение убытков, всего в месяц до 120 тыс. рублей, а «на всю кампанию это составит около 500 тыс. руб. золотом», и для того чтобы «правильно поставить все дело этих расходов», советское командование через посредство Б.З. Шумяцкого настаивало на том, чтобы отпуск этих 500 тыс. рублей золотом в форме валюты был произведен немедленно [Там же]. Чичерин информировал, что расход заявлен главкому РСФСР и остается только получить санкцию ЦК партии.

В письме Г.В. Чичерина секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову от 29 сентября 1921 г. отмечалось:

Только что образовавшееся ориентирующееся на нас народно-революционное правительство Монголии не имеет ничего, ни аппарата, ни армии, ни финансов и должно все это создавать, чтобы стоять на своих ногах. Обстановка для него великолепная, сочувствие масс всеобщее и даже значительная часть буддийских и княжеских верхов на его стороне [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 164. Л. 10].

Вопрос о Монголии, продолжал нарком, есть для нас вопрос безопасности всей сибирской границы и сибирской железной дороги, которая проходит очень недалеко от границы Монголии. Поэтому устойчивость народно-революционного правительства имеет для РСФСР «самое жизненное значение», ссуда, о которой просил Б.З. Шумяцкий, «есть необходимое условие самого функционирования народно-революционного правительства», без этого оно не сможет создать аппарата и армии и не может даже существовать [Там же].

Вопрос о кредитах для Монголии обсуждался высшим руководством страны. Так, на заседании Политбюро 20 октября 1921 г., на котором присутствовали члены Политбюро В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, М.И. Калинин, Л.Б. Каменев, секретарь ЦК В.М. Михайлов, был заслушан вопрос об ассигновании 500 тыс. рублей серебром (хотя Чичерин и Шумяцкий просили золотом) на оплату населению Монголии за убытки, причиненные советскими войсками (докладчики — Н.Н. Крестинский и А.О. Альский). Постановили создать комиссию в составе Каменева, Чичерина и Калинина с поручением в двухдневный срок внести в Политбюро свое заключение по вопросу об ассигновании этой суммы. Созыв комиссии был поручен Чичерину [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 219. Л. 1]. К этому вопросу не раз возвращались и на последующих заседаниях Политбюро ЦК РКП(б). 27 октября 1921 г. в п. 8 был рассмотрен проект постановления «о выделении ссуды правительству Монголии в 1 миллион рублей и 500 тыс. рублей на покрытие убытков населению Монголии, причиненных боевыми действиями Красной Армии». Утвердили следующее постановление, предложенное комиссией М.И. Калинина, Л.Б. Каменева и Г.В. Чичерина:

Ассигновать 500 тыс. руб. серебром из имеющегося уже в Сибири серебра в распоряжение тов. Шумяцкого для оплаты действительно произведенных расходов беднейшего монгольского населения в связи с военными действиями Красной Армии. Вся операция производится через представителя НКВД.

Согласиться на предоставление Монгольскому народно-революционному правительству займа в 1 милл[ион] рублей банковского серебра <...> Возврат ссуды должен быть произведен продуктами монгольского хозяйства <...> [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 223. Л. 4].

На заседании Политбюро 8 ноября 1921 г. в п. 5 (о разъяснении постановления Политбюро, протокол № 73, п. 8, от 27 октября 1921 г. об ассигновании серебра для Монголии) с предложением выступил Г.В. Чичерин [Политбюро 2000, с. 126, 127, 129].

Наконец 24 ноября был подписан 3-й дополнительный к Соглашению протокол — о предоставлении правительством РСФСР правительству Монголии ссуды в 1 млн рублей, согласно которому российское правительство приняло обязательство предоставления указанной ссуды банковским или слитковым серебром с 1 января 1922 г. на четырехлетний срок. На этом документе, как и на первых двух дополнительных протоколах, стоит также подпись Б.З. Шумяцкого.

В соответствии с договором был определен в целом льготный для Монголии порядок погашения ссуды по частям и традиционными товарами монгольского экспорта: живым мясным скотом, мясом, кожей, шерстью, маслом и др. [Советско-монгольские отношения 1975, с.508]. Высшее советское руководство, несмотря на трудности послевоенного периода, пошло на эти расходы, поддерживая Монголию.

В начале декабря монгольская делегация, успешно выполнив поставленную задачу, выехала на родину.

Таким образом, подписанное в Москве 5 ноября 1921 г. Соглашение между Россией и Монголией было очень важным документом, давшим хороший импульс для дальнейшего развития двусторонних отношений. Оно стало первым международным актом в формировании российско-монгольского политического союза. Официальное признание со Россией Монголии соответствовало национальным интересам последней и определяло в целом гарантии сохранения ее государственности, достижения подлинной независимости от Китая. Для российской стороны кроме соображений идеологического характера, заключавшихся в поддержке национально-освободительной борьбы на Востоке, этот договор был выгодным с точки зрения собственных государственных интересов — создания на границе дружественного центральноазиатского государства.

Договор стал прочным фундаментом развития всестороннего сотрудничества между обеими странами. Масштабы и уровень сотрудничества непрерывно нарастали. Россия стала надежным и верным союзником, другом, не раз подставлявшим крепкое плечо в периоды тяжелейших испытаний, и, опираясь на мощь России, Монголия могла следовать по пути прогресса, достигая широких практических результатов в столь сложном и масштабном деле, как обретение и развитие национальной государственности. Опираясь на Россию, Монголия стала современной державой, граждане которой могли развиваться, строить лучшую жизнь, спокойно жить и трудиться на благо процветания своей страны.

Совместное взаимовыгодное российско-монгольское сотрудничество аккумулирует богатый опыт исторического добрососедства и служит хорошим примером для дальнейшего развития двусторонних отношений.

Архивы

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Литература

Лузянин 2000: *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. 268 с.

Политбюро 2000: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: В 3 т. Т. 1. 1919–1929 / Отв. ред. Г.М. Адибеков, К.М. Андерсон. М., 2000. 832 с.

Рощин 1999: *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999. 325 с.

Советско-монгольские отношения 1975: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: В 2 т. / Отв. ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндорж. Т. 1: 1921–1940 / Отв. ред. И.С. Казакевич. М.; Улаанбаатар, 1975. 588 с.

ТИБЕТО-МОНГОЛЬСКИЙ ПРОЕКТ АГВАНА ДОРЖИЕВА*

— 1 —

Агван Лобсан Доржиев (1853/54 – 1938) — личность хорошо известная историкам и востоковедам. Хоринский бурят, получивший высшее религиозное образование в Тибете в конце XIX в. и затем вернувшийся в Россию в качестве посланника XIII Далай-ламы Тубтэна Гьяцо. Доржиев построил в Санкт-Петербурге в 1909–1915 гг. величественный буддийский храм — первый в Европе; он также известен как реформатор буддизма, лидер обновленческого движения в 1920-е гг., и как убежденный сторонник политического, экономического и культурного сближения России (СССР) с Тибетом и Монголией¹.

О тибетофильстве Доржиева и его многолетней деятельности, направленной на сближение Российской империи и затем СССР с Тибетом, достаточно хорошо известно. Гораздо меньше мы знаем о его усилиях и инициативах с целью сближения России с Внешней Монголией (Халха-Монголией) в рамках его большого Тибето-Монгольского проекта.

Начать хотелось бы с того, что Монголия, являясь буддийской страной, была столь же близка Доржиеву духовно, как и буддийский Тибет. В 14-летнем возрасте (1866 г.) он впервые отправился в Ургу (Да-Хурэ), где принял обет мирянина (*убаши*) от настоятеля крупнейшего ургинского монастыря Гандан и позднее (в 1875 г.), опять же в Урге, получил полное монашеское посвящение от своего духовного наставника. Годы, проведенные в Тибете, где он окончил монастырскую школу в Дрепунге, получил высшую ученую степень *геше-лхарамба* и затем стал одним из учителей юного Далай-ламы, имели решающее значение в судьбе Доржиева. Он становится одним из приближенных и доверенных лиц Далай-ламы, его главным политическим советником. Под влиянием Доржиева Далай-лама обращает свой взор к России, где, как убедил его Доржиев, находится легендарная Шамбала буддистов, и начинает искать покровительства могущественного «Белого царя-батара», стремясь обезопасить Тибет от внешних угроз, прежде всего со стороны Британской Индии и цинского Китая.

Визиты Агвана Доржиева в С.-Петербург в качестве эmissара Далай-ламы в 1898, 1900 и 1901 гг., увенчавшиеся подписанием дружеского договора между Россией и Тибетом (в 1901 г.), положили начало российско-тибетскому политическому сближению. Правда, это сближение оказалось недолгим. 18 августа 1907 г. Россия заключила соглашение с Великобританией по Тибету, согласно которому обе страны признали суверенные права Китая над Тибетом и обязались уважать территори-

* © А.И. Андреев, 2021.

¹ Об А. Доржиеве см.: [Страницы из жизни 1993; Дамдинов 1999; Андреев 2006; Андреев 20206; Snelling 1993; Andreyev 2003].

альную целостность Тибета, «воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление» и «сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства» [Россия и Тибет 2005, с. 114]. Тибетские дела вынужденно отступают для Петербурга на второй план, а на первый постепенно выдвигается Внешняя Монголия, приобретающая все большее геополитическое и экономическое значение.

Осенью того же года в МИД были переданы две докладные записки — русского консула в Урге Я.П. Шишмарева (24 октября) о положении дел в Монголии и А. Доржиева (20 ноября) о «более тесном сближении России с Монголией и Тибетом»¹. Авторы записок призывали правительство принять неотложные меры для укрепления российского влияния в соседней стране, прежде всего с помощью торговли. С этой целью ургинский консул предложил создать в России специальное акционерное общество «на солидных началах», а Доржиев — «частный торгово-промышленный дом», деятельность которого охватила бы «неразрывной сетью» всю Монголию и Тибет. В целом проект Доржиева с его акцентом на необходимость «культурно-экономического мирного завоевания» этих буддийских стран весьма напоминал проект П. Бадмаева, выдвинутый в конце XIX в. Основная контора торгового дома, по замыслу Доржиева, должна находиться либо на русско-монгольской границе, в Кяхте, либо в Урге, филиалы же — по всей территории Монголии, Тибета, Китая и самой России. Наряду с развитием русской и местной торговли, Доржиев также рекомендовал правительству «насаждать здоровую культуру и просвещение» среди монголов и тибетцев; в то же время следовало развивать и издательское дело — издание по доступной цене учебной и популярной литературы на монгольском и тибетском языках. «Таковыми просветительно-культурными мерами, — писал Доржиев, — можно со временем достигнуть того, что монголы и тибетцы будут смотреть на Россию как на источник здоровой культуры и просвещения, как на свое идейное отечество» [Андреев 2006, с. 168]. Конечная цель Доржиева — это создание «великой буддийской конфедерации» народов России, Монголии и Тибета.

Реакция российского дипломатического ведомства на записку Доржиева была двойственной. Ознакомившись с его предложениями, глава МИД А.П. Извольский отметил на полях записки:

Россия заинтересована непосредственно в Монгольских делах и может преследовать там культурные и промышленно-торговые задачи. Что касается Тибета, то при настоящем положении вещей мы лишены практических возможностей воздействовать на него в смысле пожеланий Доржиева. К тому же это едва ли отвечает нашим прямым интересам и обязательствам [Там же].

В какой степени Доржиеву удалось реализовать свой Тибето-Монгольский проект в царской России? Хорошо известно о создании им нового бурятского алфавита на основе монголо-уйгурской письменности (т. н. «авгановское письмо», или «письмо Вагиндры») и публикации ряда книг на этом новом письме с культурно-просветительскими целями в специально созданном в Петербурге издательстве «Нартан»

¹ Одновременно А. Доржиев направил свою записку вице-председателю Русского географического общества П.П. Семенову-Тянь-Шанскому [НА РГО. Л. 1–3].

(Солнце) в 1905 г. В то же время Доржиев активно занимается религиозным просветительством — распространением и популяризацией буддизма в России. Он открывает конфессиональные школы (*чойра*) и строит хурулы в Калмыкии, а в Иркутской губернии, где преобладало шаманство, — небольшие буддийские храмы (*дуганы*). В 1908 г. Доржиев также основал в Ацагатском дацане типографию европейского типа (с подвижными литерами). А в 1909 г. он приступил к строительству в Петербурге буддийского храма, который, по его замыслу, должен был стать главным центром буддизма в России.

Эта бурная деятельность Доржиева едва ли была бы возможной без содействия и активной помощи его русских друзей и покровителей. В их число входила небольшая группа ученых-востоковедов, привлеченных Доржиевым к строительству петербургского храма и составивших своего рода консультативный комитет (В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, С.Ф. Щербатской, В.Л. Котвич, кн. Э.Э. Ухтомский). Благодаря дипломату и ориенталисту кн. Э.Э. Ухтомскому Доржиеву удалось получить несколько аудиенций у императора Николая II и добиться его формального одобрения тибетской части своего проекта. В тибетской автобиографии А. Доржиева мы читаем:

Когда я говорил с царем о Тибете, он сказал, что Россия поможет Тибету не попасть в руки врага (т. е. англичан. — А.А.). Позднее мне через Ухтомского передали, что царь сказал, что необходимо послать туда русского чиновника [Там же, с. 80].

Наиболее тесные дружеские отношения у Доржиева, с момента его первого приезда в Петербург, завязываются с санскритологом и буддологом С.Ф. Ольденбургом (1863–1934) и путешественником, исследователем Центральной Азии П.К. Козловым (1863–1935). Доржиев оказывает помощь Козлову в организации трех его больших экспедиций для исследования Монголии и Тибета (в 1899–1901, 1907–1909 и 1923–1926 гг.) [Андреев 2005, с. 25–34]. Известно также, что по просьбе Козлова Доржиев занимался разбором и атрибуцией буддийских реликвий (танки, бурханы), добытых им во время раскопок руин Хара-Хото (в 1908–1909 гг.).

Через Ольденбурга и Козлова Доржиев знакомится с вел. кн. Константином Константиновичем, августейшим патроном Академии наук, проявлявшим большой интерес к Тибету и беспокойство о судьбе Далай-ламы (бежавшего в 1904 г. вместе с Доржиевым из Лхасы в Ургу после вторжения в Тибет английской военной экспедиции Ф. Янгхазбенда). После встречи с Доржиевым в Павловском дворце в 1905 г. Константин Константинович пишет Ольденбургу:

Хамбо-лама Доржиев произвел на меня, мою Великую княгиню и детей самое хорошее впечатление. Мы постарались, как могли, обласкать посланца Далай-ламы, который очень меня тронул, прислав мне свое благословение с вещественными его доказательствами [Андреев 2005, с. 28]¹.

Эти же годы не забывал Доржиев и о Монголии. Во время пребывания Далай-ламы в Урге в 1905 г. он поддерживал с ним тесные контакты. А затем, после возвращения

¹ Письмо вел. кн. Константина Константиновича — С.Ф. Ольденбургу от 12 сентября 1905 г., Павловск. [СПбФ АРАН, л. 4].

главы Тибета в Лхасу, он инициировал заключение дружеского монголо-тибетского договора. Договор этот был подписан в Урге 11 января 1913 г. Агваном Доржиевым как представителем Тибета, и ламой Рабданом, министром иностранных дел Монголии. Целью договора являлось сотрудничество Монголии и Тибета в религиозной и торговой сферах. Согласно этому соглашению обе страны объявлялись независимыми государствами (как следствие крушения Цинской империи в 1911 г.) и признавали суверенитет друг друга. При этом в статье 4 договора отмечалось, что «оба государства отныне на вечные времена будут оказывать друг другу помощь от внешних и внутренних опасностей» [Международная политика 1925, с. 364].

В том же году произошло еще одно знаменательное событие. 23 февраля в еще недостроенном буддийском храме в Петербурге состоялась первая служба по случаю 300-летия Дома Романовых, на которой присутствовали представители автономного монгольского правительства — Дайцин-ван Ханда Дорджи и Сайн-Ноем Хан, персонально приглашенные Доржиевым. По случаю праздника портал храма был украшен русскими триколорами, а также знаменами Монголии и Тибета с национальными символами — эмблема *соембо* (монгольский символ) и два мифических льва на фоне пирамидальной белой горы (тибетский). То, что оба эти буддийские государства недавно объявили о своей независимости от Китая, несомненно, послужило дополнительным стимулом для ликования.

— 2 —

Октябрьская революция и кровавая Гражданская война в России стали тяжелым испытанием для Доржиева и его соратников. Летом 1918 г., возвращаясь из Калмыкии, где он собирал средства для постройки новых зданий при петербургском храме, он был арестован красноармейцами и передан в руки ЧК, обвинившей его в вывозе ценностей за пределы России. Освободили Доржиева из Бутырской тюрьмы в Москве благодаря вмешательству его друзей-востоковедов. Известна телеграмма, отправленная С.Ф. Ольденбургом в Кремль секретарю Совнаркома (и одновременно личному секретарю В.И. Ленина) Н.П. Горбунову:

Беспокоюсь [о] хамбо-ламе Доржиеве, выпущен ли. Если необходимо, немедленно может выехать [в] Москву монголист доцент Владимирцов. Прошу ответа. Ольденбург [Андреев 2020а, с. 99].

А в 1919 г. опустевший буддийский храм в Старой Деревне подвергся страшному разгрому и осквернению. Повинны в этом были в основном красноармейцы, поселившиеся в буддийском доме-общежитии и выселившие оттуда Ф.И. Щербатского, которому Доржиев поручил присматривать за храмом во время своего отсутствия. В результате погрома из храма было похищено все, что представляло какую-либо ценность, уничтожена библиотека книг на тибетском, монгольском и европейских языках. Той же участи подверглась и ценнейшая коллекция дипломатических документов и писем, собранная Доржиевым.

Отношение Доржиева к новым властям России с самого начала было двойственным. Вот, например, что он пишет в своей Монгольской автобиографии (1921 г.):

Хотя коммунизм был хорошей системой, те, в чьих руках оказалась власть, действовали плохо, тиранизируя каждого. Много плохих и безнравственных людей вступило в партию. Из-за них коммунизм приобрел плохую репутацию. И поскольку только очень немногие правильно выполняли положения коммунизма, большевиков невзлюбили [Доржиев 1994, с. 68]¹.

Тем не менее Доржиев стал активно сотрудничать с большевиками, ибо только так он мог продолжить осуществление своего большого Тибето-Монгольского проекта, главного дела своей жизни. В результате в 1920 г. (вскоре после погрома) буддийский храм в Петрограде был взят под охрану Отделом по охране памятников. В то же время Доржиев предложил советским властям создать при храме нечто вроде учебной базы подготовки национальных кадров — специалистов в разных областях знаний для Бурятии, Калмыкии, Монголии и Тибета. Необходимость такого шага мотивировалась Доржиевым желанием народов этих стран приступить к строительству «новой жизни на революционных началах».

В 1921 г. советское руководство при содействии А. Доржиева отправило в Ургу большую группу калмыков-бойцов и командиров Красной Армии во главе с Х.Б. Кануковым для освобождения Монголии от оккупировавших страну белогвардейских отрядов барона Р.Ф. фон Унгерна и организации новой Монгольской Армии².

А в конце 1922 г. Доржиев с одобрения Наркоминдела РСФСР (НКИД) учреждает при буддийском храме в Петрограде неофициальную Тибетскую миссию. По существу это было дипломатическое представительство Тибетского государства, не признанного пока что мировым сообществом, на территории РСФСР. Одновременно, опять же с ведома и под эгидой НКИД, Доржиев создает Монгольскую миссию, в дополнение к уже действовавшему в Москве официальному представительству Автономной Монголии. Монгольская миссия будет главным образом заведовать делами прибывающих в Петроград для обучения в Институте живых восточных языков (ПИЖВЯ, затем ЛИЖВЯ) монгольских и тибетских студентов. Тогда же Наркоминдел передал в распоряжение Тибетской и Монгольской миссий храмовую усадьбу со всеми строениями — тремя каменными домами. (Один из них в скором времени будет превращен в студенческое общежитие.)

Два года спустя, однако, Доржиев довольно неожиданно передает храм Монголии. Не исключено, что к такому шагу его подвигла проводившаяся в Бурятии национализация дацанов и обложение лам налогами. В архивах сохранился уникальный документ — удостоверение, выданное 18 ноября 1924 г. Доржиеву министром иностранных дел МНР Амором, в котором говорится:

Выдано сие Хамбо Агван Доржиеву в том, что сооруженный по инициативе Далай-ламы и Чжабдзун-Дамба-Хутухты в г. Ленинграде буддийский храм с пристройками

¹ В ИМБТ СО РАН хранятся три автобиографии А. Доржиева на старописьменном монгольском языке: одна литографированная и две рукописные.

² См.: [С интернациональной миссией 1970]; [ГАРБ. Д. 6. Л. 3. Доклад Доржиева (уполномоченного правительства Тибета), 21 октября 1921].

ныне переданы в распоряжение Монгольского Правительства, которое передало [их] своему Ученому Комитету.

Каковыми могут пользоваться все учащиеся Монголии, находящиеся в названном городе, а равно все лица, командируемые туда Монгольским Правительством.

Заведующим названным храмом и пристройками, а равно наставником над монгольскими учащимися <...> назначается Хамбо Агван Доржиев [ГАРБ. Д. 1. Л. 7].

К новым просоветски настроенным правителям Монголии Агван Доржиев (Агвандорж) относился вполне лояльно. 26 ноября 1924 г. в качестве почетного гостя, ветерана национально-освободительного движения монгольских народов, он принял участие в работе 1-й сессии Великого народного хурала Монголии, где выступил с краткой приветственной речью в связи с провозглашением Монгольской Народной Республики.

Юридическое оформление передачи петербургского/ленинградского храма Монголии, однако, затянулось. Лишь 1 июня 1926 г. полпред МНР в СССР Боян-Чулган и Доржиев, в качестве «уполномоченного Далай-ламы, главы Тибета», подписали соответствующий договор. Согласно этому документу храм вместе с надворными постройками (двумя домами) и усадебным местом объявлялся «общим достоянием Тибета и Монголии» (ст. 1). При этом полпредство МНР приняло на себя «заботу по заведованию, охране, ремонту и содержанию» всего храмового комплекса [Андреев 2020а, с. 128]. В ст. 4 договора говорилось о том, что «задачей храма является содействие к установлению культурной связи между Буддийским Востоком и СССР», и с этой целью «храм должен быть доступен для всех верующих буддистов...» [Андреев 1993, с. 321].

Соглашение о храме, впрочем, не вступило в силу, поскольку копии подписанных документов не были пересланы монгольским диппредставительством в Москве властям в Улан-Баторе. Складывается впечатление, что вопрос о передаче храма Монголии, спорный с юридической стороны и весьма щекотливый с политической точки зрения, монгольские дипломаты в Москве попытались замять, дабы не омрачать дружественных отношений между двумя странами.

Основные направления деятельности Доржиева в Советской России в 1920-е гг. — это реставрация буддийского храма и возобновление регулярных служб в нем; содействие обучению студентов «из буддийских стран» (Бурятия, Калмыкия, Танну-Тува, Монголия и Тибет) в Институте живых восточных языков; налаживание прямых контактов между Москвой и Лхасой и, наконец, обновленческая реформа ламаистской церкви. Последняя привела к расколу буддийского духовенства и образованию двух противоборствующих группировок — лам-обновленцев и лам-консерваторов. Здесь необходимо отметить, что обновленцы во главе с Доржиевым делали особый упор на возвращении к первоначальному «чистому буддизму», в котором они усматривали зачатки социализма.

После разгрома белогвардейских отрядов барона Унгерна Монголия была взята под полный советский контроль, несмотря на то что Пекин продолжал рассматривать страну как неотъемлемую часть Китая. Превратившись в одночасье в народную республику, МНР становится сателлитом Советской России — СССР и в то же

время удобным плацдармом для проникновения большевиков в глубь Центральной Азии — к границам Британской Индии. Устоявшийся традиционный маршрут буддийских паломников Урга – Лхаса превращаясь в важный геостратегический вектор Москвы в регионе.

Летом 1919 г. в газете «Жизнь национальностей» появилась заметка одного из калмыцких революционеров-большевиков А.Ч. Чапчаева (под псевдонимом Ойратский) с характерным заголовком «Монголия как ворота буддийского Востока». В ней прямо говорилось о том, что «главной задачей советской власти ныне на Востоке безусловно является освобождение многомиллионных трудящихся масс от гегемонии английского империализма, как в Индии, так и других странах Азии». Автор заметки счел необходимым упомянуть в этой связи Агвана Доржиева, которого он называет «тибетским гражданином» и «популярнейшим деятелем Монголо-буддийского мира».

Еще осенью прошлого года, получив мандат от Комиссариата по иностранным делам для беспрепятственного проезда на Восток, [Доржиев] не мог пробраться в Монголию из-за чехословацкого мятежа и в настоящее время находится в Калмыцкой степи. Не подлежит сомнению, что этот большой знаток Востока с удовольствием вновь примется за свой старый вопрос — сближение Монголии уже с Советской Россией. <...> Веками стонавшая под игом своего духовенства Монголия представляет из себя самую подходящую почву для пропаганды идей советской власти и насаждения пролетарской культуры. Сами монголы имеют общий язык, религию и быт с калмыками [Ойратский 1919].

Большой интерес к Монголии проявляли и российские ученые-востоковеды. Для них эта страна являлась, прежде всего, хранительницей буддийского наследия. В конце 1918 г., вскоре после освобождения Доржиева из Бутырки, востоковеды, зная о намечавшейся поездке Доржиева в Монголию, поручают ему отбор и приобретение книг в тамошних буддийских монастырях для пополнения собрания Азиатского музея — старейшего в России востоковедного центра. С этой целью ему был выдан особый мандат Российской академии наук.

Здесь, правда, возникает вопрос — насколько был искренен Доржиев, стремясь соединить буддизм с коммунизмом? В своих публичных проповедях, обращенных к простым бурятам и калмыкам, Доржиев нередко говорил о «религиозности коммунистов» и их особой приверженности буддизму, подкрепляя свои слова пафосными утверждениями о том, что «руководители советской власти — Ленин, Зиновьев и др. — все верят», что «они буддизм признают той религией, которой предстоит освободить человечество» и тому подобное [Андреев 1997, с. 249].

Думается, что Доржиев искренне верил в то, что он говорил. Отношение же к нему большевистских лидеров было подчеркнуто корректным и даже любезным. Доржиев был нужен большевикам для продвижения своих революционных идей на Восток, и он с готовностью шел им навстречу. Так, при содействии Доржиева, НКВД отправил три секретные экспедиции в Тибет, к Далай-ламе в 1921–1922, 1924–1925 и 1926–1927 гг. [Андреев 2006, с. 227–300]. Последняя экспедиция, возглавляемая монголом Гомбодчийном и калмыком-большевиком А.Ч. Чапчаевым, была отправ-

лена Москвой под видом представительства МНР. В ее задачи, в частности, входило «выяснение отношений между Тибетом и МНР и подготовка к заключению между ними договора, подобного тибето-монгольскому соглашению 1912 г.» [АП РФ, л. 62]. Большевикам, однако, не удалось добиться своей цели. Далай-лама отказался от обмена дипломатическими представителями между Тибетом и МНР и не проявил интереса к заключению дружеского договора между обеими странами. В то же время имеются сведения, что Далай-лама послал письмо Доржиеву для советского руководства, в котором заявлял о своих дружеских чувствах по отношению к СССР и МНР и задним числом выражал готовность заключить договор о закупке оружия и пороха у России, а также о создании промежуточных почтовых станций между МНР и Тибетом [Андреев 1997, с. 186].

Вообще Доржиев в первое послереволюционное десятилетие полон энергии и оптимизма; он все время строит полуфантастические планы, вроде электрификации Тибета или полета на дирижабле из Улан-Батора в Тибет (самый быстрый способ связи СССР с Тибетом) вместе с путешественником П.К. Козловым. (Как тут не вспомнить, что еще в 1901 г. Доржиев посетил учебный воздухоплавательный парк в окрестностях Петербурга (в Волковой Деревне) и поднялся в воздух на аэростате в сопровождении русского офицера.) Для установления регулярной связи с Тибетом он предлагает большевикам (руководству НКВД) устроить в Лхасе радиостанцию (!).

В 1926 г. Доржиев выступил с докладом «Буддизм как культура Востока» на 1-й Международной буддийской выставке в Ленинграде. В нем он стремится показать, что буддизм это вовсе не религия, а «атеистическое учение о том, что нет никакого бога-творца». Высказанные Шакьямуни Буддой «великие идеи» чрезвычайно близки современной науке, например, буддийская идея «относительности всего бытия» нашла подтверждение в теории относительности Эйнштейна. В результате Доржиев делает вывод о необходимости «плодотворного сближения двух великих культур Востока и Запада». И это сближение должно иметь величайшее значение в общекультурном прогрессе человечества» [ГАРБ. Д. 2. Л. 14–15].

Особенно тесным было общение Доржиева в 1920-е гг. (и ранее) с востоковедами (С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, Б.Я. Владимирцов, А.И. Востриков, Е.Е. Обермиллер, М.И. Тубянский и др.). Они помогали ему в реализации его инициатив: постройка буддийского храма в Петербурге (о чем сказано выше), издание буддологической литературы. В то же время имевшие высокие ученые степени ламы интересовали востоковедов как носители живой буддийской традиции, способные толковать сложнейшие философские тексты на тибетском и монгольском языках. Так, в 1927 г. востоковедам удалось организовать переезд в Ленинград из Агинского дацана высокоученого ламы Галдана Жамцарано. Здесь он был зачислен научным сотрудником в Институт буддийской культуры (ИНБУК; 1928–1930), предложенный Ф.И. Щербатским в 1927 г.

С ламами постоянно общался рано ушедший из жизни востоковед-буддолог, тибетолог и монголист Е.Е. Обермиллер (1901–1935). Почти каждое лето с 1926 по

1933 г. тяжело больной ученый отправлялся в Забайкалье, в Ацагатский дацан¹, где не только поправлял здоровье, но много и упорно работал. Ламы окружали Обермиллера и в его ленинградской квартире, ухаживали за ним, сопровождали в буддийский храм. С особой симпатией относился к ученому Доржиев, снабжавший его лекарствами. Обермиллер, насколько известно, редактировал или даже писал некоторые «петиции» Доржиева и других лам в высокие советские инстанции.

В конце 1920-х гг., однако, наступил перелом в отношении Доржиева к советским властям. В 1927 г., в то время когда в Лхасе находилась советско-монгольская миссия, Доржиев отправил секретное письмо Далай-ламе, в котором писал нечто, что плохо увязывается с его прежними просоветскими декларациями:

Я старый человек и скоро умру. Монголия — не мирная страна, какой она была прежде. Правительство настроено крайне враждебно против религии и монахов и с этим ничего нельзя поделать. Прошу Вас, избегайте общения с людьми [монгольской] миссии. Я был вынужден написать письмо Вашему Святейшеству под их диктовку, которое эти агенты большевиков взяли с собой, но я прошу не придавать значения этому письму [Андреев 1997, с. 189].

Поводом для этого нового и, надо думать, вполне искреннего послания Доржиева послужила жесткая антирелигиозная политика большевиков, затронувшая буддистов. Поэтому не случайно во время одной из бесед с Чапчаевым Далай-лама довольно неожиданно завел речь о гонениях на буддийскую религию в СССР, утверждая, что он об этом имеет «самые точные сведения». О своей озабоченности судьбой российских буддистов он просил довести до сведения советского правительства, давая понять, что подобное «обстоятельство» должно быть устранено в интересах дружбы между Тибетом и Россией [Там же, с. 189, 190].

В последующие годы Доржиев прилагает усилия к отправке духовной делегации буддистов-обновленцев в Тибет при поддержке НКВД, но они не увенчались успехом. Для высшего советского руководства, включая Политбюро, Доржиев становится персоной нон грата. Тем временем (в 1928 г.) Москва отправила в Лхасу своего человека — монгола Булата Мухрайна, работавшего в советском торгпредстве в Улан-Баторе с целью обследования тибетского торгового рынка. Полпред СССР М.Н. Никифоров являлся сторонником советско-тибето-монгольского сближения; успех советской политики в Тибете он связывал с установлением взаимовыгодных торгово-экономических отношений между двумя странами, поскольку Далай-лама не возражал против торговых операций СССР на территории его страны. Мухраин пробыл в Тибете до 1930 г., но о его деятельности нам практически ничего не известно [Андреев 2006, с. 313–315]. Фактически это был последний контакт большевистской России с Тибетом.

¹ Ацагатский дацан (основан в 1825 г.) — один из богатейших в Забайкалье, славился своей типографией и медицинской школой (*аршаном*), находился у целебного источника. Школой с 1922 до начала 1930-х гг. заведовал Доржиев, открывший при ней лазарет. Медикаменты для школы он привозил из Монголии. Медицинская школа имела тесные связи с ленинградскими востоковедами, давнишней мечтой которых было устройство при ней «ученого дома».

Сам XIII Далай-лама, насколько известно, вплоть до своей кончины (в 1933 г.) не предпринимал попыток реанимировать прервавшийся диалог с СССР. В своем политическом завещании, составленном в 1932–1933 гг., он с нескрываемой неприязнью писал о «красной идеологии», приведшей к полному уничтожению буддизма во Внешней Монголии, называя ее «худшим из пяти видов упадка, присущих нашему времени» [Там же, с. 321].

В то же время Доржиев вполне преуспел в осуществлении одной из частей своего проекта — обучение в СССР монголов и тибетцев. Выше уже говорилось, о том, что все они учились в ЛИЖВЯ, где в 1926 г. был создан «Рабфак северных народностей». Его целью являлась подготовка специалистов по трем основным «уклонам» — «советское строительство, педагогическое и хозяйственно-кооперативное» [ЦГА СПб, л. 13 и далее]¹. В монгольскую группу рабфака входило 13 человек, прибывших в Ленинград в конце декабря 1926 г. Преподавателем этой группы был монголовед В.А. Казакевич. На Рабфаке также обучались танну-тувинцы (19 человек), тибетцы (4 человека), буряты и представители других восточных национальностей.

Что касается тибетских студентов, то известно, что все они стали комсомольцами. Один из них, Соном-Даши Атце, по окончании Рабфака поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), где вступил в партию. Окончив КУТВ, он работал в МНР (1934–1935), а затем снова вернулся в Россию [Andreyev 2018].

Несмотря на все трудности и активное противодействие властей, Доржиев в конце 1920-х – начале 1930-х гг. продолжал, по мере сил и возможностей, продвигать свой Тибето-Монгольский проект. В своих петициях, направляемых советскому руководству, он выступает в роли полномочного представителя Тибета в СССР и в то же время выразителя нужд ламаистского духовенства, защитника буддийского вероучения, которое, как он полагал, не противоречит в своей основе принципам коммунизма. Особую озабоченность Доржиева вызывало фактическое упразднение института хуварачества (буддийских послушников), без которого реальное существование буддийской религии становилось невыносимо. В своем послании к Г.В. Чичерину 24 мая 1925 г. Доржиев просит наркома издать новый декрет, по которому лица, не достигшие 18-летнего возраста, свободно принимались бы в число буддийского духовенства. «Без такого права, — пишет он, — наша религия обречена на угасание». Доржиев также просит «изменить содержание антирелигиозной пропаганды среди калмыков и бурят, если почему-либо ее нельзя хотя бы временно прекратить» [Андреев 1992, с. 204, 205]. Это петиция Доржиева, как и прочие его ходатайства в высокие советские инстанции, вполне предсказуемо осталась без ответа.

К началу 1930-х гг. инициированное Доржиевым обновленческое движение сходит на нет. В 1930 г. закрылся созданный востоковедами в Ленинграде Институт буддийской культуры, просуществовавший всего три года. А в Бурятии и Калмыкии началась тотальная ликвидация дацанов и хурулов, сопровождавшаяся

¹ Согласно разнарядке от 5 апреля 1927 г., монголам, принятым на Рабфак, отводилось 15 мест, а тибетцам – 8. Их личные дела сохранились в архиве ЦГА СПб (Ф. Р-7222).

разрушением культовых построек, варварским уничтожением книг на тибетском и монгольском языках, бурханов и других буддийских реликвий. Одновременно проводились аресты представителей буддийского духовенства. Судьба буддизма, равно как и других религиозных конфессий в СССР, была фактически предрешена.

Осознав тщетность дальнейшего диалога с властями, 82-летний Агван Доржиев сложил с себя в 1936 г. полномочия «официального представителя» Тибета и выехал на родину, в Забайкалье. А уже в следующем году НКВД арестовало всех сотрудников Тибето-Монгольской миссии. 13 ноября 1937 г. в своем доме при Ацагатском дацане в Бурятии был арестован и глава миссии. В ходе следствия Доржиев «сознался», что является одним из руководителей «контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческой организации». После допроса его перевезли в тюремную больницу, где он скончался 29 января 1938 г. Его могила неизвестна. Реабилитирован в 1990 г.

Подводя итог деятельности Агвана Доржиева в России (царской и советской), хотелось бы отметить, что его многоплановый Тибето-Монгольский проект, хотя и не осуществленный в том виде, каким он был задуман, явился важным стимулом культурного сближения России с буддийским миром в лице Тибета и Монголии. Главные достижения доржиевского проекта — это строительство новых буддийских монастырей (дацанов и хурулов) в Бурятии и Калмыкии и буддийского храма в Петербурге; обучение монгольских и тибетских студентов в советских учебных заведениях, а также тесное и весьма плодотворное сотрудничество как самого Доржиева, так и буддийских лам, с российскими учеными.

Архивы

АП РФ — Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 739.

ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1, 2, 6.

НА РГО — Научный архив Русского географического общества. Р. 97. Оп. 1. Д. 11.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 208. Оп. 2. Д. 502.

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-7222. Оп. 8. Д. 120.

Сборники архивных документов

Международная политика 1925: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / [Сост.] Ю.В. Ключников и А.В. Сабанин. М., 1925–1929: В 3 ч. Ч. 1: От Французской революции до империалистической войны. М., 1925. 441 с.

Россия и Тибет 2005: Россия и Тибет. Сб. русских архивных документов, 1900–1914. М., 2005. 231 с.

Страницы из жизни 1993: Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ, 1993. 114 с.

Литература

Андреев 1992: *Андреев А.И.* Агван Доржиев и судьба буддийской религии в СССР // Реверс. Философско-религиозный альманах. СПб., 1992. С. 204, 205.

Андреев 1993: *Андреев А.И.* Буддийские ламы из Старой Деревни // Невский архив: Историко-краеведческий сборник / Сост. А.И. Добкин, А.В. Кобак. [Вып. 1]. М.; СПб., 1993. С. 314–349.

Андреев 1997: *Андреев А.И.* От Байкала до священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб – Самара – Прага, 1997. 335 с.

Андреев 2005: *Андреев А.И.* Буддийская традиция: история и современность. Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Агвана Лобсана Доржиева: Материалы конф. 25–27 ноября 2004 г. / Отв. ред. А.О. Бороноев; Науч. ред. И.В. Кульганек; Ред. Е.Ю. Харькова. СПб., 2005. С. 25–34.

Андреев 2006: *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. 465 с.

Андреев 2020а: *Андреев А.И.* Буддийский храм в Санкт-Петербурге. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2020. 288 с.

Андреев 2020б: *Андреев А.И.* Россия и Тибет: История политических отношений (XVIII – начало XXI века). СПб., 2020. 620 с.

Дамдинов 1999: *Дамдинов А.В.* Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ, 1999. 135 с.

Доржиев 1994: [Доржиев Агван]. «Предание о кругосветном путешествии», или Повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ, 1994. 119 с.

Ойратский 1919: *Ойратский [Чапчаев А.Ч.]*. Монголия как ворота буддийского Востока / Жизнь национальностей. 1919. 13 июля. № 26 (34).

С интернациональной миссией 1970: С интернациональной миссией: Воспоминания участников Монгольской Народной революции: [Сб.] / [Авт. введ. и сост. Ю.О. Оглаев]. Элиста, 1970. 143 с.

Andreyev 2003: *Andreyev A.* Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. Leiden; Boston, 2003. 433 p.

Andreyev 2018: *Andreyev A.* Agvan Dorzhiev and his contribution to the modernization of Tibet: Education of young Tibetans in Russia in the early 20th century // *Tibet Journal*. 2018. Vol. 43. No 2. P. 3–20.

Snelling 1993: *Snelling J.* Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftesbury, Dorset, 1993. 312 p.

К ИСТОРИИ КАЛМЫЦКО-МОНГОЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ*

Калмыки — народ, проживающий в Европе, близкородственный монголам по языку, истории, религии, традиционному образу жизни. Предки калмыков — западные монголы, или ойраты, в начале XVII в. откочевали из Джунгарии в Россию, и с этих пор проживают в ее юго-восточном регионе. Со времени их прихода в Россию взаимоотношения с монголами в основном были эпизодическими, когда калмыки с паломническими целями через Ургу добирались в Тибет. Особо тесные связи развиваются с 1920-х гг., когда Временное Народное правительство Монголии 16 марта 1921 г. выступило с обращением к правительству РСФСР оказать военную помощь для борьбы с белогвардейцами [Российско-монгольское 2019, ч. 1, с. 145]. В нем, в частности, выражалась уверенность в «дружественности правительства РСФСР и мощи Красной Армии» и «непоколебимая» вера в «практическом результате обращения» [Там же, с. 146]. Вторая просьба поступила в апреле того же года.

В Монголии фактически сложилось двоевластие, когда в прямом смысле решалась судьба страны, ее независимость: в Урге находилось правительство Богдо-гэгэна при поддержке барона Р.Ф. Унгерна, а на севере — Временное Народное правительство под патронажем России. Ситуация усугублялась обещаниями Унгерна «двинуться на север и открыть военные действия против большевиков» [Там же, с. 160] и атамана Г.М. Семенова — «принять участие в широкомасштабной операции <...> против красных <...> с выходом на берег Байкала и захватом Верхнеудинска» [Курас 2016, с. 185]. Советское правительство начало ввод части своих войск в Монголию, исходя из двух задач: военной — для разгрома дивизии Унгерна, и политической — «помочь молодым монгольским революционерам овладеть ситуацией в стране» [Рошин 1999, с. 21].

В этих непростых условиях калмыки прибыли в Монголию в качестве военных инструкторов. Их появление в монгольской армии не случайно, советское руководство прекрасно понимало, что им, в прошлом кочевникам, легче будет адаптироваться среди соплеменников. К тому же понимание языка, общность традиций и культуры с монголами, внешнее сходство сыграли, безусловно, определяющую роль. Вероятно, военные навыки калмыков (быстрота передвижения, маневренность и внезапность нападений калмыцкой конницы) оставались в фокусе внимания российских властей. Со времени появления в степях Нижнего Поволжья калмыки принимали участие практически во всех войнах России, где показали себя надежными союзниками.

В Монголии их главная задача как военных инструкторов состояла в оказании помощи Монгольской народно-революционной армии (МНРА): формировании воинских частей, обучении монгольских цириков. В свою очередь и инструкторам предписывалось соблюдать «дисциплинарный устав народно-революционной ар-

* © К.В. Орлова, 2021.

мии неукоснительно как в боевой обстановке» [Российско-монгольское 2019, ч. 2, с. 201]. Монгольское правительство со своей стороны гарантировало инструкторам «выдачу обеспечения, достаточного для исполнения службы» [Там же, с. 264].

Первая группа калмыков (18 человек), командиров и младших командиров 108-го Калмыцкого кавалерийского полка, во главе с Х.Б. Кануковым (в Монголии работал под именем Итрах Вокунаев / Вакунаев [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 200–201]; еще один псевдоним называет монгольский исследователь Н. Наранжаргал — Балданцэрэн [Наранжаргал 2014, с. 52]), прибыла в Монголию в 1921 г. в составе сводного Экспедиционного корпуса под командованием К.А. Неймана [Российско-монгольское 2019, ч. 2, с. 169]. По прибытии калмыков в Маймачен (ныне Алтан-Булак) их принял главнокомандующий монгольской армией Д. Сухэ-Батор. По воспоминаниям участника тех событий М.Т. Бимбаева, на этой встрече «каждая сторона разговаривала на родном языке и ко всеобщей радости без труда понимали друг друга» [Бимбаев 1981, с. 61].

В начале июня 1921 г. в окрестностях Маймачена монгольская армия совместно с 36-м артдивизионом Экспедиционного корпуса приняла первый бой, а в конце июня войска двинулись на Ургу, которая была освобождена в июле [Российско-монгольское 2019, ч. 2, с. 146, 182, 186; Бимбаев 1981, с. 61]. В результате состоялась «передача власти старым монголправительством новому нарревправительству (народно-революционное правительство)» [Российско-монгольское 2019, ч. 2, с. 186]. Первым военным комендантом столицы Монголии стал Х.Б. Кануков, его помощником — Буур (Борис) Учурович Юнзуков (в Монголии стал называться Церен-Дорджи Номинхановым), начальником ургинской тюрьмы — Ц.-М. Очиров [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Л. 12]. После отъезда Х.Б. Канукова в Кобдо по решению монгольского правительства военную комендатуру Урги возглавил Ц.-Д. Номинханов [Оглаев 1973, с. 33]. Необходимость окончательного освобождения страны (западной части Монголии) побудило монгольское правительство обратиться к советскому правительству с просьбой отложить вывод своих войск [Российско-монгольское 2019, ч. 2, с. 185, 187, 231, 232]. Вторую группу командиров и красноармейцев (50 человек) и третью группу (42 человека) объединили в единый Отдельный калмыцкий эскадрон и отправили в Монголию в конце 1921 г. Они выполняли те же задачи, обучая монгольских цириков. В 1924 г. большая часть калмыков, находившихся в Монголии, покинула страну [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 9а. 15 л.].

В период голода в Калмыкии в 1921 г. Монголия не осталась в стороне и внесла посильную помощь. В июле 1922 г. монгольское правительство в помощь голодающим калмыкам разово выделило свыше 4000 руб. В январе 1923 г. монгольское правительство выступило с инициативой переселения в Монголию калмыков по их желанию с предоставлением земли, скота и жилищ — юрт (по сведениям Н. Наранжаргала, планировалось переселить 70 семей [Наранжаргал 2014, с. 54]). Повторное приглашение было направлено в марте того же года, однако последовал твердый отказ со стороны НКВД.

К марту 1923 г. из Монголии было отправлено 1000 голов скота и 15 000 лан серебра [С интернациональной миссией 1970, с. 23; Оглаев 1973, с. 35; История

Калмыкии 2009, с. 323]. В том же году в Монголию прибыла делегация членов областного комитета (Калмыцкое представительство) для сбора пожертвований.

Следующий этап калмыцко-монгольских связей приходится на конец 1950-х гг. Для калмыков это время восстановления национально-государственной автономии после 13 лет депортации (декабрь 1943 – январь 1957 г.) в восточные регионы СССР. Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 9 января 1957 г. была восстановлена национальная государственность калмыков — Калмыцкая автономная область в составе Ставропольского края, что дало возможность возвращения на родину.

В мае 1958 г. группа монгольских ревсомольских работников, выпускников Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ в Москве, перед отъездом на родину посетила Калмыкию. Прошел всего лишь год с небольшим, как была восстановлена автономия калмыцкого народа после их ссылки в Сибирь. В столице Калмыкии — Элисте, в единственном сохранившемся трехэтажном доме, в народе называемом «Красный дом», помещались административные учреждения — областной комитет КПСС, обком комсомола, облисполком и др. Остальная часть столицы была еще не восстановлена. Понятно, что принимать почетных гостей из братской страны было невозможно. Поэтому было принято решение встретить гостей в пос. Башанта Западного района (ныне г. Городовиковск Городовиковского района). Принимал гостей первый секретарь областного комитета ВЛКСМ Б.П. Надбитов. Им показали поселок, организовали встречу с общественностью. Как впоследствии вспоминал народный писатель Калмыкии Т.О. Бембеев, «надо было постараться, чтобы не осрамиться перед гостями, главное — убедить их в том, что калмыки сохранили и язык, и культуру, и литературу. Но как это сделать? Ведь люди только-только съезжались из разных областей и краев Сибири» [Дорджиева, Дорджиев, Орлова 2010, с. 30]. Монгольским друзьям показали концерт студенческого ансамбля Башантинского сельскохозяйственного техникума, познакомили с его учебной работой, состоялся обмен опытом комсомольской и ревсомольской работы. Этот период калмыцко-монгольских связей не изобилует частыми встречами и контактами.

Активизируются взаимоотношения с января 1966 г., когда в состав советской партийно-правительственной делегации в МНР был включен первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС Б.Б. Городовиков. В ходе этого визита был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и МНР и совместное коммюнике о пребывании советской делегации в МНР [Советско-монгольские отношения 1979, т. 2, ч. 2, с. 1–16]. Стороны договорились развивать и укреплять дружественные отношения, экономическое, научно-техническое сотрудничество, «консультироваться по международным вопросам, затрагивающим интересы обеих стран». Гости из Советского Союза посетили первенец монгольской промышленности — построенный при содействии СССР Уланбаторский промышленный комбинат, угольный карьер в Шарын-голе, завод по переработке овчины, обувную фабрику, присутствовали на открытии электростанции в Дархане [Советско-монгольские отношения 1979, т. 2, ч. 2, с. 3, 18; Советская Калмыкия 1966]. Ст. 3 Договора 1966 г. заявляла о «неуклонности развития культурных связей» между странами [Совет-

ско-монгольские отношения 1979, т. 2, ч. 2, с. 3]. Одним из результатов визита в составе партийно-правительственной делегации первого секретаря Калмыцкого обкома КПСС Б.Б. Городовикова стало создание в Элисте Калмыцкого отделения Общества советско-монгольской дружбы (7 мая 1966 г.). Его первым председателем стал участник революции 1921 г. в Монголии М.Т. Бимбаев.

С этого времени калмыцко-монгольские связи значительно оживляются, в основном в сфере искусства. Так, в Монголии организовываются совместные фото- и книжные выставки, Дни и месячники калмыцко-монгольской дружбы, в рамках культурных мероприятий были проведены гастролы калмыцкого ансамбля «Тюльпан». Калмыцкие писатели в составе делегаций Союза писателей СССР неоднократно посещали страну, их произведения переводились на монгольский язык, а монгольских писателей и поэтов — на калмыцкий и русский языки [Мургаев 2007, с. 132–134].

В 1973 г. были установлены побратимские отношения между Калмыцкой АССР и Убурхангайским аймаком МНР. Калмыкия — животноводческая республика, поэтому побратимские связи с аймаком шли и по линии сельского хозяйства. В апреле–мае 1974 г. республику посетила делегация из Убурхангайского аймака, гости побывали в хозяйствах и на стройках республики, встретились с трудовыми коллективами столицы и районов. Визит завершился подписанием плана совместных мероприятий. Ответный визит калмыцкой делегации состоялся в мае того же года. Возглавил делегацию министр сельского хозяйства республики В.П. Дорджиев [Там же, с. 136].

Конец 1980-х – 1990-е гг. отмечены спадом российско-монгольских взаимоотношений и сотрудничества, в том числе и калмыцко-монгольских связей. Несмотря на объективные трудности, наши страны сумели преодолеть этот период. Взаимоотношения двух стран, включая калмыцко-монгольские связи, развиваются, в том числе в области науки и образования. В 2006 г. в рамках официального визита в РФ президент Монголии Н. Энхбаяр побывал в Калмыкии. В центре переговоров в Элисте были два направления — сфера образования, науки и культуры, в частности вопросы обмена студентами между Монголией и Калмыкией, и проведение исследований по истории российско-монгольских отношений. В сфере образования отношения между Калмыкией и Монголией развиваются довольно успешно. Ежегодно Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова оканчивают молодые граждане Монголии по таким специальностям, как «Бухучет, анализ и аудит», «Промышленное и гражданское строительство», «Природоохранное обустройство территории», проходят стажировки по специальности «Русский язык».

Тесное взаимодействие в последние годы развиваются и в области науки. Проводятся комплексные с монгольскими коллегами экспедиции в западные районы Монголии, научные конференции, осуществляются научные проекты. Выбор Западной Монголии не случаен и обусловлен специфическими особенностями исторического развития ойратов Западной Монголии и калмыков России.

Реальным воплощением научного взаимодействия являются публикации монгольских ученых в калмыцких изданиях, калмыцких ученых — в монгольских.

В 2007 г. в серии «Bibliotheca Oiratica» (вып. 5) опубликованы статьи ведущих калмыцких исследователей Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, в которых исследуются проблемы калмыцкого языка, истории, этнографии и фольклора. В 2008 г. в рамках сотрудничества изданы полевые материалы академических экспедиций 1920-х гг. Ц.-Д. Номинханова (участника революционных событий 1920-х гг.), хранящиеся в Архиве АН Монголии [Ойрад аман зохиолын сан 2009].

30 мая – 3 июня 2011 г. состоялся официальный визит президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в РФ, в рамках которого он посетил Санкт-Петербург и Калмыкию. Главной целью посещения Калмыкии было знакомство с республикой, укрепление сотрудничества в области экономики и культуры, знакомство с научной и творческой общественностью. На совместной пресс-конференции президент РФ Д.А. Медведев, касаясь вопросов гуманитарных связей, обратил внимание на сотрудничество между регионами двух стран, упомянув, в том числе Калмыкию как регион, «который очень тесно связан с Монголией» [Российско-монгольские переговоры 2011].

В целом, можно констатировать, что сотрудничество между Калмыкией и Монголией неуклонно расширяется, наиболее высокого уровня достигли связи между их академическими учреждениями. Становится совершенно очевидным, что Калмыкия как субъект РФ и Монголия должны выйти на новый уровень взаимодействия в сфере гуманитарного сотрудничества. Хорошим примером такого взаимодействия могло бы стать проведение Дней калмыцкой науки и образования в Монголии и Дней монгольской науки и образования в Калмыкии. Объединение усилий ученых двух стран послужит отправной точкой в исследованиях ранее не изученных или недостаточно изученных тем и проблем, например политической и этнической истории, филологии, культуры монголоязычных народов.

Архивы

НА РК (БУ РК «Национальный архив»). НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 9а. О возвращении в Калмыцкую область калмыцкого отряда особого назначения, отправленного в Монголию в 1921 г.

НА РК (БУ РК «Национальный архив»). Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 4. Заметки Канукова о военном и политическом положении в Монголии, краткая биография.

Литература

Бимбаев 1981: *Бимбаев М.Т.* Дорогой братства // Теегин герл. 1981. № 4. С. 59–65.
Дорджиева, Дорджиев, Орлова 2010: *Дорджиева Г.Ш., Дорджиев М.В., Орлова К.В.* «Меня лепила сама жизнь». Элиста, 2010. 330 с.

История Калмыкии 2009: История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 2. Элиста, 2009. 838 с.

Курас 2016: *Курас Л.В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск, 2016. 252 с.

Мургаев 2007: *Мургаев С.М.* Образование и деятельность Калмыцкого отделения Общества советско-монгольской дружбы // Востокведные исследования в Калмыкии: сб. научных трудов. Элиста, 2007. С. 130–138.

Наранжаргал 2014: *Наранжаргал Н.* 1920-нод оны Ижил мөрний сав дагуух өлсгөлөн ба халимагуудыг Монгол улсад нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай [= О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и о переселении калмыков в Монголию] // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 50–56.

Оглаев 1973: *Оглаев Ю.О.* Двадцать семь месяцев в народной Монголии (май 1921 – август 1923 гг.) // Церен-Дорджи Номинханов. Филологические вести. 1973. № 4. С. 30–36.

Российско-монгольское 2019: Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): Сб. документов: В 2 ч. / В.П. Козлов, С. Чулуун (отв. ред.); Б.В. Базаров (рук. проекта); И.И. Кудрявцев, С. Энхбаатар (отв. сост.). 2-е изд., доп. и испр. М., 2019. Ч. 1. 360 с.; Ч. 2. 328 с.

Роцин 1999: *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999. 325 с.

С интернациональной миссией 1970: С интернациональной миссией: Воспоминания участников Монгольской Народной революции: [Сб.] / [Авт. введ. и сост. Ю.О. Оглаев]. Элиста, 1970. 143 с.

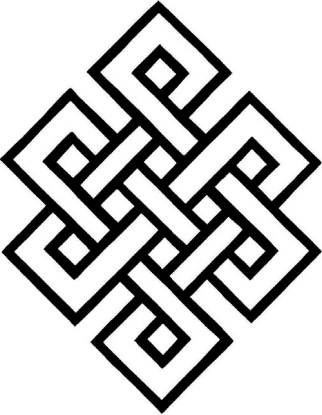
Советская Калмыкия 1966: Советская Калмыкия. 1966. 14 янв.

Советско-монгольские отношения 1979: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: В 2 т. / Отв. ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндорж. Т. 2: 1941–1974. Ч. 2 / Сост.: В.И. Бушков, Б. Балжиргарам и др.; Отв. ред. И.С. Казакевич. М.; Улаанбаатар, 1979. 612 с.

Ойрад аман зохиолын сан 2009: Ойрад аман зохиолын сан хөмрөгөөс (Ц.-Д. Номинхановын архиваас) [= Из сокровищницы устного народного творчества ойратов (из архива Ц.-Д. Номинханова)]. Улаанбаатар, 2009. 290 с.

Интернет-источники

Российско-монгольские переговоры 2011: Российско-монгольские переговоры. 31 мая 2011 года. Совместная пресс-конференция по итогам российско-монгольских переговоров // Президент России. События. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/11405> (дата обращения: 27.07.2021).

Глава II

**НАУЧНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
РОССИИ
И МОНГОЛИИ**

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЕ НАУЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ (1920–1960-е гг.): СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ОСОБЕННОСТИ*

Введение

Среди направлений международной деятельности Российской академии наук / Академии наук СССР продолжительное время научное взаимодействие с Ученым комитетом (Учком; 1921–1930 гг. / Комитет наук; 1930–1961 гг.¹ / Монгольская академия наук; с 1961 г.) выделялось среди других направлений по интенсивности и разнообразию дисциплинарного содержания. Это можно объяснить присутствующим у российского научного сообщества давним интересом к Монголии, ее природным особенностям и населяющим ее народам. Определяя его причины, известный зоолог А.Я. Тугаринов (1880–1948) писал в 1927 г.:

Можно с уверенностью сказать, что изучение ряда явлений, имеющих место на территории современной Монголии, может дать ключ к пониманию многих особенностей <...> прилегающих частей Сибири <...>. А если прибавить сюда то крупное значение, которое играла² территория Монголии в более отдаленные времена, то всестороннее изучение огромных монгольских пространств приобретает исключительное значение для науки [Тугаринов 1927, с. 802].

Именно исследовательский интерес определил продолжительность и продуктивность сотрудничества, невзирая ни на какие присутствующие политико-идеологические контексты. Особенно многочисленными научные контакты были в 1920–1980-х гг., то есть в период социалистических политических систем в обеих странах. Этот процесс объясняется не только объективным фактором — моделью советско-монгольских отношений «старший брат – младший брат», но и, по нашему мнению, не менее важной субъективной причиной: и тогда, и сегодня главной мотивацией российско-монгольского научного сотрудничества было и остается стремление к коллегиальному решению возникающих проблем.

В статье мы кратко осветим историю формирования интереса российского академического сообщества к монгольскому «исследовательскому полю», установ-

* © Т.И. Юсупова, 2021.

¹ В 1930 г. Ученый комитет в связи с расширением решаемых задач стал называться *Шинжлэх ухааны хурээлэн*; в современном традиционном русском переводе — Комитет наук (в англоязычной литературе его обычно называют *The Institute of Sciences*). В архивных документах после 1930 г. часто используется и его прежнее название — Ученый комитет, или Научно-исследовательский комитет. В данной статье мы будем называть первое монгольское научное учреждение до 1930 г. Ученым комитетом, Учком, после 1930 г. — Комитетом наук. Если в рассматриваемом хронологическом периоде присутствовали оба названия, то второе будем отмечать в скобках — Ученый комитет (Комитет наук). В 1961 г. Комитет наук был преобразован в Академию наук МНР.

² Так в тексте.

ления контактов ученых России и Монголии и характеристику их сотрудничества. В фокусе нашего внимания будут только академические связи. Рассмотреть все многообразие научных российско-монгольских коммуникаций не представляется возможным в пределах одной статьи.

Более подробно мы остановимся на довоенном периоде, когда сложились основные конфигурации и особенности взаимодействия. Кроме того, архивные материалы этого периода зачастую носят персонифицированную окраску и поэтому предоставляют возможность наполнить сухие факты нашего сюжета живыми эмоциями. Послевоенный период в силу ограниченного формата статьи и учитывая, что он детально реконструирован в целом ряде публикаций автора, осветим более кратко и более формальным языком, свойственным также и архивным материалам этих лет.

Источниками для обзора, помимо архивов, являются в основном публикации автора (2006–2018 гг.) по результатам многолетнего изучения этого вопроса¹ и других российских исследователей. То есть мы представим преимущественно «российский взгляд» на данный исторический сюжет.

Тему истории монгольской науки, Ученого комитета и Академии наук Монголии, общих вопросов научного сотрудничества с Россией в последнее десятилетие активно развивают также монгольские ученые. Появился ряд совместных публикаций по данной проблеме. Одним из первых был сборник, подготовленный Институтом истории Академии наук Монголии и Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники РАН [Монгольско-российское 2012]. В книгу вошли статьи монгольских и российских исследователей, которые отражают взгляд с двух сторон на вопросы установления научного взаимодействия и персональный вклад ученых в этот процесс. Надеемся, что монгольские историки продолжат изучение этих вопросов. В этом случае появится возможность компаративного анализа, что позволит воссоздать всестороннюю картину истории установления и развития нашего научного сотрудничества.

Монголия в научных программах Академии наук (XVIII – первая четверть XX в.)

Исследовательский интерес к Монголии, ее природным особенностям и населяющим народам начал формироваться у российских ученых еще в XVIII в., в первые десятилетия существования Петербургской академии наук². Он был обусловлен широкомасштабным изучением Сибири Второй Камчатской экспедицией 1732–1743 гг. и академическими экспедициями 1768–1774 гг., в ходе которых исследователи работали в приграничных областях. В дальнейшем источниками накопления знаний о Монголии в Академии наук стали коллекции, поступившие

¹ Список основных публикаций по теме и тексты Т.И. Юсуповой см.: Список публикаций автора. URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=77715; Yusupova Tatiana // Academia. URL: <https://nw.academia.edu/YusupovaTatiana> (дата обращения: 8.07.2021).

² Подробно вопрос естественно-научного изучения Монголии рассмотрен в: [Юсупова 2018], где приведена библиография по этому вопросу.

в академические учреждения от участников Русской духовной миссии в Пекине, руководителей хорошо известных центральноазиатских экспедиций Русского географического общества (Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовский, П.К. Козлов и др.). «Базу данных» активно пополняли также экспедиционные поездки (*экскурсии*) в Монголию членов Западно- и Восточно-Сибирского отделов и Троицкосавско-Кяхтинское отделения Приамурского отдела РГО, тесно связанных с Академией наук. Эти коллекции способствовало появлению в России вообще, и в Академии наук в частности (в Зоологическом, Ботаническом, Геологическом и Минералогическом, Азиатском музеях, Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) и др.), специалистов разного профиля, заинтересованных в продолжении изучения Монголии, прежде всего, для выявления общих закономерностей природных особенностей и историко-этнолого-лингвистических проблем народов России, этнически и конфессионально родственных монгольским народам.

Что касается классического академического монголоведения, то его развитие в Азиатском музее Академии наук актуализировалось в середине XIX в.¹ и было связано с открытием в сентябре 1855 г. факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете. В число пяти первоначально утвержденных разрядов входил и монголо-калмыцко-татарский (позднее реорганизованный в китайско-маньчжурско-монгольский), в составе которого была образована кафедра монгольского и калмыцкого языков².

В первое десятилетие XX в. на смену экстенсивно-описательному периоду изучения Монголии пришли специализированные исследования учреждений Академии наук, а также Геологического и Минералогического комитетов, научных обществ (Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях, РГО) и высших учебных заведений (Томский университет и др.) по разным отраслям знания. На приграничных территориях России – Монголии в дореволюционный период работали уже известные, или ставшие ими чуть позднее ученые: геологи: В.А. Обручев, В.В. Сапожников, И.П. Рачковский, М.Ф. Нейбург; минералог А.Е. Ферсман; зоологи П.П. Сушкин, А.Я. Тугаринов; ботаник В.Л. Комаров; монголовед Б.Я. Владимирцов. Профессиональный интерес к Монголии проявляли востоковеды И.Ф. Щербатской и С.Ф. Ольденбург, представители других научных направлений. Мы перечислили только тех исследователей, кто был в этот период или вскоре стал сотрудником академических учреждений, где продолжил изучение Монголии или проблем, связанных с этой страной. Отдельно следует отметить Геологический и Минералогический музей (ГиММ), который в 1917 г. разработал программу планомерного изучения Монголии с целью составления карты ее геологического строения. Бурные революционные события в России и Монголии прервали ее реализацию.

¹ О монголоведении в Азиатском музее см.: [Иориш 1972; Улымжиев 1997; Кульганек, Евдокимова 2012; и др.].

² Первая университетская кафедра монгольского языка открылась в Казанском университете в 1833 г., ее основателем и заведующим был О.М. Ковалевский (1800/1801–1878).

В ноябре 1921 г. был подписан первый международный акт в процессе формирования советско-монгольских отношений — «Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии» об установлении дружеских отношений. Этот политический документ позволил российским научным учреждениям вернуться к исследованиям в Монголии. Осенью 1921 г. при обсуждении планов экспедиционной деятельности Академии наук ГиММ вместе с Зоологическим музеем инициировали организацию совместной экспедиции под руководством авторитетного зоолога П.П. Сушкина (1868–1928) и ведущего специалиста по геологии И.П. Рачковского (1878–1961) для продолжения работ в западной части Монголии. По высказанному П.П. Сушкиным мнению, сложившаяся политическая ситуация может способствовать этому научному предприятию, поскольку «между монгольским и советским правительством России установились дружественные отношения» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Л. 141]. Учитывая тяжелое экономическое положение в стране, утверждена была только геологическая часть экспедиции, ввиду ее идеологической значимости как «наш ответ» Центральноазиатской экспедиции Американского музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса, которая в 1921 г. начала свою деятельность в Монголии.

Широкая возможность заинтересованным академическим учреждениям продолжить изучение Монголии представилась только в 1925 г. К этому времени сложился ряд объективных и субъективных обстоятельств, которые позволили вписать научное взаимодействие Российской академии наук / Академии наук СССР и Монгольского Ученого комитета (Комитета наук) в матрицу межгосударственных отношений двух стран. Определяющими факторами стали: указанная выше заинтересованность российского научного сообщества в «монгольском исследовательском поле», обращения в Академию наук Монгольского Ученого комитета о сотрудничестве и сложившаяся в советско-монгольских межгосударственных отношениях политическая конъюнктура в текущий момент.

Монгольский Ученый комитет: от традиции к науке

После победы в июле 1921 г. народной революции перед новой Монголией, еще вчера феодально-теократической страной, встали сложнейшие задачи по созданию национальных государственных институтов, в том числе и организации научных учреждений — одному из неперемненных условий ее экономического развития. Первым шагом в этом направлении явилось решение монгольского правительства от 9 ноября 1921 г. «в целях ликвидации прежнего положения, когда Монголия была неграмотной, темной страной, в которой науки не изучались, а книг на монгольском языке было незначительное количество», создать *Судар бичгийн хурээлэн* (Книжную палату) «для переводов самых важных иностранных книг и учебников на родной язык, просвещения народа и развития научных исследований» (Цит. по: [Очерки 1971, с. 71]). Этим постановлением наука и образование определялись как важная часть государственной политики в стране. В русскоязычной традиции *Судар бичгийн хурээлэн* стали называть Ученым комитетом (Учком).

В самый начальный период Учком представлял собой, как писал будущий первый президент Академии наук Монголии Б. Ширендыб (*Базарын Ширэндэв*; 1912–2001), «нечто вроде общества, правда, с отдельными функциями правительственного учреждения» [Ширендыб 1981, с. 8], имея в виду еще неотработанную внутреннюю структуру, весьма незначительное финансирование, кадровые проблемы.

Председателем Учкома был избран монгольский ученый, гун О. Жамъян¹ (1864–1930), а ученым секретарем — бурят, тогда российский поданный Ц.Ж. Жамцарано² (1881–1942), который был одним из инициаторов создания в Монголии первого научно-исследовательского учреждения. Эти два человека персонифицировали собой две главные задачи, стоявшие перед первым научным учреждением Монголии: 1) сохранение и развитие традиционных монгольских знаний и классического монгольского образования и 2) распространение в Монголии европейских знаний.

Дальнейшая конкретизация целей и задач Учкома произошла во второй половине 1924 г., когда после ряда административных реформ Учком из Министерства просвещения был переведен в непосредственное правительственное подчинение. В постановлении правительства указывалось, что Учком должен не только стать ведущим учреждением по организации научной работы, но и проводить разностороннее изучение природных ресурсов страны, исторического прошлого Монголии и соседних стран, оказавших влияние на ее культуру и религию, а также заниматься издательской деятельностью [Сэрээтэр, Цэрэв, Чадра 2002, х. 24].

Из двух руководителей Учкома — О. Жамъяна и Ц. Жамцарано, которым принадлежит ведущая роль в создании и развертывания его деятельности, мы остановимся на его ученом секретаре Ц.Ж. Жамцарано [Юсупова 2011]. Прежде всего, потому что именно он внес значительный вклад в установление сотрудничества с Российской академией наук и был связующим звеном между Академией наук и Учкомом.

В сентябре 1922 г. О. Жамъян и Ц. Жамцарано обратились к С.Ф. Ольденбургу с официальным письмом, в котором просили Академию наук рассмотреть возможность научного сотрудничества и оказания Учкому научно-методической и кадровой помощи в исследовательской работе. Из-за сложного политико-экономического положения в стране и внутренних трудностей самой Академии наук в тот период С.Ф. Ольденбург не мог развернуть широкую поддержку Учкому. Оказываемая небольшая помощь заключалась в книгообмене, который, в первую очередь, был необходим Азиатскому музею³, и нечастых командировок студентов-востоковедов Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ) [Батдорж 2019] «чтобы они вошли в живую связь с народом, который они будут изучать» [Бурдуков 1967, с. 287].

Как было сказано выше, с 1924 г. в число первоочередных задач Учкома вошло всестороннее изучение природных особенностей и ресурсов страны. Весьма

¹ О Жамьяне см.: [Пүрэвжав 2003; Чулуун, Тордалай 2012].

² В 1924 г. Ц.Ж. Жамцарано (монг. *Жамсраны Цэвээн*) принял монгольское гражданство.

³ В качестве дара и первого шага к взаимному книгообмену Учком передал в Азиатский музей отсутствовавшие в России части текста героического эпоса «Истории Гэсэра» [Советско-монгольские отношения 1975, с. 519].

скромные финансовые возможности, слабая материальная база, острый недостаток специалистов не позволяли в полной мере развернуть работу в этом направлении. Понимая, что собственными силами эту задачу не решить, Ц.Ж. Жамцарано активно инициировал международные связи первого монгольского научного учреждения. Следует отметить, что Учком не рассматривал российское направление как единственное. Однако контактам Ученого комитета препятствовала неопределенность международного статуса Монголии, провозглашенная независимость которой была признана только Советской Россией. В глазах мирового сообщества Монголия (до 1946 г.) оставалась автономной частью Китая. Но и в этих условиях представители национал-демократических сил монгольского правительства в 1925–1928 гг. (период «правого курса» в политической истории Монголии [Рощин 1999]) пытались развивать научные, технические и торговые связи с Германией, Францией, Америкой.

Тем не менее, основные надежды на помощь и поддержку Ц.Ж. Жамцарано возлагал на Российскую академию наук. Во многом это определялось не «политическим весом» СССР в Монголии, а тесными дружескими отношениями, которые связывали ученого секретаря Учкома с неперменным секретарем РАН академиком С.Ф. Ольденбургом. Их знакомство завязалось в годы учебы юного бурята в Санкт-Петербургском университете еще в начале XX в. Ц.Ж. Жамцарано почитал его как своего учителя и покровителя. В свою очередь, С.Ф. Ольденбург, по мнению академика В.М. Алексеева, воспитал молодого бурята научно, выработал из него «очень сильного и серьезного научного деятеля» [Алексеев 1982, с. 15].

В дальнейшем личные контакты Ц.Ж. Жамцарано и С.Ф. Ольденбурга имели определяющее значение для установления научного взаимодействия Учкома с Академией наук. Сходное понимание развития науки, ее места и значения в государственном строительстве, целей и задач сотрудничества определили его основные принципы и одновременно отразили взгляд С.Ф. Ольденбурга на характер взаимодействия России со странами Востока: уважительный, основанный на научном знании и искреннем желании оказать помощь в развитии национальных научных институтов в Монголии.

Обсуждение текущих вопросов деятельности Учкома и сотрудничества с российскими учеными проходило в личной переписке Ц.Ж. Жамцарано и С.Ф. Ольденбурга. Одним из важнейших писем для нашей истории стало письмо Ц.Ж. Жамцарано от 2 октября 1924 г., в котором он изложил свой взгляд на характер помощи со стороны Академии наук [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1924). Д. 23. Л. 69–72]. Он просил командировать специалистов в различных отраслях знаний как на летний экспедиционный сезон, так и на более продолжительное время. Также Ц.Ж. Жамцарано прописал условия их работы: если российские специалисты будут работать на учкомовские средства, то и результаты их работы, прежде всего собранные коллекции, следует передавать Учкому, а издания выпускать под «флагом Учкома». Если речь пойдет о российских экспедициях, то они будут обязаны оставлять часть коллекций и материалов Учкому для создания естественно-исторического музея. Если коллекции придется вывозить, «то потребуются особое разрешение от монгольского правительства и Ученого комитета» в соответствии с законом «Об охране

памятников старины». Таким образом, изначально советско-монгольское научное сотрудничество выстраивалось в рамках соблюдения норм международного общения и законов Монголии.

В советском публичном пространстве одним из первых поделился информацией об Учкоме минералог Б.М. Куплетский, командированный в Монголию в 1925 г. В своей статье по результатам поездки в журнале «Природа» он отметил, в частности, такую его особенность:

Работа в Ученом комитете заметно отличается от медлительного темпа работ других монгольских учреждений, идет энергично, и этот культурный уголок, заброшенный в далекой Урге, становится отправным пунктом для каждого русского исследователя, намеревающегося работать в районе северо-восточной Монголии [Куплетский 1925, с. 63].

Российская академия наук и «монгольский вопрос» в советской внешней политике (1920-е гг.)

Следует отметить, что просьбы Ц.Ж. Жамцарано о помощи со стороны Академии наук, высказанные С.Ф. Ольденбургу в октябре 1924 г., поступили очень вовремя: Академия наук в это время активно укрепляла свое положение как ведущего научного учреждения страны. Одним из ее аргументов в диалоге с властью была готовность «оказывать ученые услуги» — организовывать широкомасштабное изучение природных ресурсов России для решения хозяйственно-экономических задач. Так, в 1924 г. по просьбе руководства Якутской АССР была образована Комиссии Академии наук по изучению Якутской АССР, которая развернула комплексное изучение этой республики.

Монголия, как указывалась выше, была тем «исследовательским полем», в котором была заинтересована сама Академия наук, и в то же время — актуальным направлением внешней политики СССР в текущий момент. Учитывая эти обстоятельства, С.Ф. Ольденбург в ответ на просьбу Ц.Ж. Жамцарано в январе 1925 г. инициировал обсуждение в Совнаркоме СССР организацию изучения Монголии в рамках заседания Правительственной комиссии по заслушиванию предварительных отчетов Монголо-Тибетской экспедиции известного путешественника П.К. Козлова (подроб. см.: [Юсупова 2006]). Выступившие на заседании ученые — представители разных научных дисциплин (минералог академик А.Е. Ферсман, почвовед Б.Б. Полинов, ботаник Н.В. Павлов, геолог И.П. Рачковский, востоковед С.Ф. Ольденбург и др.) мотивировали необходимость этой деятельности не только научной, но и, в духе времени, экономической (для Монголии) и политической (для Советской России) целесообразностью. В развернувшейся далее дискуссии о характере исследований А.Е. Ферсман призвал, учитывая современные политические и экономические реалии, работать в Монголии «новыми методами» [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 72–73]. Именитый ученый считал обязательным условием при разработке исследовательских программ согласовывать их с задачами, поставленными монгольским

правительством перед Ученым комитетом. То есть больше внимания уделять вопросам изучения производительных сил Монголии.

Аргументы академического сообщества оказались весомыми, и правительство постановило организовать широкомасштабное исследование Монголии. Несомненно, большую роль в принятии такого решения сыграл политический фактор. На это прямо указал управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов (1892–1937), который курировал в правительстве деятельность Академии наук. Он отметил в своем выступлении, что изучение Монголии необходимо «для закрепления дружеских отношений с монголами <...> и проникновению в Монголию нашего политического влияния» [Там же, л. 67].

Итогом обсуждения стало решение правительства от 31 марта 1925 г. о создании специальной Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии (или Монгольской комиссии¹). Председателем Комиссии стал управделами Совнаркома Н.П. Горбунов, его заместителем — С.Ф. Ольденбург. Учреждение Монгольской комиссии показывало важную роль советско-монгольского научного сотрудничества в системе межгосударственных отношений двух стран.

В 1926 г. вышел первый сборник серии «Северная Монголия», подготовленный Монгольской комиссией. В предисловии к нему руководители Комиссии определили ее главную доктрину: «Изучение Монголии своего рода долг СССР — ближайшего соседа Монголии, располагающего необходимыми для такого изучения силами и средствами» [Горбунов, Ольденбург, Полюнов 1926]. Такой подход в действительности свидетельствовал о характере начального периода в истории российско-монгольского научного взаимодействия. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что это «долженствование» не определялось директивами «сверху», а было инициировано научным сообществом, заинтересованным в исследовании Монголии.

Монгольская комиссия Академии наук: «Настало время для Монголии работать новыми методами»

Два года Монгольская комиссия работала при правительстве, а в начале 1927 г. была переведена в ведение Академии наук, где она функционировала до 1953 г. Таким образом, можно сказать, что Академия наук получила государственный заказ на изучение Монголии, то есть финансирование одного из международных направлений своей деятельности. И этот «заказ» Академия наук выполняла в тесном сотрудничестве с Учкомом (Комитетом наук) Монголии.

¹ Почти сразу после создания Комиссии в сферу ее деятельности были включены Танну-Тувинская Народная Республика и Бурят-Монгольская АССР. Поэтому с конца 1925 г. она стала официально называться Комиссией по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Однако, как правило, использовали ее сокращенное название — Монгольская комиссия, поскольку работы в указанных республиках так и не были развернуты. С 1928 г. название «Монгольская комиссия» стало официальным и полностью отражало территориальную направленность ее деятельности.

Возглавляли Комиссию академики С.Ф. Ольденбург (в 1927–1929 гг.), В.Л. Комаров (в 1930–1945 гг.) и В.А. Обручев (в 1946–1953 гг.). В состав Монгольской комиссии входили в разные годы ведущие российские ученые по различным отраслям знания: монголоеды — Б.Я. Владимирцов, В.А. Казакевич, С.А. Козин; археологи — Г.И. Боровка, С.А. Теплоухов; ботаники — В.Л. Комаров, Е.М. Лавренко; зоологи — Е.В. Козлова, А.Я. Тугаринов; географы — П.К. Козлов, Э.М. Мурзаев, Ю.М. Шокальский; геологи — В.А. Обручев, И.П. Рачковский; лингвисты — Н.Н. Поппе; минералоги — А.Н. Ферсман; палеонтологи — А.А. Борисяк; почвоведы — Б.Б. Польшов и многие другие. Членами Комиссии были также представители Учкома (Комитета наук): его председатели А. Амар, Л. Дэндэв, Б. Жаргалсайхан, а также Ц.Ж. Жамцарано, Б. Ширендыб.

Основной формой деятельности Монгольской комиссии являлось проведение экспедиционных исследований, среди которых наиболее тесные и продолжительные контакты с монгольскими коллегами сложились в области археологии, биологии, геологии, истории и источниковедения, лингвистики, палеонтологии, этнографии, геофизики и ряда других дисциплин.

Самым плодотворным периодом ее деятельности были 1925–1933 гг. В эти годы Комиссия организовала более 40 экспедиций, в работе которых приняло участие более 60 исследователей из Азиатского, Ботанического, Зоологического, Геологического, Минералогического музеев (с 1930 г. — институтов) Академии наук, Почвенного институт и других учреждений. Исследовательские программы всегда согласовывалась с Учкомом (Комитетом наук). Как правило, экспедиции Академии включали в свой состав сотрудников Учкома, которые решали свои задачи или помогали российским коллегам. Но их работу всегда финансировал Комитет наук. В этой связи нам хотелось бы опровергнуть еще бытующее мнение, что в 1920–1930-х гг. Академия наук оказывала безвозмездную помощь Учкому. Как показывают архивные документы, со стороны Учкома всегда была или организационная и техническая, или финансовая поддержка совместных исследований.

Российские ученые работали в Монголии в очень непростых природно-климатических условиях и нередко в беспокойных и небезопасных районах. Тем не менее многие из них с теплотой вспоминают время своего пребывания в стране, ее удивительную природу, искренних и гостеприимных людей. Так, например, 4 ноября 1926 г. будущий академик Б.Б. Польшов в докладе на заседании Монгольской комиссии отметил, что российские исследователи

встретили сочувственное отношение со стороны монгольского правительства и всех представителей Научного комитета. Ни малейшего препятствия нам не чинили, всюду приходили на помощь, быстро разрешали все сложные вопросы. Отношение к экспедиции, к нашей Комиссии, к Академии наук самое благожелательное <...> как со стороны главы правительства, <...> так, особенно, со стороны председателя Научного комитета [ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33. Л. 84].

А в опубликованном позже отчете добавил, что о пребывании в Монголии участники экспедиции сохраняют воспоминания «как о светлом времени дружной, согласной совместной работы» [Польшов 1930, с. 2].

Монгольские исследователи играли важную роль в научном взаимодействии, активно участвуя в формировании и реализации его программ. Их вклад в совместные работы возрастал по мере развития и кадрового укрепления Учкома (Комитета наук). Этот факт подтверждает активная переписка Монгольской комиссии с Учкомом по обсуждению планов сотрудничества, хранящаяся в Архиве РАН и его Санкт-Петербургском филиале (Ф. 339).

Результаты практически всех проведенных в Монголии исследований были опубликованы в изданиях Монгольской комиссии: «Северная Монголия» (Вып. I–III: 1926–1928), «Материалы Комиссии» (Вып. 1–15: 1929–1931), «Труды Монгольской комиссии» (Вып. 1–69: 1932–1957). «Труды» выходили под двумя грифами: Академии наук СССР и Комитета наук МНР (полный перечень см.: [Юсупова 2006, с. 212–221]). Эти публикации стали своеобразной базой данных о природе, истории, языках, литературе, экономике Монголии.

Благодаря совместным усилиям Монгольская комиссия внесла значительный вклад в изучение природных ресурсов, истории, языка и культуры Монголии. Научные, кадровые и организационные результаты ее работы стали фундаментом для дальнейшего развития научных связей двух стран.

«Договор есть просто схема»: нормативно-правовые основания сотрудничества в 1920–1930-х годах

Взаимодействие Академии наук (и от ее лица — Монгольской комиссии) и Учкома (Комитета наук) строилось в рамках межгосударственных соглашений и оформлялось договорными обязательствами, вначале ежегодными, затем долгосрочными, как общего характера, так и частного — о выполнении конкретных совместных проектов. Эти документы юридически закрепляли формы и содержание сотрудничества и снимали вопросы правового обеспечения работ российских ученых в Монголии.

Отметим, что начало государственного регулирования деятельности иностранных ученых на территории Монголии было положено в сентябре 1924 г., когда по инициативе Ц.Ж. Жамцарано монгольское правительство приняло закон «Об охране памятников старины». Этот документ ограничивал вывоз из страны научных коллекций, добытых иностранными экспедициями и учеными¹. Начиная с 1925 г. ежегодно по прибытии российских экспедиций в Улан-Батор договор с Учкомом подписывал по поручению Академии наук кто-то из руководителей экспедиционных отрядов. Один экземпляр затем передавали в Ленинград, где он хранился в делах Монгольской комиссии.

В 1929 г. в связи с расширением взаимодействия Академии наук и Учкома был заключен первый долгосрочный договор о проведении совместных исследований в 1930–1934 гг. Основанием для его заключения стало межправительственное Соглашение 1929 г., которым были установлены основные принципы взаимоотношений между СССР и МНР. Договор научных учреждений конкретизировал работы,

¹ Закон был принят 5 сентября 1924 г. Ц.Ж. Жамцарано сразу же сообщил об этом С.Ф. Ольденбургу.

которые планировалось осуществить, условия их проведения и распределения материалов. В число запланированных исследований входили: геологические, палеонтологические, геохимические, почвенные, гидрологические, ботанические, зоологические, археологические, этнолого-лингвистические [Советско-монгольские отношения 1975, с. 169–174]¹.

Однако большинство планов так и осталось на бумаге. За пять лет действия договора произошли значительные изменения в отношении властей Советской России и Монголии к своим ведущим научным учреждениям и кадровые перемены в их руководстве. Административные перестановки стали следствием развернувшегося в СССР «академического дела», в ходе которого была произведена так называемая «чистка» Академии наук от «враждебных элементов». С.Ф. Ольденбург, как один из ее руководителей, был снят со всех своих постов, в том числе председателя Монгольской комиссии. Ее новым председателем в 1930 г. был утвержден известный ботаник, специалист по флорам Монголии академик В.Л. Комаров.

Сменилось также и руководство Учкома. В ходе внутривластной борьбы в 1929 г. в Монголии пришли к власти представители «леворадикального крыла» МНРП. Ц.Ж. Жамцарано — одного из лидеров «правой», национал-демократической партийной группы, сняли с должности ученого секретаря, а в 1930 г. умер председатель Учкома О. Жамъян. Возглавил Ученый комитет бывший премьер-министр Монголии А. Амар (1886–1941); в 1932 г. его сменил историк-медиевист Л. Дэндэв (1895–1956). В.Л. Комаров не был лично знаком с ними, связи между Монгольской комиссией и Комитетом наук стали носить более официальный и формальный характер.

Монгольская комиссия и Комитет наук в условиях искоренения «абстрактной академичности» и политических репрессий (1930-е гг.)

В начале 1930-х гг. в СССР, а вслед за ним и в Монголии, начался форсированный процесс администрирования научной деятельности, ее безусловного подчинения политическому и государственному контролю. В целях активизации участия Комитета наук в хозяйственно-экономическом переустройстве страны был проведен ряд организационных мероприятий по включению в сферу его ответственности широкого круга прикладных задач. В связи с этим перед руководством Монгольской комиссии была поставлена задача искоренить «абстрактную академичность» в советско-монгольских научных контактах, то есть изменить содержание исследовательских работ. В качестве основных направлений указывались почвенно-агрономические, животноводческие, геологические и геохимические исследования. Этот поворот был зафиксирован в новом Положении о Монгольской комиссии 1930 г. Ее главной задачей определялось «содействие путем всестороннего научного исследования развитию и укреплению народного хозяйства» МНР [Юсупова 2006, с. 119].

¹ Экземпляр договора Академии наук СССР на русском и монгольском языках хранится в: ЦПБФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1930). Д. 16. 18 л.].

Несмотря на вынужденное сокращение экспедиционной деятельности, Монгольская комиссия не теряла надежды на продолжение начатых работ и в свете партийных директив разработала план деятельности на вторую пятилетку, на 1933–1937 гг. В Монголию ежегодно, в соответствии с планом, должны были направляться комплексные экспедиции для проведения совместных с Комитетом наук работ. Их основная цель — «дать научный фундамент для практических мероприятий правительства Монголии в области хозяйственно-экономического и культурно-просветительского строительства» — как раз отражает произошедшие изменение задач, решаемых в системе советско-монгольских отношений (от «организации и ведения всестороннего изучения» для «закрепления нашего политического влияния» (1925 г.), через «наш долг» (1926 г.) содействовать «развитию и укреплению хозяйственно-экономического и культурно-политического строительства» (1930), к императивной установке «дать»).

Однако в 1933 г. произошло существенное сокращение научных контактов. Его причиной явилось резкое обострение внутренней ситуации в Монголии: во многих районах страны в ответ на политику конфискации скота и имущества, форсированного кооперирования аратских хозяйств, а также борьбы с ламством и монастырями, вспыхнули вооруженные мятежи и восстания, на подавление которых были посланы войска [Рощин 1999]. В таких условиях советским ученым было не только трудно, но и опасно работать в стране, и НКВД не разрешил научные командировки в Монголию.

К социально-политической нестабильности прибавился и экономический кризис, в результате чего Учком в 1933 г. не смог выполнять свои финансовые обязательства по «Договору 1929 г.» о совместных исследованиях. Командированный в Комитет наук для выяснения возможности дальнейшей работы И.П. Рачковский, писал В.Л. Комарову: «Ввиду тяжелого финансового положения сняты почти все исследовательские работы, приостановлено крупное строительство, сокращаются штаты» [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1933). Д. 9. Л. 121, 121 об].

При этом в 1934 г. был пролонгирован Договор о сотрудничестве Академии наук и Комитета наук на 1935–1939 гг. Но в июне 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) признало работы Академии наук в Монголии вообще несвоевременными и нецелесообразными [Академия наук в решениях 2000, с. 176]. Основанием для такого решения стало ухудшение положения в Дальневосточном регионе в целом: начались военные столкновения на монгольско-маньчжурской границе, которые в конечном итоге переросли в военный конфликт с Японией на Халхин-Голе в 1939 г.

Последовавшие в 1937 г. политические репрессии еще более обострили наметившиеся проблемы научного сотрудничества Академии наук и Комитета наук.

Период 1937–1939 гг. был самым драматичным в истории российско-монгольского научного взаимодействия. Жертвами репрессий в СССР в разные годы стали многие ученые, участвовавшие в работе Монгольской комиссии: востоковеды П.И. Воробьев, В.А. Казакевич, М.И. Тубянский, археологи И.Г. Боровка, С.А. Теплоухов и др., а также Н.П. Горбунов, который в 1929 г. стал академиком и в 1936 г. — неперменным секретарем Академии наук.

Трагические события разворачивались и в Монголии, где также начались массовые репрессии. И здесь не обошлось без «чистки» научного сообщества, только начавшего формироваться. Пересмотру подлежала вся деятельность Учкома (Комитета наук), поскольку, как отмечалось в отчетном докладе Президиума Комитета наук за 1937 г.,

возглавляемый врагом народа Жамцарано, Ученый комитет почти с самого начала своего существования стал местом, где свили себе гнездо реакционные силы. <...> По линии научных исследований в целом и изучения природы в частности, враги делали ставку на отвлеченную академическую науку, оторванную от жизни и насущных потребностей растущей страны, тормозя этим движение страны вперед, отвлекая внимание, силы и средства от насущных задач времени [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1938). Д. 8. Л. 17–18].

Ц.Ж. Жамцарано еще в 1932 г. вынужден был уехать из Монголии в Ленинград. После обвинения в идеализации особого пути социального развития Монголии и исключения из МНРП жить в Монголии ему стало опасно. С.Ф. Ольденбург оказал помощь своему ученику и другу: принял на работу в возглавляемый им Институт востоковедения Академии наук. Пять лет, проведенные в Институте, были очень продуктивными для него в творческом плане. Но все оборвалось 11 августа 1937 г., когда монгольский гражданин Цыбен Жамцаранович Жамцарано был арестован в СССР по сфабрикованному обвинению, и в 1942 г. погиб в заключении.

Репрессии 1937 г. покончили с разнообразием политико-идеологических течений в Монголии. В середине 1939 г. был арестован, этапирован в Москву и в 1941 г. расстрелян последний из лидеров национально-демократических сил Монголии, ее премьер-министр А. Амар, в 1930–1932 гг. возглавлявший Комитет наук. Все высшие правительственные посты в стране занял Х. Чойбалсан [Рощин 2005]. Он провел ряд административных реформ, затронувших в том числе и Комитет наук. Перемены начались с отстранения от руководства научного учреждения Л. Дэндэва — беспартийного представителя дореволюционного монгольского чиновничества.

Л. Дэндэв возглавлял Комитет наук в 1932–1940 гг., в один из самых драматических периодов истории Монголии в XX в. В его руководстве не все было однозначно. И все же ему удалось не только отстоять Комитет наук как форму организации науки в Монголии, но и расширить его деятельность, увеличить штат и бюджет. Пожалуй, одним из самых больших его достижений явилась организация работы по выявлению, учету, описанию и собиранию архивных документов и исторических источников, разбросанных по различным государственным учреждениям, обеспечению их сохранности и введению в научный оборот [Чулуун 2012].

На роль реформатора Комитета наук в соответствии с требованиями текущих политико-экономических задач был назначен молодой монгольский дипломат Б. Жаргалсайхан (*Баярын Жаргалсайхан*; 1915–2005). С его приходом начались активные мероприятия по организационному укреплению Комитета наук и расширению прикладных исследований, особенно связанных с животноводством — основой экономии Монголии. В новом Положении о Комитете наук (от 22 ноября 1940 г.) его главной задачей признавалось «укрепление мощности» МНР как само-

стоятельного национального государства, «идущего по пути некапиталистического развития на основе кровной и нерушимой дружбы с СССР» [Сэрээтэр, Цэрэв, Чадраа 2002, х. 212].

Процессы социальной стабилизации после периода политических репрессий дали возможность возобновить научные контакты советских и монгольских ученых. В 1940 г. начала работу Сенокосно-пастбищная экспедиция под руководством И.А. Цаценкина, которую в ответ на просьбы Комитета наук организовал Всесоюзный научно-исследовательский институт кормов. Ее участник — геоботаник А.А. Юнатов (1909–1967) стал одним из крупнейших специалистов по флоре Монголии. По окончании экспедиции он несколько лет работал в Комитете наук, преподавал в образованном в 1942 г. Монгольском университете, участвовал в изучении материалов Монгольской сельскохозяйственной экспедиции 1947–1951 гг. [Карамышева 2012]. Для укрепления кадрового состава Комитета наук также в 1940 г. в Монголию были командированы географ Э.М. Мурзаев и почвовед Н.Д. Беспалов, которые провели большую работу по изучению страны и развитию собственных исследований Комитета наук [Беспалов 1951; Мурзаев 1952].

В 1941 г. Монгольская комиссия приступила к обсуждению с Комитетом наук плана полевых работ на новый сезон и к формированию экспедиционных отрядов. Дальнейшая деятельность в этом направлении была прервана Великой Отечественной войной.

Продолжение сотрудничества в новых социально-политических реалиях (1940–1950-е гг.)

После окончания Второй мировой войны важную роль в складывании тенденций научного сотрудничества между советскими и монгольскими учеными сыграли кардинальные изменения правового положения Монголии, независимость которой была признана международным сообществом. 27 февраля 1946 г. между СССР и МНР был заключен Договор о дружбе и взаимопомощи и подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве. В его рамках предполагалось подписать новый договор о научном сотрудничестве. Для его подготовки в сентябре 1946 г. в Москву прибыли председатель Комитета наук Б. Жаргалсайхан и ректор открытого в 1942 г. Монгольского государственного университета Б. Ширендыб. В проекте подготовленного ими документа указывалось, что советско-монгольское научное сотрудничество имеет целью способствовать развитию как совместной научно-исследовательской работы Академии наук и монгольских научно-исследовательских организаций, так и самостоятельных работ Академии наук на территории Монголии; оказывать монгольским научным организациям помощь в выполнении стоящих перед ними исследовательских задач и в подготовке национальных научных кадров; обеспечивать обмен научной информацией между Академией наук и монгольскими научными организациями. Но этот договор так и не был подписан, по пока непонятным причинам. В то же время в конце 1948 г. президент АН СССР академик С.И. Вавилов и Б. Жаргалсайхан подписали «Соглашения между Ко-

митетом наук МНР и Академией наук СССР о совместной работе по написанию одно- и трехтомной „Истории МНР“» [Советско-монгольские отношения 1979, с. 141–144]. В рамках этого проекта была организована также Монгольская историко-этнографическая экспедиция под руководством С.В. Киселева (1905–1962), которая работала в 1948–1949 гг.

Надо отметить, что уже в 1944 г. Комитет наук обратился к В.Л. Комарову как к президенту Академии наук и председателю Монгольской комиссии с просьбой возобновить прерванные войной научные контакты и вновь организовать совместное изучение страны. Эту идею поддержал целый ряд академических учреждений. На основании их заявок Монгольская комиссия разработала в 1946 г. план, который, однако, директивные органы значительно сократили и в итоге Совет Министров утвердил только Монгольскую сельскохозяйственную экспедицию (1947–1951 гг.) (подроб. см: [Юсупова 2006]).

В 1945 г. после смерти В.Л. Комарова председателем Монгольской комиссии стал крупнейший специалист по геологии Центральной Азии академик В.А. Обручев. Надо отметить, что к ее руководству он приступил не в самый благоприятный для Комиссии момент. Ее роль как организатора и координатора советско-монгольского научного сотрудничества в новых социально-политических контекстах значительно ослабла. Хотя в новом Положении о Комиссии 1947 г. ее главная функция определялась весьма широко: необходимо «дать научный фундамент для практических мероприятий правительства Монголии в области хозяйственно-экономического и культурно-просветительского строительства» [Юсупова 2006, с. 195], реализовать ее с прежним размахом Комиссия не имела возможности. Для организации и координации масштабных проектов у Комиссии не было ни административного аппарата (в разные годы — от двух до четырех штатных сотрудников), ни самостоятельного бюджета. Кроме того, взаимодействие с академическими институтами, входившими в разные Отделения Академии наук, требовало либо административных полномочий, которые также отсутствовали у Монгольской комиссии, либо директивных указаний высоких государственных инстанций, которые уже не проявляли к Монголии такого внимания, как в начале 1920-х гг.

В то же время институты уже могли сами напрямую контактировать с Комитетом наук и разрабатывать совместные проекты без посредничества Комиссии. Так, Палеонтологический институт, по предложению Комитета наук, высказанному еще в 1940 г., организовал Монгольскую палеонтологическую экспедицию, которая была одобрена правительством. Ее возглавил И.А. Ефремов (1907–1972). Экспедиция работала в Монголии три полевых сезона 1946–1949 гг. Ее деятельность ознаменовалась сенсационными открытиями останков динозавров мезо-кайнозойского периода, указавших на большие перспективы в палеонтологическом изучении Монголии [Юсупова 2016].

Таким образом, в послевоенные годы сотрудничество Академии наук и Комитета наук шло по четырем проектам в рамках деятельности Монгольской комиссии и отдельных академических институтов: 1) подготовка «Истории МНР», 2) Историко-этнографическая экспедиция под руководством С.В. Киселева, 3) Сельскохо-

зяйственная экспедиция; 4) Палеонтологическая экспедиция под руководством И.А. Ефремова. Все эти проекты хорошо известны, им посвящена обширная литература. Подробно их история рассмотрена автором в монографии [Юсупова 2018]. Здесь мы скажем несколько слов только о подготовке издания книги «История Монгольской Народной Республики».

Работа проходила в 1946–1954 гг. и по всем формальным признакам (по числу участников, по распределению работы и по финансированию) она явилась первым паритетным советско-монгольским проектом. Актуальность написания «Истории» была предопределена произошедшими в первой половине XX в. изменениями в государственном и политическом устройстве Монголии. Новые идеологические императивы требовали переосмысления роли и значения отдельных личностей и событий и их влияния на внутрисполитические процессы и развитие страны. Кроме того, официальная концепция истории Монголии была необходима для разработки программы ее преподавания и учебников для разных уровней обучения.

Подготовительная работа продолжалась около двух лет, в течение которых складывалась организационная структура проекта, состав редколлегии и исполнителей, разрабатывался план поисковых и экспедиционных работ для сбора дополнительных материалов, было проведено выявление архивных и исторических источников в СССР и МНР. Однотомник (вместо планировавшегося трехтомника) «Истории МНР» был издан одновременно на русском и монгольском языках в 1954 г. В этой работе принимали участие видные советские историки, археологи, этнографы (Б.Д. Греков, С.А. Козин, И.М. Майский, Е.М. Жуков, А.Ю. Якубовский, С.В. Киселев, И.Н. Устюжанинов, К.В. Вяткина, С.Д. Дылыков и др. С монгольской стороны: Б. Ширендэб, Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Ж. Тумурбатора и др.) [История 1954].

В условиях усиленного идеологического давления на историческое сообщество конца 1940-х – начала 1950-х гг. эта книга была запрограммирована стать образцом идеологически выверенной науки. Но так однозначно ее нельзя трактовать, за исключением раздела, где описана история революционных и последующих событий в Монголии. Научная значимость однотомной «Истории Монгольской Народной Республики» определялась, прежде всего, тем, что в книге впервые была систематизирована история Монголии за огромный период — с древнейших времен до 1952 г., для чего были проанализированы все выявленные на тот момент исторические источники и материалы в хранилищах СССР и Монголии. Нельзя также переоценить ее значение для распространения исторических знаний о Монголии, взаимосвязи ее истории с историей других народов и стран в самой Монголии и за ее пределами.

Совместная работа Комитета наук Монголии и Академии наук СССР над однотомником «Истории МНР» сыграла определяющую роль в развитии исторической науки в Монголии, ее кадрового усиления. Все монгольские исследователи, участвовавшие в работе над книгой, в дальнейшем стали авторитетными учеными и внесли значимый вклад в развитие этого научного направления в стране.

Одновременно, по мнению монгольских ученых, деятельность Историко-этнографической экспедиции С.В. Киселева, которая предоставила недостающие мате-

риалы по средневековому периоду истории Монголии, стала стимулом развития археологических и этнографических исследований в Комитете наук, заставила обратить более пристальное внимание на учет и хранение исторических источников в архивах и библиотеках страны. Сотрудники Комитета наук, которые работали в ее составе (Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэн и др.) в дальнейшем стали авторитетными монгольскими археологами.

Несмотря на крупные успехи монгольских Историко-этнографической и Палеонтологической экспедиций и готовность Академии наук и Комитета наук продолжить совместные исследования, Политбюро ЦК ВКП(б) 6 июня 1950 г. отклонило просьбу о продолжении их работы. В 1951 г. также прекратила свои исследования Монгольская сельскохозяйственная экспедиция. Резкое сокращение по воле партийного руководства деятельности Академии наук в Монголии явилось следствием изменения приоритетов советской внешней политики на Востоке, где для СССР важнейшим партнером стал Китай, что нашло отражение, начиная с 1950 г., в активном развитии советско-китайских научных контактов.

Постановлением Президиума Академии наук от 15 мая 1953 г. Монгольская комиссия была упразднена. Президент Академии наук А.Н. Несмеянов в письме к В.А. Обручеву так объяснил это решение:

Монгольская комиссия была создана в свое время для оказания помощи развитию науки молодой народной республики. В настоящее время возник ряд народно-демократических республик, и в Советском Союзе созданы соответствующие учреждения для оказания им научной и научно-технической помощи, поэтому нет необходимости иметь особую Монгольскую комиссию [АРАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 10].

Координация научных связей с Комитетом наук перешла в ведение Иностранного отдела Президиума АН, и монгольское направление перестало быть обособленным в системе международной деятельности Академии наук, а Комитет наук МНР стал в один ряд с другими международными партнерами Академии наук СССР.

Таким образом, после 28-летней деятельности (два года в ведении СНК СССР и 26 лет в составе Академии наук) перестало существовать учреждение по организации и проведению исследований советских ученых в Монголии и координации советско-монгольского научного сотрудничества. Следует особо отметить, что в истории Академии наук СССР было только два учреждения, созданных для сотрудничества с одной конкретной страной — Монгольская комиссия и сравнительно недолго Комиссия по содействию научным связям с Турцией, или Турецкая комиссия (1933–1937), которая, однако, не смогла в полной мере развернуть свою деятельность.

Создание Академии наук МНР и новые формы сотрудничества

Взаимодействие Академии наук и Комитета наук во второй половине 1950-х гг., его программы и организационные формы регламентировались «Соглашением о культурном сотрудничестве» между СССР и МНР от 24 апреля 1956 г. К сложившимся контактам прибавилась новая форма — взаимные командировки ученых по

эквивалентному (безвалютному) обмену, что имело важное значение для научного взаимодействия двух стран вплоть до реформы РАН в 2013 г.

Еще одним важным документом, повлиявшим на выстраивание советско-монгольских научных связей, стала декларация «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами» (октябрь 1956 г.). Она предопределила полную переориентацию советско-монгольского научного сотрудничества на исключительную паритетность. Таким переменам способствовали также успехи в развитии научно-исследовательской работы и подготовке национальных научных кадров в самой Монголии.

Что касается Комитета наук в 1950-х гг., то главной особенностью его деятельности стало активное расширение сотрудничества с зарубежными научными сообществами и учеными, прежде всего стран социалистического лагеря. Усилилось внимание к Монголии также исследователей других европейских государств и Америки. Свидетельством этому стал первый Конгресс монголоведов, который прошел в сентябре 1959 г. в Улан-Баторе. Он имел большое научное и политико-идеологическое значение: продемонстрировал успехи Монголии на пути строительства социализма при поддержке СССР. Одновременно Конгресс высветил ослабление научных связей Академии наук и Комитета наук. Действительно, с начала 1950-х гг. на фоне расширения контактов Академии наук с европейскими и китайскими учреждениями в советско-монгольском научном взаимодействии наблюдалась некоторая стагнация.

Этот вопрос волновал монгольских ученых, которые считали необходимым сохранить «первенствующее положение» советского монголоведения среди своих международных коопераций. Он обсуждался в ходе встречи в Москве в январе 1956 г. председателя Комитета наук Н. Жагварала (*Нямын Жагварал*; 1919–1987) с президентом Академии наук академиком А.Н. Несмеяновым. Н. Жагварал высказал пожелание вновь развернуть широкие контакты и в ближайшем будущем организовать два совместных проекта, чтобы продолжить археологические и палеонтологические исследования, успешно начатые в Монголии экспедициями И.А. Ефремова в 1946–1949 и С.В. Киселева в 1948–1949 гг.

Реализовать эти проекты по разным причинам не удалось, хотя и по археологической, и по палеонтологической экспедициям была проведена большая подготовительная работа. В итоге вместо «монгольской» была создана Советско-китайская палеонтологическая экспедиция 1959–1960 гг., на организацию которой и были переброшены основные средства, кадры и внимание директивных органов. К идее организации Палеонтологической экспедиции в Монголии вернулись в 1960 г., а осуществить ее смогли только в 1969 г., когда начала работать Совместная советско-монгольская палеонтологическая экспедиция [Розанов, Рожнов, Юсупова 2020]. Незадолго до этого, в 1964 г., была учреждена Совместная польско-монгольская палеонтологическая экспедиция, которая работала до 1966 г., а затем возобновилась в 1969 г. Совместные археологические работы также пока не сложились, и Комитет наук начал собственные активные разработки археологии Монголии.

Взаимодействие Академии наук и Комитета наук продолжилось по другим направлениям. В основном осуществлялись взаимные командировки по безвалютному обмену, организовывались научные конференции и конгрессы, происходил книгообмен, имели место и другие форматы [Юсупова 2018]. Однако крупных академических проектов не было. При этом Комитет наук продолжал инициировать новые совместные проекты, одним из которых мог бы стать академический монгольско-русский словарь, работа над которым была начата еще в 1930-х гг. в Институте востоковедения в Ленинграде. Однако и это предложение на фоне общего ослабления интереса к монгольскому направлению не получила поддержки Президиума АН. «Большой академический монгольско-русский словарь» был издан только в первые годы XXI в. [Большой академический 2001–2002]. В его подготовке принимало участие значительное число монгольских и российских ученых.

В нашем академическом дискурсе обязательно следует отметить еще один проект, хотя он не и связан напрямую с Академией наук. Речь идет о создании на основании Соглашения, подписанного 26 марта 1956 г. в Москве представителями правительств 11 стран-учредителей, Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне. Его целью являлось обеспечение совместного проведения теоретических и экспериментальных исследований в области ядерной физики и содействие развитию ядерной физики в государствах — учредителях института. В их числе была и Монголия. Монгольские физики принимали участие в работе ОИЯИ с самого начала его деятельности. Около 30 из них защитили в Дубне кандидатские и докторские диссертации. Широко известным в научном мире стало имя академика Н. Соднома (*Намсрай Содном*; 1923–2002) — в 1967–1973 гг. вице-директора ОИЯИ.

Новые формы и качественно другой уровень российско-монгольские научные связи приобрели после подписания в декабре 1960 г. нового соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Комитетом наук и высшего образования МНР («высшее образование» в ответственность Комитета наук было добавлено в 1957 г. в ходе очередного структурного реформирования научного учреждения). Этот документ стал завершающим событием визита делегации Комитета наук в Москву, целью которого были консультации с Президиумом Академии наук о создании Академии наук Монголии [Юсупова 2019]. Соглашение предусматривало координацию исследований по различным научным проблемам, проведение совместных работ, взаимное приглашение на научные мероприятия, установление связей между научными учреждениями, архивами и библиотеками, оказание взаимной помощи в приобретении материалов и приборов, литературы и документов. Делегацию монгольских ученых возглавлял председатель Комитета наук, один из авторитетнейших монгольских историков Б. Ширендыб, вскоре выбранный первым президентом Академии наук Монголии. Он внес большой вклад в дальнейшее развитие и укрепление российско-монгольского научного сотрудничества, активным инициатором и участником которого был сам.

Следующий год был особенным в истории монгольской науки: 16 мая 1961 г. Указом Великого Народного Хурала была создана Академия наук МНР. Устав определял Академию наук как высшее научное учреждение МНР. Ее основная

задача состояла в оказании помощи «развитию народного хозяйства и культуры путем внедрения достижений науки своей страны, Советского Союза и других братских социалистических стран» (Цит. по: [Очерки 1971, с. 297]). За организационную модель национальной монгольской академии была взята Академия наук СССР. Выбор был предопределен тесным межгосударственным взаимодействием СССР и Монголии. Кроме того, именно советская модель академии, встроенной в государственную систему, финансируемая только государством, могла обеспечить мобилизацию научных сил на реализацию решений партийного и правительственного руководства страны.

Образование Академии наук МНР способствовало качественному изменению структуры научных кадров Монголии, значительному увеличению числа исследователей с учеными степенями, созданию новых научно-исследовательских институтов. Кроме Академии научные исследования проводили также в отраслевых научных организациях и в вузах. Это позволило на новом уровне продолжить развитие прежних форм российско-монгольского взаимодействия и создать новые, что нашло отражение в следующем соглашении о научном сотрудничестве между Академиями наук СССР и Монголии 1967 г. В нем констатировалось, что Академия наук СССР и Академия наук МНР

будут осуществлять научное сотрудничество, основными формами которого будет совместное проведение исследований по общей методике и программе, в том числе экспедиций, взаимное командирование ученых, координация работ по важнейшим проблемам, представляющим взаимный интерес, оказание помощи в подготовке научных кадров, а также обмен научной литературой и информационно-справочными изданиями (Цит. по: [Киселев 1974, с. 115]).

В рамках достигнутых договоренностей в качестве одной из форм сотрудничества, как оказалось в дальнейшем — очень плодотворной, стали совместные советско/российско-монгольские экспедиции: биологическая, геологическая, палеонтологическая, историко-культурная (археологическая), успешно проработавшие несколько десятилетий (от 20 до более 50 лет, в зависимости от направления исследований). Эти экспедиции хорошо известны, их история и деятельность освещены в жанрово многообразных публикациях руководителей и участников экспедиций. Здесь мы только назовем их, чтобы в общих чертах отразить совместные работы Академий наук СССР и Монголии.

В 1967 г. начала свою деятельность геологическая экспедиция, продолжившая работы предшественников, в том числе Монгольской комиссии. Она провела ряд научно-исследовательских работ по изучению геологического строения Монголии и выяснению условий формирования месторождений полезных ископаемых. В рамках экспедиции были составлены и опубликованы общая тектоническая карта Монголии, карта мезозойской и кайнозойской структур, геологические карты отдельных регионов и др. Со стороны АН СССР руководил геологической экспедицией академик А.Н. Яншин.

Чуть позже, в 1969 г., начала (и продолжает до сегодняшнего дня) работу Совместная советско / российско-монгольская палеонтологическая экспедиция. Она

стала самой масштабной в истории палеонтологических исследований. В основу ее научных программ легли результаты и материалы Монгольской экспедиции И.А. Ефремова. Благодаря многолетнему сотрудничеству с советскими / российскими учеными Монголия является одним из самых изученных в палеонтологическом отношении регионов мира, а монгольская палеонтологическая школа имеет высокий авторитет в мировом научном сообществе [Розанов, Рожнов, Юсупова 2020].

В 1970 г. были начаты работы Советско-Монгольской биологической экспедиции, которая также продолжает свою деятельность и сегодня, уже как Российско-Монгольская комплексная экспедиция РАН и Монгольской академии наук. Ее сотрудники собрали обширные ботанические и зоологические коллекции, составили карты растительности и почв Монголии, разработали программу восстановления лесных ресурсов, рекомендации для различных отраслей сельского хозяйства Монголии. Новым исследовательским направлением экспедиции является изучение экологических проблем Монголии и прилежащих территорий.

Начатые Историко-этнографической экспедицией С.В. Киселева в 1948–1949 гг. исследования, получили развитие в работах Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (в 1969–1990 гг.). В ее задачи входили вопросы выявления памятников монгольских древностей и традиционной культуры и обработки и систематизации уже известных для выяснения той роли, которую они играют в истории Монголии, в этногенетических процессах, происходивших на ее территории и приведших в итоге к образованию современной монгольской нации.

Несколько позже, в 1986 г., начала свою деятельность Советско-Монгольская геофизическая экспедиция, которая в продолжение исследований Гоби-Алтайского землетрясения выполнила работы по комплексному изучению глубинного строения, современной геодинамики и сейсмичности территории Монголии.

Совместные экспедиции стали прекрасной школой для молодых научных кадров Монголии, помогли им стать высокопрофессиональными специалистами в различных отраслях знания; по материалам экспедиций было защищено большое число кандидатских и докторских диссертаций. В ходе их деятельности взаимными усилиями российских и монгольских ученых были достигнутыми высокие научные результаты мирового уровня.

Заключение

Когда в начале 1990-х гг. на волне кардинальных изменений политических и экономических систем в России и Монголии произошла переоценка безусловной позитивности для Монголии тесных отношений с СССР, менее всего подверглось критике академическое сотрудничество. Научные контакты между российскими и монгольскими учеными в силу международного характера науки явились надежными звеньями межгосударственного общения, которые и сегодня продолжают развиваться и расширяться, опираясь на позитивный опыт прошедших десятилетий.

Наши страны по-прежнему объединяет тесное научное взаимодействие. Становятся разнообразными его организационные формы, расширяется круг участни-

ков с обеих сторон. Основные конфигурации этого сотрудничества определяются сегодня договорами и соглашениями не только между Российской и Монгольской академиями наук, но и различными научно-исследовательскими институтами, университетами, а также совместными грантовыми программами, Договором по сотрудничеству в области архивов и другими документами.

Век межгосударственного сотрудничества России и Монголии отмечен тесными научными связями между нашими странами. На всем протяжении их также столетней истории они носили содержательный, конструктивный и взаимовыгодный характер. Откликнувшись на просьбу Ученого комитета — первого научного учреждения Монголии, российские ученые оказали помощь в изучении ее природных богатств, истории и культуры, в формировании национальных научных кадров и институтов. В свою очередь, сотрудничество с Ученым комитетом / Комитетом наук / Монгольской академией наук дало российским ученым возможность реализовать свои личные исследовательские программы, результаты которых внесли существенный вклад в развитие целого ряда естественно-научных и гуманитарных направлений.

Архивы

АРАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136. Л. 10. Письмо А.Н. Несмеянова к В.А. Обручеву, 30 мая 1953 г.

ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 72–73. Стенограмма заседания Комиссии СНК СССР по научному исследованию Монголии, 31 января 1925 г.

ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33. Л. 84. Протокол заседания Монгольской комиссии, 4 ноября 1926 г.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Л. 141.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1924). Д. 23. Л. 69–72. Письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу, 2 октября 1924 г.

СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1930). Д. 16. 18 л.

СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1933). Д. 9. Л. 121, 121 об. Письмо И.П. Рачковского к В.Л. Комарову, 30 декабря 1932 г.

СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1938). Д. 8. Л. 17–18.

Литература

Академия наук в решениях 2000: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС. 1922–1991. Т. 1: 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. 591 с.

Алексеев 1982: Алексеев В.М. Наука о Востоке: Статьи и документы / Сост. М.В. Баньковская. М., 1982. 535 с.

Батдорж 2019: Батдорж Ч. О работе трех студентов в Ученом комитете Монголии (1923–1926) // Mongolica. 2019. Т. 22. № 2. С. 41–45.

Беспалов 1951: Беспалов Н.Д. Почвы Монгольской Народной республики. М., 1951 (Труды Монгольской комиссии. Вып. 41). 318 с.

Большой академический 2001–2002: Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Под. ред. ак. А. Лувсандэндэва и проф. Ц. Цэдэндамба; Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М., 2001–2002 (ок. 70 000 слов).

Бурдуков 1969: *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии: Воспоминания. Письма / Предисл. И.Я. Златкина; Коммент. Е.М. Даревской. М., 1969. 419 с.

Горбунов, Ольденбург, Полюнов 1926: *Горбунов Н.П., Ольденбург С.Ф., Полюнов Б.Б.* Предисловие // Северная Монголия. Вып. 1. Л., 1926. С. 3.

Иориш 1972: *Иориш И.И.* Монголоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 209–234.

История 1954: История Монгольской Народной Республики / Гл. ред.: Б.Д. Греков, Б. Ширендыб. М., 1954. 423 с.

Карамышева 2012: *Карамышева З.В.* Александр Афанасьевич Юнатов и его работа в Монголии // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук: Сб статей / Ред.-сост.: С. Чулуун, Т.И. Юсупова. Уланбаатар, 2012. С. 136–152.

Киселев 1974: *Киселев И.Н.* Сотрудничество АН СССР с Академиями наук стран — членов СЭВ. 1957–1967. М., 1974. 207 с.

Кульганек, Евдокимова 2012: *Кульганек И.В., Евдокимова Т.Ю.* Классическое монголоведение в Санкт-Петербурге // Российское монголоведение. Бюллетень VI / Отв. ред. В.В. Грайворонский. М., 2012. С. 25–47.

Куплетский 1925: *Куплетский Б.М.* По Северной Монголии // Природа. 1925. № 10/12. Стб. 62–71.

Монгольско-российское 2012: Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост.: С. Чулуун, Т.И. Юсупова. Уланбаатор, 2012. 182 с.

Мурзаев 1952: *Мурзаев Э.М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. 2-е изд., доп. М., 1952. 472 с.

Очерки 1971: Очерки истории культуры МНР / Отв. ред. Д.Д. Лубсанов. Улан-Удэ, 1971. 509 с.

Полюнов 1930: *Полюнов Б.Б.* Предисловие // Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию в 1926 г. Л., 1930. С. 2.

Пүрэвжав 2003: *Пүрэвжав Э.* Онходын Жамъян. Улаанбаатар, 2003. 152 х.

Розанов, Рожнов, Юсупова 2020: *Розанов А.Ю., Рожнов С.В., Юсупова Т.И.* «Крупнейшая из экспедиций в практике мировой палеонтологической науки»: к 50-летию Совместной российско-монгольской палеонтологической экспедиции // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 8. С. 756–767.

Рошин 1999: *Рошин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999. 325 с.

Рошин 2005: *Рошин С.К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М., 2005. 158 с.

Советско-монгольские отношения 1975: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: В 2 т. / Отв. ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндорж. Т. 1: 1921–1940 / Отв. ред. И.С. Казакевич. М.; Улаанбаатар, 1975. 588 с.

Советско-монгольские отношения 1979: Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: В 2 т. / Отв. ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндорж. Т. 2: 1941–1974. Ч. 1 / Ред. И.С. Казакевич. М.; Улаанбаатар, 1979. 530 с.

Сэрээтэр, Цэрэв, Чадраа 2002: *Сэрээтэр Ч., Цэрэв Х., Чадраа Б.* Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. Улаанбаатар, 2002. 285 х.

Тугаринов 1927: *Тугаринов А.Я.* Из поездки по Монголии // Природа. 1927. № 10. Стб. 801–812.

Улымжиев 1997: *Улымжиев Д.Б.* Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.: Петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ, 1997. 216 с.

Чулуун 2012: *Чулуун С.* Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост.: С. Чулуун, Т.И. Юсупова. Улаанбаатар, 2012. С. 9–31.

Чулуун, Тордалай 2012: *Чулуун С., Тордалай Р.* Онходын Жамъян и Ученый комитет Монголии: от традиции к науке (1921–1930) // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 50–63.

Ширендыб 1981: *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук Монгольской Народной Республики / Пер. с монг. Улан-Батор, 1981. 113 с.

Юсупова 2006: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности, 1925–1953. СПб., 2006. 278 с.

Юсупова 2011: *Юсупова Т.И.* Ц.Ж. Жамцарано — ученый секретарь Ученого комитета Монголии // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 2011. № 4. С. 189–202.

Юсупова 2016: *Юсупова Т.И.* «Очень важно для понимания всей эволюции животного мира...» Организация Монгольской палеонтологической экспедиции под руководством И.А. Ефремова // ВИЕТ. 2016. Т. 37. № 1. С. 9–26.

Юсупова 2018: *Юсупова Т.И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб., 2018. 312 с.

Юсупова 2019: *Юсупова Т.И.* Первый официальный визит монгольских ученых в Академию наук СССР и создание Академии наук МНР // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: Сб. докладов III Междунар. науч. конф. 20–22 апреля 2017 г. при поддержке Президента Монголии. Санкт-Петербург. Россия / Отв. ред. С. Чулуун. СПб.; Улан-Батор, 2019. С. 209–218.

СТУДЕНТ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ Ц.-Д. НОМИНХАНОВ В МОНГОЛИИ*

Одним из первых государственных научных институтов, основанных после революции 1921 г. в Монголии, стал *Судар Бичгийн Хүрээлэн*, известный в отечественной литературе как Ученый комитет МНР. Академическое сотрудничество двух молодых республик — Советской России и Монголии подробно изложено в отечественных работах по истории науки. Взаимодействие АН СССР и Ученого комитета вплоть до его преобразования в монгольскую Академию наук освещено в двух монографиях [Юсупова 2006, Юсупова 2018] и подробно останавливаться на нем мы не будем. Помимо непосредственно сотрудников АН СССР в Ученом комитете за первые десять лет его существования успели поработать немало советских граждан, формально не связанных с академической системой. Среди них есть яркие имена монголоведов — Владимир Александрович Казакевич (1896–1937), Церен-Дорджи Номинханов (1898–1967), Леонид Сергеевич Пучковский (1899–1970) и др. Едва ли не все они являлись в разное время студентами уникального учебного заведения, просуществовавшего всего 18 лет и более известного в отечественной научной литературе под своим последним названием — Ленинградский восточный институт¹. В 1920-е гг. в стенах ЛВИ плодотворно сотрудничали востоковеды-классики и востоковеды-практики, о чем написано достаточно подробно [Иориш, Кононов 1977]. Общий обзор деятельности студентов из Ленинграда в Монголии в первые годы существования Ученого комитета дан как в монгольских [Батдорж 2019], так и отечественных [Носов 2014; Носов 2019а] публикациях. В отношении сбора фольклора монгольских народов на сегодняшний день наиболее значимыми по объему и доступности можно считать материалы по устному народному творчеству и этнографии, собранные студентом ЛИЖВЯ Церен-Дорджи Номинхановым среди халха-монголов и ойратов Западной Монголии в 1924–1926 гг.

Буур (Борис) Очирович Юнзуков, более известный под именем Церен-Дорджи Номинханов, родился в Сальском округе Области Великого войска Донского в имении коннозаводчика И.И. Попова. Иван Иванович Попов (1859–1925) был также этнографом-любителем, проявлявшим большой интерес к калмыкам, проживавшим в донских степях и записавший среди них большой массив фольклорных текстов, которые только вводятся в научный оборот [Убушиева 2019, с. 124–125]. При поддержке семьи князей Тундутовых талантливый юноша получил образование [Очирова 2008, с. 83], готовясь стать народным учителем. Но революция круто изменила его жизнь.

* © Д.А. Носов, 2021.

¹ Первоначально этот вуз, основанный в 1920 г., носил название Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ); с 1922 г. — Петроградский институт живых восточных языков (ПИЖВЯ), с 1924 г. — Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ), с 1927 г. и до расформирования в 1938 г. — Ленинградский восточный институт (ЛВИ).

В 1921 г. он в составе группы советских военнослужащих под командованием героя Гражданской войны, бывшего латышского стрелка Константина Августовича Неймана (1897–1937) впервые попал в Монголию. За два года юноша прошел большой путь, занимая должности помощника советника разведывательного штаба МНРА, революционера и одного из основоположников современной калмыцкой литературы Харти Бадиевича Канукова (1883–1933), военного коменданта г. Урга и инструктора при начальнике штаба 1-й кавалерийской монгольской бригады. Выполняя обязанности военного инструктора непосредственно в частях, Номинханов в феврале 1923 г. впервые побывал на юго-западной границе Монголии [Орлова 2016, с. 50, 51].

Летом 1923 г. Ц.-Д. Номинханов вернулся на родину, а в сентябре был принят в Петроградский институт живых восточных языков (ПИЖВЯ, впоследствии — ЛВИ) [Там же, с. 51]. Вероятно, за год учебы Номинханов проявил такие знания в области языка и культуры ойратов, которые оказались профессорам Института достаточными для того, чтобы разрешить ему командировку в Монголию. При этом он получил задание от одного из своих учителей — выдающегося монголоведа Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931) — собрать материалы по этнографии и фольклору дербетов, проживавших в Западной Монголии.

В архиве Института языка и литературы АН Монголии (г. Улан-Батор) хранятся 10 рукописных тетрадей — автографы Ц.-Д. Номинханова [Там же]. В них автор называет себя студентом ЛИЖВЯ / ЛВИ. В 2016 г. монгольские исследователи Т. Ганцогт и На. Сухбаатар опубликовали этот материал [Ганцогт, Сүхбаатар 2016а; Ганцогт, Сүхбаатар 2016б]. Подробное описание и характеристика содержания всех десяти тетрадей содержится в одной из статей автора данного материала [Носов 2019б]. В этой же статье сопоставлено содержание опубликованных тетрадей с отчетными документами, которые Ц.-Д. Номинханов направил в Институт по результатам своей поездки 1924–1925 гг. в Западную Монголию.

Сопоставление материалов из архивов Улан-Батора и Санкт-Петербурга ясно показывает, что молодому исследователю удалось выполнить все пожелания своего учителя. За восемь месяцев поездки Ц.-Д. Номинханов собрал среди дербетов 7 сказок, 7 преданий, несколько легенд, 2 эпические поэмы, 410 загадок, 280 пословиц, 92 песни. Дополнительно пять песен были записаны от халха-монголов. Помимо произведений устного народного творчества ученый составил 32 тематические заметки по лексикологии и этнографии Западной Монголии. Особой удачей стало приобретение небольшой коллекции рукописей — список из 24 названий сочинений «ясного» (тодо бичиг) и старомонгольского письма, выполненный рукой молодого исследователя, также был направлен в Институт. Согласно сложившейся практике все упомянутые выше материалы были переданы в Ученый комитет МНР. Большая часть записей по фольклору и этнографии дербетов, сделанных Ц.-Д. Номинхановым зимой 1924/1925 г. сохранилась в архиве Института языка и литературы АН Монголии [Там же, с. 274, 275] и сегодня доступна исследователям. Для наглядности сопоставление содержания публикации, выполненной На. Сухбаатаром и Т. Ганцогтом, с перечнями материалов, составленными самим Ц.-Д. Номинхановым, приведено в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение содержания опубликованных тетрадей и перечней материалов, приложенных Ц.-Д. Номинхановым к отчету от 28 сентября 1925 года

Порядковый номер тетрадей Ц.-Д. Номинханова	Содержание публикации, выполненной Т. Ганцогтом и На. Сухбаатаром	Указание на материал в отчете для ЛИЖВЯ [ЦГА СПб, л. 72]
Первая тетрадь	Материалы по этнографии дербетов [Ганцгот, Сухбаатар 2016а, х. 17–114]	Соответствуют первым 22 пунктам приложенного к отчету списка
Вторая тетрадь		
Третья тетрадь		
Четвертая тетрадь	«Бурхан хааны көвүүн Балчир Бум Эрдэни» [Там же, х. 117–164] (Сын Бухан-хагана малолетний Бум-Эрдэни), записан 1 апреля 1925 г. в монастыре Дэдждэлинг от 26-летнего жителя хошуна Дайчин-вана по имени Бат. Текст приведен в переложении с латинизированной транскрипции на современный кириллический алфавит	«26. Поэмы дюрбетские 3 вида различного содержания»
Пятая тетрадь		
Шестая тетрадь	Семь дербетских сказок и две легенды [Ганцгот, Сухбаатар 2016б, х. 4–18], записанные за время путешествия 1924–1925 гг.	«24. Сказки дербетов 7 видов различного содержания. 25. Легенды, несколько»
Седьмая тетрадь	Былина «Догшин Чингил» [Там же, х. 21–46] (Свирепый Чингил), записанная 3 апреля 1925 г. в монастыре Дэдждэлинг от 71-летнего сказителя (туульчи) по имени Тайдж. Текст приведен в переложении с латинизированной транскрипции на современный кириллический алфавит	«26. Поэмы дюрбетские 3 вида различного содержания»
Восьмая тетрадь	Заметки по этнографии; 19 байтских благопожеланий; лексикологические материалы по языку дербетов. 50 халхасских пословиц; 7 халхасских загадок; 3 халхасские триады (ертөнций гурав) [Там же, х. 49–78]	Для записей фольклорных текстов соответствия в отчете отсутствуют, но байтские материалы записаны в ходе поездок 1924–1925 гг.

Окончание таблицы 1

Порядковый номер тетрадей Ц.-Д. Номинханова	Содержание публикации, выполненной Т. Ганцогтом и На. Сухбаатаром	Указание на материал в отчете для ЛИЖВЯ [ЦГА СПб, л. 72]
Девятая тетрадь ¹	2 призывания (дуудлага); Несколько благопожеланий; 19 халхасских пословиц; 280 дербетских пословиц; 410 дербетских загадок; Перечень названий халха-монгольских родов [Там же, х. 81–170]	«27. Загадки дюрбетские 410 шт. 28. Пословицы дюрбетские 280 шт.»

Среди текстов, опубликованных в Улан-Баторе в 2016 г., отсутствуя упомянутые в отчете 100 песен. Их список, выполненный рукой Ц.-Д. Номинханова в фонетической транскрипции на базе латинского алфавита, хранится в АВ ИВР РАН. Поступившие от него материалы объединены в сложносоставную единицу хранения общим объемом 254 листа и распределены по трем пакетам. Первый пакет полностью посвящен фольклору дербетов Северо-Западной Монголии. Все представленные в нем тексты были записаны с октября 1924 по апрель 1925 г., за исключением одного благопожелания, зафиксированного в июле 1926 г. Значительную часть текстов составляют 92 песни, собранные в январе–марте 1925 г. в Северо-Западной Монголии.

Исследовательской поездкой к ойратам деятельность студента ЛИЖВЯ Ц.-Д. Номинханова в Монголии не ограничилась. Из-за сложного материального положения он остался в стране еще на один год, где совершил еще как минимум один выезд в г. Улясутай осенью 1925 г. Летом 1926 г. ему удалось записать уникальные фольклорные тексты халха-монголов в местности Джанчублин-хуре. Датой возвращения студента в Ленинград считается 1 октября 1926 г.

В летние каникулы 1927 г. Ц.-Д. Номинханов продолжил экспедиционную деятельность у себя на родине, а также посетил Калмыцкую автономную область. Еще через год он решил провести каникулы на родине жены — в Монголии, где остался на год и по заданию Б.Я. Владимирцова вел сбор фольклорного и этнографического материала. Для наглядности хронология экспедиционной деятельности Ц.-Д. Номинханова приведена в табл. 2.

¹ В таблице рассмотрены девять тетрадей, десятая тетрадь содержит фрагмент дневника экспедиции в другой регион и здесь не приводится.

Таблица 2

**Данные об экспедиционной деятельности Ц.-Д. Номинханова,
реконструируемые по составленным им документам**

Дата / период	Местонахождение	Основные официальные занятия	Источник
25 июля 1924 г.	Кяхтинский пограничный пункт – Алтан-Булак	Пересечение границы Монгольской Народной Республики	ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 6. Д. 15. Л. 66
26 сентября 1924 г.	Улан-Батор	Отправление в командировку к дербетам Западной Монголии в качестве дипломатического курьера Полпредства СССР в МНР	Там же, л. 67
[2] октября 1924 г.	Улясутай	Прибытие из Улан-Батора в Улясутай по уртонному пути	Там же
[2]–7 октября 1924 г.	Улясутай	Четырехдневный отдых	Там же
7 октября 1924 г.	Улясутай	Отправление в Кобдо	Там же
[10] – [20] октября 1924 г.	Администрация Кобдоского округа	Нахождение при администрации	Там же, л. 68
[20] октября 1924 – 17 января 1925 г.	Кобдо	Работа счетоводом в отделении Монгольского Центрального кооператива, общественная работа	Там же
17–21 января 1925 г.	Кобдо – Улангом	Переезд в Улангом	Там же, л. 69
21–23 января 1925 г.	Улангом	Нахождение в Улангоме	Там же
Конец января – середина марта 1925 г.	Монастырь Далай-хана	Сбор фольклорного и этнографического материала	Там же, л. 69–70
Середина марта 1925 г.	Улангом	5-дневное пребывание в городе	Там же, л. 70
Конец марта – начало апреля 1925 г.	Монастырь Дэджэлинг	Сбор фольклорного и этнографического материала среди байтов	Там же
Начало апреля 1925 г.	Улясутай	5-дневное пребывание в городе	Там же
Первая половина апреля 1925 г.	Улясутай – Улан-Батор	Возвращение экспедиции	Там же, л. 70–71
19 апреля 1925 г.	Улан-Батор	Завершение экспедиции	Там же, л. 71

Окончание таблицы 2

Дата / период	Местонахождение	Основные официальные занятия	Источник
20 июля – 24 августа 1925 г.	—	Участие в Хентейской экспедиции под руководством Б.Я. Владимирцова и Б.Б. Барадийна ¹	Там же
Осень 1925 г.	Улясутай	Запись благопожелания	АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 3. Д. 39в. Л. 21
Июнь 1926 г.	Джанчублин-хуре (местность примерно в 75 км к востоку от Улан-Батора)	Запись фольклорных текстов	Там же, л. 22–24
1 октября 1926 г.	Ленинград	Возвращение из учебной командировки в Монголию	ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 30. Д. 1882. Л. 11
30 мая – 11 октября 1927 г.	Цевднянский аймак (бывшая станица Грабевская Сальского округа Области Великого войска Донского); Село II Ики-Чонос Большедербетовского улуса Калмыцкой автономной области	Каникулярный отпуск. Запись произведений устного народного творчества калмыков	Там же, л. 18; АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 3, Д. 39б. 47 л.
14 июня 1928 – 8 августа 1929 г.	Учебная командировка в Монголию	Работа в акционерном обществе «Стормонг», сбор лингвистических и этнографических материалов под руководством Б.Я. Владимирцова и Б.Г. Кржижановского ²	ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 30. Д. 1882. Л. 30–35

¹ Базар Барадиевич Барадийн (1878–1937) — отечественный востоковед-филолог и буддолог, один из создателей бурятской письменности. Нарком просвещения Бурят-Монгольской АССР, председатель Бурятского ученого комитета, затем преподаватель монгольского языка в Ленинградском институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ). Репрессирован. Приговор отменен в 1958 г.

² Борис Георгиевич Кржижановский (1886–1937) — этнограф и музеевед. Специалист по этнографии малых народов СССР. Доцент факультета языкознания и материальной культуры (Ямфак) ЛГУ, Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ) и преподаватель ЛИФЛИ. Директор библиотеки Академии художеств. Арестован в 1933, осужден в 1934, повторно осужден в 1937, расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1964 и 1989 гг. соответственно.

В завершении этого краткого повествования об экспедиционной деятельности в Монголии молодого калмыцкого исследователя Ц.-Д. Номинханова мы хотим привести отчет, составленный им для своей alma mater. Этот на первый взгляд сухой документ ясно отражает те сложности, которые молодой монгольской науке и ее энтузиастам — студентам Ленинградского восточного института приходилось преодолевать на пути к пониманию самобытного народа, вновь обретшего свою независимость в первой четверти XX в.

Приложение

В Приложении помещена выдержка из архивного дела «Переписка, удостоверения и отчеты о заграничных командировках» учащихся ЛВИ, хранящегося в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 6. Д. 15. 3.01 – 21.12.1925 г. 113 л.). Рассматриваемый фрагмент представляет собой отчет Ц.-Д. Номинханова о поездке в Монголию (л. 68 – 75 об). Это авторизованная машинописная копия синего цвета на заполненных только с лицевой стороны листах формата 21 × 29 см с незначительной авторской правкой черными чернилами. Только лист 75 архивного дела (список приобретенных Ц.-Д. Номинхановым рукописей) является двусторонним автографом. При подготовке к публикации нами исправлены явные опечатки и стилистические неточности. Авторское написание некоторых личных имен и топонимов (иногда различное) сохранено. Пунктуация современная.

Л. 66

Отчет о моей поездке в Монголию

По разрешению НАРКОМНАЦА С.С.С.Р. Ленинградским Институтом Живых Восточных Языков, с монгольского разряда, я был командирован в Монголию на практическую работу. Из беседы с проф. Б.Я. Владимирцовым я узнал, что моя задача, главным образом, побывать среди дюрбютов¹ Западной Монголии и познакомиться с бытовыми особенностями их и также изучать их язык и собирать материалы, касающиеся их быта, как-то: легенды, песни, пословицы и т. д., и если возможно, то собирать старинные рукописи.

Для расходов на поездку в Монголию Институтом отпущено мне денег в сумме двухсот (200) рублей. Получив деньги и снявшись с учета Управл[ения] районной Милиции и Ленингр[адского] Губ[ернского] Военкомата, я стал с 18-го Июня хлопотать относительно заграничного паспорта, бывая чуть ли [не] ежедневно в Отделе Управл[ения] по выдаче заграничных паспортов,

¹ Здесь и далее мы специально оставляем отличные от современного (дэрбэт/дербет) варианты передачи на русский язык монголо-ойратского этнонима *дөрвөд* (стар.-монг. *dürbed*). Всего автор использует три формы передачи этого этнонима на русский язык: дюрбют (наименее употребительная), дюрбет (наиболее употребительная) и дербет. Это же касается и написания ряда других слов и имен.

находящемся на площади Урицкого¹. Выдача мне паспорта задержалась до 4-го Июля.

Следует заметить, что мною уплачено за паспорт и за гербовый сбор двадцать четыре (24) рубля (червонцами), на какую сумму уменьшились таки[м] образом мои средства.

В последний день перед выездом зашел в знакомый отдел. Мне ответили, что вы получите паспорт через три недели. Получив такой ответ, [я] решил отправиться в Верхнеудинск², где хлопотать заграничный паспорт.

Дольше оставаться в Ленинграде мне было невозможно, так как угрожала опасность израсходовать все свои командировочные деньги.

4-го Июля 1924 г. я выехал из Ленинграда на почтово-пассажирском поезде и с одной пересадкой в г. Иркутске прибыл в г. Верхнеудинск 14-го Июля. Здесь устроившись у одного своего знакомого, стал хлопотать заграничный паспорт. После долгих хождений между местными учреждениями, при содействии Управления Милиции Бур[ят]-Монг[ольской] А.С.С.Р., получил у участкового суда г. Верхнеудинска удостоверение на право бесплатного получения заграничного паспорта как учащийся, и вскоре паспорт был взят у соответствующего учреждения.

23-го Июля отправился на пароходе в Усть-Кяхту по р. Селенге и куда прибыл 25-го Июля, отсюда на извозчике доехал до г. Троицкосавска и в тот же день переехал границу через Кяхтинский погр[аничный] пункт.

Л. 67

В Монгольском пограничном г. Алтан-Булаке³ телеграфно при содействии Управделами Ученого Комитета М.Н.Р. т. ЖАМЦАРАНО⁴ из Монгольского Правительства получил разрешение на право пользования уртонскими⁵ лошадьми.

¹ *Площадь Урицкого* — с 1918 по 1944 г. название Дворцовой площади в Петрограде – Ленинграде.

² *Верхнеудинск* — название Улан-Удэ с 1775 по 1934 г.

³ Монг. *Алтанбулаг* — пограничный пункт и сомонный центр в аймаке *Сэлэнгэ*.

⁴ *Цыбен Жамцаранович Жамцарано* (монг. *Жамсрангийн Цэвээн*) (1881–1942) — выдающийся российский и монгольский ученый бурятского происхождения. Д-р филол. наук, профессор, чл.-кор. Академии наук СССР. Собиранье фольклора монгольских народов. Советский и монгольский государственный деятель. Один из основателей Монгольской народно-революционной партии. С 1932 по 1937 г. работал в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде. Арестован в 1937 г., умер в тюрьме. Реабилитирован в 1956 г.

⁵ Уртонская, или уртонная, служба, или гоньба (монг. *ортөө*: станция) — обязанность кочевых скотоводов (аратов) по обслуживанию (главным образом, по предоставлению лошадей) почтовых станций, находившихся на расстоянии примерно 30 км друг от друга. Вот как характеризовал это явление современник Ц.-Д. Номинханова — В.А. Казакевич в 1924 г.:

«Не буду здесь останавливаться на описании уртонской гоньбы, явления чрезвычайно типичного для Монголии и заслуживающего подробного разбора и описания. Достаточно будет сказать, что это своего рода ямская повинность, и до сих пор существующая в глухих уголках СССР. Что касается Монголии, то здесь она представляет единственный способ правильного и быстрого передвижения командированных лиц и казенных грузов, но вместе с тем является своеобразной натуральной повинностью, тяжело ложащейся на плечи населения» [ТХ Архив, л. 3].

Отсюда через два дня после переезда границы я уже ехал на уртонских лошадях. Из г. Алтан-Булака до г. Улан-Батор-Хото¹ считается десять (10) уртонов.

Вскоре по приезде в г. Улан-Батор-Хото при содействии Ц[ыбена] Жамцарано поступил на службу в Министерство Финансов переводчиком. Служил в этом учреждении до последних чисел сентября.

26-го Сентября по заданию Полпредства С.С.С.Р. в Монголии в качестве дипломатического курьера для выполнения поручения Института отправился в Западную Монголию к дюрбетам, для того чтобы провести там среди них зиму, кроме того и Ученый Комитет дал мне поручение собрать среди Дюрбетов их народные песни, легенды, сказки, пословицы, загадки и т. д. и старинные их рукописи и для этого снабдил меня деньгами в размере 200 долларов и удостоверением о том, что я командирован Ученым Комитетом для перечисленной выше работы и с просьбой к местным властям об оказании мне содействия в моей работе.

Из Улан-Батор-Хото до г. Улясутая² ехал на уртонских лошадях семь дней. Между этими двумя пунктами считается 32 уртона. На пути погода стояла ясная. Мороз стоял довольно чувствительный. Снега не было, но с половины пути на отдельных горных вершинах стали виднеться снежные пятна. Более или менее многоводные речки еще текли, а ручейки настолько промерзли, что вполне могли выдержать всадника, не провалившись.

Г[ород] Улясутай имеет вид китайской деревушки с одной только улицей и 3-4 переулками. Основное население города китайцы, считают здесь 400–500 чел[овек], занимаются они главным образом торговлей; встречаются среди них также мелкие ремесленники: плотники, кузнецы и т. д. Монголов здесь не больше 4-5 десятков, а русских не больше 2-х десятков.

Город стоит на р[е]ч[ке] Улясутай, вода в ней очень чистая и быстрая. В окрестностях г. Улясутая имеются два больших огорода, где китайцы сеют хлеба и сады³ зелен.

Местная власть возглавляется «сайдом» т. е. сановником, управление которого с гарнизоном «цэриков» (солдат) стоит от города [на расстоянии] не большее одной версты. От непривычной долгой езды на лошадях, мне в г. Улясутае пришлось отдохнуть 4 дня.

7-го Октября из г. Улясутая я выехал в г. Кобдо⁴. Между этими двумя пунктами считается 14 уртонов, из них: 7 восточных уртонов

¹ Улан-Батор-Хото — русифицированная форма названия столицы Монголии (монг. *Улаанбаатар хот*; стар.-монг. *Ulaγanbaγatur qota*), которое городу присвоили в 1924 г. В некоторых документах 1920-х гг. наблюдается одновременное использование русских топонимов Улан-Батор-Хото и Урга — общеупотребительное в русской и европейской литературе XIX–XX вв. название столицы Внешней Монголии.

² Монг. *Улиастай* — столица аймака *Завхан*.

³ Так в тексте.

⁴ Монг. *Ховд* — столица одноименного аймака.

Л. 68

считают близкими между собою, а 7 западных — очень далеко отстоящими друг от друга. Ехал из г. Улясутая до местности Дзумаи, находящейся на западном берегу оз[ера] Хара-усу, где находился Сайд¹ Кобдосского Округа² со штабом, три дня.

В день приезда был у Сайда. Это молодой энергичный революционер, выходец из олетцев³ Кобдосского Округа, зовут его Лхамсюрун (так! — Д.Н.), или иначе — в знак вежливости по местному обычаю — «Лхая», принял меня очень вежливо и пригласил в будущем захаживать к нему⁴.

Ввиду отсутствия рекомендательного письма о моей личности от его ургинских⁵ знакомых, как полагается в Монголии, до поры до времени, пока со мною окончательно не познакомился, хотя я имел удостоверение из Ученого Комитета, он меня задержал от дальнейшего движения к дюрбетам, и таким образом, прожив здесь дней 10, [я] отправился в г. Кобдо, иначе «шавр»⁶, находящийся от м. Дзумаи в 25–30 верстах, искать другие выходы из своего положения: остаться и служить здесь где-нибудь или же ехать к дюрбетам другим путем. После долгих колебаний решился остаться в г. Кобдо, поступив в какое-нибудь торговое учреждение подкрепить свое материальное положение; после чего поехать к дербетам.

¹ Сайд (монг. *сайд*, стар.-монг. *sayid*) — министр.

² Кобдосский округ — административно-территориальная единица империи Цин, наряду с Алтайским округом, Халхой и землями Танну-Урянхайцев — одна из четырех составных частей Внешней, или Северной, Монголии [Бруннерт, Гагельстром 1910, с. 370].

³ Олетцы — передача на русский язык ойратского этнонима *өөлд*.

⁴ В первой половине ноября того же 1924 г. местность Дзумаи посетил В.А. Казакевич. Вот как он описывал Управление Кобдосского округа:

«Т[ак] к[ак] военное и гражданское управления округа находились в Дзумае, где было топливо в виде кустарников карганы, то я собрался туда налегке, желая выяснить несколько вопросов. Мне не пришлось долго ехать. Миновав невысокий перевальчик с разрушенной часовой на вершине, дорога пошла по долине рек Кобдо и Буянту, между которыми и располагался большой поселок из юрт по соседству с маленьким монастырьком казенных хлебопашцев — Дзумья-хурэ с двумя храмами, окруженными небольшой тополевой рощицей. Приехав в лагерь, я посетил генерал-губернатора округа (джянджин дзун сайт) Гомбоичина, гражданского губернатора (барун сайт) Лхамосуруна, олюта по происхождению, недавно выбранного на место Далай-хана и комиссара округа Дэмбриля. Встретив любезный прием и устроив кое-какие дела партии, я остался там ночевать. На следующее утро, посетив начальную школу с одним учителем и 27-ю учениками, я отправился в город [ТХ Архив, л. 83].

⁵ Ургинских — прилагательное, образованное от бытовавшего в русскоязычной среде названия столицы Монголии «Урга». Столица Монголии, находящаяся на современном месте с 1778 г., носила разные названия — Их хурээ, Да хурээ (монг. Большой монастырь), Нийслэл хурээ (монг. Столичный монастырь — после провозглашения независимости в 1911 г.). При этом в отечественной и европейской литературе за городом закрепилась русская фонетическая передача монгольского термина *Өргөө* («Ставка») — Урга. 26 ноября 1924 г. город получил новое название Улаанбаатар хот (Город — Красный богатырь) с ярко выраженной революционной семантикой. Молодые исследователи из Ленинграда старались как можно чаще упоминать новое название в составляемых ими документах, но некоторая инерция речи в их текстах все же сохранялась.

⁶ Монг. *шавар* — грязь, глина, глиняный, глинобитный.

На службу здесь поступил в Отделение Монгольского Центрального Народного Кооператива счетоводом. Находился в этой службе до 17-го Января [1925 г.]¹. Во время нахождения в г. Кобдо вел общественную работу на посту Секретаря Местного Комитета и Руководителя Политграмоты среди членов ячейки РЛКСМ.

Г. Кобдо представляет из себя развалины китайских фанз, из них трудолюбивыми местными колонистами из полуразрушенных фанз построены русского типа землянки, увеличили число землянок находящиеся здесь монгольские части постройкой для себя казарм. В г. Кобдо всего землянок не больше 15 шт. Здесь живут 5-6 русских семей. Из торговых организаций существуют: Отделение Монценкоопа, Отделение Акц[ионерного] Общ[ества] «Шерсть», Отделение Госторга и одно отделение Английской Фирмы по покупке мелкого скота, и одна лавчонка сарта². Покупателями и продавцами являются жители окрестных долин. Кроме того, находится в городе Консульство С.С.С.Р. и одна русская и одна монгольская начальные школы. Существуют еще ячейки Р.К.П.(б) и Р.Л.К.С.М. Недалеко от города, севернее последнего находится развалина крепости, пострадавшей от Гражданской войны 1911–1912 гг. По обеим сторонам существующей во всем городе одной улицы стоят редко посаженные деревья. Площадь земли, занимаемой

Л. 69

городом, без крепости, 200 × 300 саж[еней]. До последнего дня моего нахождения в г. Кобдо снег не выпал, все время стояла хорошая погода.

17-го Января [1925 г.] я выехал из г. Кобдо в г. Уланком³, путь между этими двумя пунктами считается 7 уртонов. Разрешение пользоваться уртонскими лошадьми получил от местного сайда, прикочевавшего со штабом к моему отъезду из м. Дзу-маи к г. Кобдо и расположившегося севернее от последнего в 3-х верстах на правом берегу р[е]ч[ки] Буянты. К моменту прибытия меня в г. Уланком погода изменилась к худшему, на пути моем за два уртона до Уланкома вся степь была покрыта толстым слоем снега и стоял сильный мороз.

В г. Уланком я прибыл 21-го Января и остановился в одной из юрт Хошунного Управления. В 9 час. вечера того же дня явились ко мне двое русских: т. Толстошеев, красноармеец войск ГПУ⁴ из Совроссии, и некто Попов, местный колонист, просить меня принять участие на митинге, имеющем быть 22/І с[его] г[ода] в честь дня траура о кончине Владимира Ильича Ленина и 9-го Января 1905 года, для перевода речи, произносимой на русском и дюрбетском языках, я на предложение их охотно согласился.

Митинг состоялся в здании местного нардома, присутствовало на митинге не более 50 чел[овек], интересно заметить, что на митинге присутствовала супруга

¹ Интересно, что Ц.-Д. Номинханов не упоминает в своем отчете о Гобийской партии Ученого комитета, которой руководил В.А. Казакевич. Партия прибыла в Кобдо 30 октября 1924 г. и находилась в городе две недели. При этом именно В.А. Казакевич в 1925 г. доставил публикуемый отчет в Ленинград.

² *Сарт* — наименование части оседлого населения Средней Азии.

³ Монг. *Улаангом* — столица аймака Увс.

⁴ *ГПУ* — инерция речи: с 1923 г. ГПУ преобразовано в ОГПУ.

покойного Зоригту-хана¹. Выступали с речью на митинге Представители от местной ячейки РКП(б), торговых организаций СССР, местного комитета, монгольской народной партии и т. д.

Существуют здесь отделения Монгольского Центрального Народного Кооператива, Госторга, Акц[ионерного] Общ[ества] «Шерсть». Привлекательный вид всему городу придает дворец Зорикту-хана (так! — Д.Н.) с рощей.

23-го Января я выехал из г. Уланкома в куре² Далай-хана, здесь расстояние считается 4 уртона. На пути между этими двумя пунктами находится очень трудный перевал «Кэцу»³, пригодный только для верховой езды, но местные жители умудряются иногда через этот перевал перевозить на верблюдах груз. Снег здесь лежал довольно толстым слоем и стоял сильный мороз. Куре Далай-хана стоит на р[е]ч[ке] Дельгир морин, впа-

Л. 70

дающей в р[е]ч[ку] Тергуй и с последней — в р[е]ч[ку] Кундулин. Куре имеет не больше 250-300 домов с духовенством 500-700 чел[овек]. Здесь ежегодно постригаются в духовенство от 15 до 50 мальчиков. Около Кури в 200-х саж[енях от] последнего находятся два дворца Далай-хана. В новом дворце живет [он] сам, а во дворе старого дворца находится Хошунное Управление. Далай-хан имеет две супруги, одна — молодая, а другая пожилая. В настоящее время он никакой общественной должности не занимает. Население хошуна добровольно дарит Ему по одному барану в день, и он же пользуется 4 прислугами от хошуна в год. В куре имеется Отделение Монценкоопа и 6-7 китайских лавок. Русских здесь нет ни одной семьи. Жил [я] в куре Далайхана довольно долго и все время в юрте.

В средних числах марта я выехал из Кури Далай-хана в г. Уланком. В г. Уланкоме остановился дней на 5. Отсюда я направился в куре Деджелин. Путь здесь считается 6 уртонов, по пути заезжал к хошунной тамга⁴ Джонон-Бейле. Тамга находится в горах в 6-7 верстах севернее оз[ера] Киргиз-нура. Описываемое Хошунное Управление представляет две жалкие юрты. Здесь я жил три дня. Езда между Уланкомом и Деджелином была очень трудная, все время приходилось то опускаться, то подниматься, местность, где мне приходилось проезжать, гористая и изрезанная глубокими падами, вдобавок к этому стоял сильный мороз и шел снег, несмотря на эти трудности, я умудрялся производить топографические заметки, определяя страны света при помощи буссоля Шмалькальтера⁵, впоследствии по заметкам составил карту и сдал в Ученый Комитет М.Н.Р.

¹ Зоригту-хан (монг. Зоригт-хан) — один из представителей дербетской знати.

² Куре — передача монгольского термина хурээ (основное значение «монастырь»).

³ Монг. хэцүү — трудный, сложный.

⁴ Монг. тамга — «печать». Здесь использовано в значении «административное управление, присутственное место».

⁵ Буссоль Шмалькальтера (от фр. *boussole*) — измерительный прибор повышенной точности, в отличие от компаса имеющий приспособления для крепления к чему-либо. По-французски и -русски — женского рода. Английский изобретатель Чарльз Август Шмалькальдер (1781–1843) в 1812 г. предложил установить над шкалой буссоли призму с нижней выпуклой стороной. Это позволяло наблюдателю одновременно видеть и ориентир, и увеличенную шкалу. Благодаря этому значительно ускорился процесс измерения, а его точность возросла.

В к[уре] Деджелине я жил дней 15, в поставленной для меня местной властью юрте. Куре Деджелин, это новый монастырь баитов, домов здесь не больше 200 шт., в них живут до 400-500 лам. Живут здесь две семьи русских. Существуют отделения Госторга и 3-4 китайские лавки. При Куре находится Аймачное Управление.

В начале Апреля я выехал из к. Дэджэлин в г. Улясутай, путь между этими двумя пунктами считается 11-12 уртонов, до хошунного управления Ачиту-вана (халха) пришлось ехать ургой¹, т. е. ввиду отсутствия уртонов, от одного табуна лошадей до другого, от тамги Ачиту-Вана до г. Улясутая находится 9 уртонов.

В г. Улясутае прожил 2 дня и отсюда отправился в г. Улан-Батор-Хото на уртонских лошадях. Уртонов 7 от Улясутая, местность, по которой приходилось ехать, была одета еще снегом и, отсюда начиная, уже видны были признаки таяния, и вскоре я вступил уже в бесснежную полосу.

Л. 71

С приближением к г. Улан-Батор-Хото погода все время становилась теплее и теплее. В г. Улан-Батор-хото стояла погода очень теплая, снега нигде не было видно.

Прибыл в г. Улан-Батор-Хото 19-го Апреля. По прибытии сейчас же службу не мог найти и таким образом прожил без службы один месяц и с Июня месяца начал служить в Ученом Комитете М.Н.Р.

В Ученом Комитете работа моя состояла сперва в черчении карт, а потом в подготовке для кабинета языкознания [и] музея таблиц развития монгольского письма.

Вскоре по прибытии из г. Ленинграда проф. Б.Я. Владимирцова и из Бур[ят]-Монг[ольской] А.С.С.С.Р.² (так! — Д.Н.) Б. Барадина³ стал собираться с ними в Кентейскую экспедицию. Ученый Комитет на меня возложил обязанность производить маршрутную съемку названной экспедиции.

Кентейская Экспедиция выступила из г. Улан-Батор-хото 20-го Июля с[его] г[ода] и окончательно прибыла в г. Улан-Батор-хото 24-го Августа с[его] г[ода].

В настоящее время служу в Ученом Комитете и занят составлением отчетной маршрутной съемки. В 1925–26 учебный год в Институт учиться не поехал из-за трудности материального положения.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Названия уртонов Западной Монголии (халха), по которым приходилось мне ехать, и содержание моего отчета, представленного в Ученый Комитет МНР *о поездке к дербетам 3[ападной]/М[онголии]*⁴.

¹ ...ехать ургой — особый способ передвижения по Монголии. Путник, имевший право на подобный проезд, получал лошадей непосредственно из первого встреченного им табуна, которых менял в следующем встреченном табуне. Лошадей отлавливали из табуна при помощи традиционного приспособления — урги (отсюда и название), специальной палки с петлей на конце. Передвижение ургой применялось в исключительных случаях, поскольку приводило к путанице среди собственников лошадей.

² Бурято-Монгольская АССР (Бурят-Монгольская АССР, БМАССР, Бурреспублика) с центром в Верхнеудинске в составе РСФСР образована 30 мая 1923 г.

³ Барадин = Барадийн.

⁴ Выделенный курсивом фрагмент приписан от руки черными чернилами.

Студент Ленинградского Института Живых Восточных языков: *Номинханов*
«26» сентября 1925 года.
г. Улан-Батор-Хото. (Монголия)

Л. 72

ПРИЛОЖЕНИЕ К ОТЧЕТУ

СОДЕРЖАНИЕ ЗАПИСИ ИЗ БЫТА ДЮРБЕТОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ,
ПРЕДСТАВЛЕННОЕ МНОЮ В УЧЕНЫЙ КОМИТЕТ МНР, В ВИДЕ ОТЧЕТА.

1. Административное устройство у дербетов.
2. Дюрбеты.
3. Язык.
4. Семья.
5. Жилище.
6. Одежда.
7. Пища.
8. Брак.
9. Похорон (так! — *Д.Н.*).
10. Скотоводство.
11. Земледелие.
12. Названия «кости» у дюрбетов.
13. - // - сумунов¹ у дюрбетов времен Джунгарии.
14. - // - мотивов, играющих муз[укальных] инстр[ументов] у дербетов под танцы.
15. Куре Далай-хана.
16. Взаимоотношение лам и мирян у дюрбетов.
17. О затмении луны у дюрбетов.
18. Перекочевки дюрбетов.
19. Удивления и восклицания у дюрбетов.
20. Список слов лести у дюрбетов.
21. - // - табуистических слов дюрбетов.
22. Из традиции дюрбетов 29 видов различного содержания.
23. Предания дюрбетов 7 видов различного содержания.
24. Сказки дюрбетов 7 видов различного содержания.
25. Легенды, несколько.
26. Поэмы дюрбетские 3 видов различного содержания.
27. Загадки дюрбетские 410 шт. (четыреста десять).
28. Пословицы дюрбетские 280 шт. (двести восемьдесят).
29. Песни дюрбетские 100 шт. (сто).
30. Песни халхасские 5 шт. (пять).
31. Список зверей и птиц, встречающихся на территории десяти баитов.
32. Имена мужчин дербетов.

¹ Сумун (монг. сум) — административно-территориальная единица в Монголии, в русском языке чаще употребляется форма «сомон».

33. - // - женщин - // -.
 34. Хотоны¹.
 35. Сойоты².
 36. Земледелие в горах Алтая.
 37. Выделка овчин у дербетов.
 38. О местонахождении камней с надписями.
 39. Названия съедобных диких растений, употребляемых монголами как пища.
 40. - // - диких животных, мясо которых едят монголы.
- Студ. Л.И.Ж.В.Яз. Номинханов.
28/IX – 25 г.³

Л. 73

ПРИЛОЖЕНИЕ К ОТЧЕТУ

НАЗВАНИЯ УРТОНОВ ПО МАРШРУТУ УЛАН-БАТОР-ХОТО – Г. УЛАСУТАЙ.

1. Шар-ху.
2. Убэр-Дулан.
3. Аргал.
4. Цегя(н).
5. Бор-хундэ.
6. Хар-Нюди.
7. Чин-Толга.
8. Хадасн.
9. Бомбот.
10. Тяхилт.
11. Угя (нур).
12. Тямрин-Улан-Хошу.
13. Дяр-Бор.
14. Баин-Ула.
15. Дзан-Хошу.
16. Улалза.
17. Дзун-мод.
18. Галут.
19. Улан-Чилу.
20. Байдарак.
21. Дзак.
22. Ховол-Цэгян.
23. Улан-Бомб.
24. Убэр-Джаргалант.

¹ Хотоны — этническая группа, проживающая в аймаке Увс Монголии, к югу от озера Убсунур.

² Сойоты — этническая группа, проживающая в Окинском районе Республики Бурятия РФ, аймаках Ховд, Увс и Баян-Өлгий Монголии, а также в КНР.

³ Подпись и дата поставлены от руки черными чернилами.

25. Ар-Джаргалант.
26. Худжирт.
27. Даган-Дел.
28. Тумертэ.
29. Шурук.
30. Шорот.
31. г. Улясутай.

НАЗВАНИЯ УРТОНОВ ПО МАРШРУТУ Г. УЛЯСУТАЙ – Г. КОБДО.

1. г. Улясутай.
2. Алдар.
3. Борхо.
4. Худук – Улан.
5. Ихэ – Дзес.
6. Бага – Дзес.
7. Дзюр.
8. Бут.
9. Аргалант.
10. Бага-нур.
11. Доргя(н) нур.
12. Харги.
13. Джаргалант.
14. Дзаха-Булук.
15. Цаган – Усу.
16. г. Кобдо.

НАЗВАНИЕ УРТОНОВ ПО МАРШРУТУ Г. КОБДО – УЛАНКОМ.

1. г. Кобдо
2. Онгоца.
3. Улан-Харги.
4. Намир.
5. Бургаст.
6. Бом.
7. г. Уланком.

Л. 74

НАЗВАНИЯ УРТОНОВ ПО МАРШРУТУ Г. УЛАНКОМ – К[УРЕ] ДАЛАЙ-ХАНА.

1. г. Уланком.
2. Улан-Бура.
3. Шар-Хамар.
4. к[уре] Далай-хана.

НАЗВАНИЯ УРТОНОВ ПО МАРШРУТУ Г. УЛАНКОМ – К[УРЕ] ДЕДЖЕЛИН.

1. г. Уланком.
2. Хяст.
3. Хар-Нюди.
4. Хан-Булук.
5. Наран-Толга.
6. к[уре] Деджелин.

НАЗВАНИЯ УРТОНОВ ПО МАРШРУТУ К. ДЕДЖЕЛИН – Г. УЛАСУТАЙ.

1. к[уре] Деджелин.
2. тамга Ачиту-Вана.
3. Сюдж.
4. Хухэ-Толга.
5. Цаган-Чилут.
6. Монгол.
7. Алтан.
8. Яр.
9. Дулан.
10. Ханаин-Худук.
11. Баин-Булук.
12. г. Уласутай.

Примечание: Между уре Деджелин и тамгой Ачиту-вана уртоны не существуют, здесь приходится ехать ургой не больше 2-3 уртонов. Расстояние уртонов в среднем считается 25-30 верст.

Студ. Л.И.Ж.В.Яз. Номинханов.

28/IX – 25 г.¹

Л. 75

ПРИЛОЖЕНИЕ К ОТЧЕТУ²НАЗВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, СОБРАННЫХ МНОЮ СРЕДИ ДЕРБЕТОВ ЗАП[АДНОЙ]
МОНГ[ОЛИИ] И ОТДАНЫХ В УЧЕН[ЫЙ] КОМИТЕТ М.Н.Р.

1. Moriin saṅ orosibui.
2. Altan saṅ orosibui.
3. Arban yurban Altai boydoyin saṅ orosibui.
4. Buusiyin saṅ orosibui.
5. Gurban nasutu küükini tüüji orosibui.
6. Xutuxtu čaṅan öbügüni sudur orosibui.
7. Mani čorṅan üjügiyin talibur sudur orosibui.
8. Sabag šimiyin aṅoi yosun orosibui.

¹ Подпись и дата поставлены от руки черными чернилами.

² Данное приложение полностью написано от руки черными чернилами.

9. Čaγan dara eke tüüji orosibui.
10. Töb oron-i tusa бүтегегчи qayan kübegün-i тауји орошибай.
11. Burqan tenggeriyin jarliγ bičig orosibui.
12. Xutuγtu dara eke orosibui.
13. Xutuγtu Mayidariyin iröyiyin xan orosibui.
14. Eldeb ekeyin sudur orosibui.
15. Činggis boydoyin nomloyson oyuun tülküür šaštir tüüji orosibui.
16. Čandan čookiyin tüüji ergiküi kemje ači tusa-luγa xamtu tobjilon

Л. 75 об.

suraysan erdeni erike neretü orosibui.

17. Xutuγtu töröyин šaštir orosibui.

18. Burqan tenggeriyin jarliγ orosibui.

19. Ene xoyor yüriyin dalain belge büi.

20. Bems bei skü čoyс orosibui.

21. Čoros-yin iγayur garuγsan namtar.

22. Dörbön onirdiyin tüüki tüüji kemen orosibui. Xoyor debter.

23. Xutuγtu eke toniluγsani čoytu delgerüülüyči kemekü eke külgünü sudur orosibui.

24. Bodi sedgel tegüsүgsen küke qayulai-tu saran kökeke neretü šibayun-u tuγujai orčilang бүken-i jirүken үgei kemen medegčid čiken-ү čimai kemekü orošibai.

Все рукописи сданы в Ученый Комитет МНР.

Студ. Л.И.Ж.[В.]Яз.

Номинханов

г. Улан-Батор Хото (Монголия)

28 сентября 1925 г.

Архивы

АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 3. Д. 39а. Номинханов Ц.-Д. Фольклорные материалы. Записи текстов (рукопись). Материалы по языку дербетов с[еверо]/з[ападной] Монголии.

АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 3. Д. 39б. Номинханов Ц.-Д. Фольклорные материалы. Записи текстов (рукопись). Материалы по языку калмыков.

АВ ИВР РАН. Р. 1. Оп. 3. Д. 39в. Номинханов Ц.-Д. Фольклорные материалы. Записи текстов (рукопись). Материалы по языку халха-монголов.

ТХ Архив — Архив Института истории и этнологии АН Монголии. Ф. 7. Оп. 3. Д. 18. 176 л. Казакевич В.А. Центральная Гоби и Золотой Караул. Работы Гобийской партии Ученого Комитета летом и осенью 1924 г.

ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 6. Д. 15. Переписка, удостоверения и отчеты о заграничных командировках. 3.01 – 21.12.1925 г.

Литература

Батдорж 2019: *Батдорж Ч.* Судар бичгийн хүрээлэнд ажилласан оросын гурван оюутан (1923–1926) (О работе трех русских студентов в Ученом комитете Монголии (1923–1926)) // *Mongolica*. Т. XXII. 2019. № 2. СПб., 2019. С. 41–45.

Бруннерт, Гагельстром 1910: *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая / Под ред. и при участии первого драгомана Российской императорской миссии в Пекине Н.Ф. Колесова. Пекин, 1910. 532 с.

Ганцогт, Сүхбаатар 2016а: Ц-д. Номинхановын 1924–1925 онд Баруун Монголд хийсэн судалгаа – I. Эрхлэн хэвлүүлсэн: На. Сүхбаатар. Гар бичмэлээс цахим бичвэрт бичиж, хөрвүүлэг, орчуулга хийсэн: На. Сүхбаатар, Т. Ганцогт. Улаанбаатар, 2016. 168 х.

Ганцогт, Сүхбаатар 2016б: Ц-д. Номинхановын 1924–1925 онд Баруун Монголд хийсэн судалгаа – II. Эрхлэн хэвлүүлсэн: На. Сүхбаатар. Гар бичмэлээс цахим бичвэрт бичиж, хөрвүүлэг, орчуулга хийсэн: На. Сүхбаатар, Т. Ганцогт. Улаанбаатар, 2016. 210 х.

Иориш, Кононов 1977: *Иориш И.И., Кононов А.Н.* Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения / Отв. ред. Ю.А. Петросян. М., 1977. 136 с.

Носов 2014: *Носов Д.А.* Фольклорные тексты в экспедиционных материалах В.А. Казакевича // Страны и народы Востока. Вып. XXXV: коллекции, тексты и их «биографии» / Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. М., 2014. С. 212–225.

Носов 2019а: *Носов Д. А.* Значение учебных командировок студентов ЛИЖВЯ для исследования фольклора монголов в 1920-е годы // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. С.Г. Кляшторного / Отв. ред. и сост. Т.Д. Скрынникова. М., 2019. С. 128–137.

Носов 2019б: *Носов Д.А.* Фольклорные и этнографические материалы Ц.-Д. Номинханова (1898–1967) в архивах Санкт-Петербурга // Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве: Материалы III Междунар. науч. форума, 11–14 ноября 2019 г. Элиста, 2019. С. 273–277.

Орлова 2016: *Орлова К.В.* Калмыки в Монголии (1920-е гг.) // Россия – Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы. Международная научная конференция. 13–14 октября 2016. Москва. Программа. Тезисы докладов. М., 2016. С. 50–51.

Очирова 2008: *Очирова Н.Г.* Цэрэн-Дорджи Номинханов (1898–1967) — первый доктор филологических наук Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 83–86.

Убушиева 2019: *Убушиева Д.В.* Предания донских калмыков в фонде И.И. Попова // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 122–135.

Юсупова 2006: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006. 278 с.

Юсупова 2018: *Юсупова Т.И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб., 2018. 312 с.

МОНГОЛЬСКИЕ АСПИРАНТЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР (1930-е гг.)*

Всего, начиная с поздней осени 1931 г., в разное время для обучения в аспирантуре Академии наук из Монголии направили 12 молодых людей (среди них была одна девушка). Обучение тех, кто по той или иной причине не уехал раньше, окончилось 2 февраля 1938 г., когда по приказу Управления подготовки научных кадров АН СССР они были отчислены.

Приезду в 1931 г. первых монголов предшествовали два важных события: утверждение «Положения об Ученом комитете Монголии» в 1930 г. и посещение СССР его председателем А. Амаром¹ в 1931 г.

Сотрудничество между Ученым комитетом Монголии и Академией наук СССР началось значительно раньше, с момента его создания в 1921 г.² Первый пятилетний договор между ними был заключен 5 октября 1929 г. и тогда же был разработан план научных исследований в Монголии на этот же срок [Юсупова 2006, с. 105–116]. Его содержание, в основном, касалось организации экспедиций на территории Монголии, о подготовке кадров для Монголии Академией наук в нем ничего не говорилось. В то же время, в 1930 г. произошла реорганизация Ученого комитета Монголии³, был утвержден его новый председатель (А. Амар) и составлено «Положение об Ученом комитете Монгольской Народной Республики» (утверждено правительством 28.11.1930 г.). В этом документе, в частности, сказано, что «Ученый Комитет имеет своей задачей заниматься всеми видами научно-исследовательской деятельности, обслуживая социалистическое строительство страны» (Гл. II, ст. 10). Для решения этой задачи на Комитет возлагались различные обязанности, в частности (Гл. II, ст. 11, п. 8):

Подготовка научных кадров МНР посредством института аспирантуры, создаваемого при учреждениях Ученого комитета, наряду с командированием для этой же цели в заграничные научные институты молодежи, подготовляющей себя к научной деятельности и могущей быть использованной в этой области работ [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1931). Д. 14. Л. 54–57].

* © Н.С. Яхонтова, 2021.

¹ Агданбуугийн Амар (1886–1941) — монгольский государственный деятель, премьер-министр Монголии (1928–1930, 1936–1939), председатель Комитета наук МНР (1930–1932), Председатель Малого Хурала (1932–1936). Арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии в марте 1939, расстрелян в июле 1941 г. Реабилитирован в 1962 г.

² Подробнее про создание и деятельность Ученого комитета / Комитета наук Монголии (Научно-исследовательский комитет Монголии) см.: [Юсупова 2006].

³ Ученый комитет Монголии (Учком) (монг. *Судар бичгийн хүрээлэн*) — первое научное учреждение Монголии. С 1930 г. — Комитет наук Монголии, или Научно-исследовательский комитет (НИК) Монголии (монг. *Шинжлэх ухааны хүрээлэн*). В 1961 г. был преобразован в Академию наук Монголии. В документах 1930-х гг. не очень последовательно встречаются все три названия. Следуя выбранному Т.И. Юсуповой принципу, мы будем называть его Учкомом до 1930 г. и Комитетом наук Монголии после 1930 г. [Юсупова 2006, с. 43, сн. 143].

Еще в одном документе («Цели Ученого комитета МНР и его организация»), в статье 31 «Аспирантура» сказано о том же более подробно:

Ученый комитет заботится о подготовке кадров научных и технических сотрудников низшей и средней квалификации из молодых лиц, имеющих соответствующее образование и призвание к научным знаниям, путем практических работ в Учкоме и посылки за границу. Для подготовки ученых высшей квалификации Учком командировует за границу молодых людей, окончивших среднюю монгольскую школу, где они должны по окончании высшей школы, получить научную подготовку в соответствующих научных учреждениях, как например специальные академии, институты и др. [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1931). Д. 14. Л. 58–69].

Для осуществления задачи по подготовке научных кадров МНР необходимо было договориться об этом с АН СССР. Т.И. Юсупова пишет, что «весной 1931 г. состоялась поездка в СССР руководителя Комитета наук А. Амара для обсуждения вопросов научного сотрудничества с Академией наук и другими советскими научными организациями. В числе вопросов, которые собирался обсудить А. Амар, были также оказание помощи в подготовке научных национальных кадров в аспирантуре. Что касается аспирантуры, то в ходе визита А. Амара была достигнута договоренность о приеме в аспирантуру Академии наук десяти монгольских исследователей [Юсупова 2018, с. 130]. Уже 23 марта 1931 г. в телеграмме из Комитета наук Монголии на имя неперменного секретаря АН СССР В.П. Волгина¹ написано: «ссылаясь переговоры Амара просим срочно сообщить, <...> когда мы можем направить 10 аспирантов». Чуть позже была направлена вторая телеграмма с просьбой ускорить выяснение времени их приезда [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1931). Д. 14. Л. 40, 39]. В конце 1931 г. первая группа аспирантов выехала на учебу, о чем сообщалось в телеграмме на имя В.П. Волгина и В.Л. Комарова², полученной в Комитете по подготовке кадров³ 17 декабря 1931 г.: «Выехали Москву Ленинград четверо монгольских аспирантов из десяти. Остальные вскоре выедут. Научно-исследовательский комитет. Амор» [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1931). Д. 14. Л. 11].

¹ Вячеслав Петрович Волгин (1897–1962) — историк, академик (1930), неперменный секретарь (1930–1935), вице-президент (1942–1953) АН СССР.

² Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945) — ботаник, флорист-систематик, академик (1920), вице-президент (1930–1936), президент (1936–1945) АН СССР, председатель Монгольской комиссии (1930–1945).

³ Комитет по подготовке кадров (1930–1936), Сектор спецаспирантуры при Отеле кадров (1936–1937), Управление подготовки научных кадров (1937–1944) — структура в АН СССР, которая занималась подготовкой аспирантов [Уварова А.В. Предисловие к описи. СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 1. Л. 3].

В реальности зимой 1931/32 г. в Ленинград приехали только шесть аспирантов-монголов¹, из них трое: Дамдины Санжаа, Тундэвийн Аюурзана и Гэмпэлийн Цэвээн были зачислены в аспирантуру с 1 декабря, еще двое: Шолонов Цэвэг и Юмчинов Дондог — с 1 января 1932 г., и один: Балдангийн Содном — с 1 февраля 1932 г.

В конце сентября 1932 г. из Монголии приехали еще двое: Жалцавын Дугэрсурун и Самданов Лувсандамдин и были зачислены в аспирантуру с 1 сентября 1932 г. [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 104. Л. 79]. Таким образом, в начале осеннего семестра 1932/33 учебного года в Академии наук обучались восемь аспирантов.

Их специальности были оговорены при направлении на учебу и имели явную практическую направленность. Это вызвало некоторые трудности при определении институтов в системе Академии наук для получения назначенных специальностей. Второй проблемой было плохое владение русским языком и слабая подготовка по базовым предметам средней школы (математика, физика, химия) приехавших. Все эти вопросы предполагалось решать Комитету по подготовке кадров (КПК), а точнее, заместителю председателя КПК С.Н. Седых². Он был тем человеком, который занимался текущей работой и решал возникающие проблемы; большинство писем и документов, касающихся начала обучения аспирантов, подписано им. Еще одним немаловажным сотрудником была секретарь Комитета Э.Б. Габер. Насколько

¹ Имена монгольских аспирантов в тексте статьи даются в современном монгольском написании (вместо буквы «ү» пишется «у»), в цитатах — в оригинальном написании. Выбор монгольского варианта сделан для унификации: в русских документах они пишутся в самых разных вариантах, что вызвано, во-первых, непривычностью их звучания, во-вторых, несоответствием русской традиции, в которой основным элементом является фамилия, и монгольской, в которой основным является имя. В результате монгольский аспирант Балдангийн Содном, встречается и как Балдан, и как Содном (Садном), не говоря уже о более сложных составных именах других монголов (Дүгэрсүрэн иногда пишется как Дагер/Дигер Сурум, или Дугарсурун). В машинописной копии выписки из протокола заседания Административно-хозяйственной комиссии при Президиуме АН от 17 января 1932 г. об утверждении списка аспирантов, три первых монгольских аспиранта названы так: АНКРДАЛ, ЦЕВАН, САНЖАН [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 649. Л. 8]. Первое имя должно читаться как Аюурзана. Несоответствие имени и фамилии в двух языках привело и к тому, что в архивах иногда можно обнаружить два дела на одного аспиранта, в зависимости от того, какой компонент посчитали фамилией в конкретном случае.

² Семен Николаевич Седых (1893–1936) занимал должность заместителя заведующего КПК с 18.01.1932 по 1.06.1934 г., когда его сменил Э.Л. Груздев-Радин (Приказ № 19 по Аппарату КПК от 20 мая 1934 г. [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 4. Д. 17. Л. 45]). С 1.06.1934 г. занимал должность руководителя прикомандированных аспирантов из Монголии [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 4. Д. 21. Л. 172]. Одновременно являлся сотрудником Института антропологии и этнографии АН СССР. Арестован 23.03.1936, осужден и расстрелян 11.10.1936 г. Реабилитирован 29.10.1957 г. [СПбФ АРАН. Персона. URL: <http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/11814> (дата обращения: 10.07.2021)].

можно судить по документам, они оба относились к своим подопечным с большой симпатией и участием¹.

О том, как началась учеба в аспирантуре, свидетельствует документ «О ходе подготовки прикомандированных в Академию наук из Монгольской Народной Республики», подписанный заместителем председателя КПК С.Н. Седых. Он был составлен в декабре 1932 г. и охватывал весь этот год (календарный, не учебный) [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 1 (1932). Д. 104. Л. 79–80].

В отчете речь идет о том, как был организован учебный процесс и жилищно-бытовые условия монгольских аспирантов, о возникших при этом трудностях и их преодолении. Основная проблема заключалась в том, что «уровень их общеобразовательной подготовки совершенно недостаточен для работы в составе аспирантуры АН» и большинство из них совершенно не знало русского языка. Еще одна проблема — обеспечение обучения по той специальности, которую обозначил Ученый комитет Монголии, причем для некоторых аспирантов Ученый комитет осенью 1932 г. изменил специализацию. Но решению второй проблемы помогло наличие первой, потому что прежде чем начинать обучение по специальности, нужно было подтянуть аспирантов по общеобразовательным предметам и русскому языку. Для этого на работу с почасовой оплатой были взяты несколько преподавателей. У следующих фамилий в документах бухгалтерии (лицевых счетах) стоят пометки «преподаватель с монголами». Всего таких преподавателей было девять: Г.Г. Вайн-туб, К.М. Горбунова, Г. П. Илькевич, А.Е. Крисс, Г.Ф. Позницкий, А.А. Постников, Л.С. Пучковский, В.В. Строганова, Я.Я. Страуберг [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 4. Д. 12. Л. 48, 68, 108, 139, 195, 201, 203, 281, 242]. Предметы, по которым они вели курсы, не указаны, только про двоих из них — В.В. Строганову, выпускницу Бестужевских курсов, и Л.С. Пучковского, секретаря Монгольского кабинета ИВ АН, благодаря сохранившимся в другом деле заявлениям с просьбой принять их на работу, известно, что они преподавали русский язык [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 1 (1932). Д. 113. Л. 114, 120]. Также известно, что Г.Ф. Позницкий был принят на должность заведующего подготовкой аспирантов монголов с 19.11.1932 г. с окладом 300 руб. в месяц [Там же, л. 132]. Работали все эти преподаватели только в период с 1 февраля 1932 по июнь 1933 г. разное количество времени. Подготовка аспирантов была организована очень оперативно, но это потребовало дополнительных финансовых затрат (о чем речь пойдет ниже).

О специализации и предполагаемой подготовке аспирантов по ней известно из того же отчета С.Н. Седых (сохранено оригинальное написание имен аспирантов):

¹ В качестве примера, можно привести письмо, которое сохранилось в личном деле одного из аспирантов — Г. Цэвээн, написанное им С.Н. Седых уже из Москвы в июне 1934 г. В этом личном письме Г. Цэвээн просит совета относительно своей специализации, которую он хочет изменить [АРАН. Ф. 524. Оп. 3 (1930–1938). Д. 205. Л. 48]; а также заявление Ц. Дамдинсүрэн и Мэргэн гун Гомбожава с просьбой о выделении им денег на дорогу домой и выплаты стипендии за лето авансом, которое С.Н. Седых подписал, но Э.Л. Груздев-Радин наложил резолюцию «Отказать» [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 915. Л. 28].

Специализация командированных была Ученым Комитетом Монгольской Народной Республики определена: Дондок Юнцунов — геология, Цебен Шалонов — геология, Садном Балдан — зоотехния, Цебен Гемпелин — химия, Аюрзан Тундубин — биология, Санжа Дамдино — почвоведение, Дигер Сурум — геодезия, Самданов Лубсан Дамдино — геодезия.

Осенью, однако, Ученым Комитетом Монголии была изменена специализация для 4-х командированных: для Дондок Юнцунова — аэро-фото-съемка, Садном Балдана — литература, Цебин Гемпелин — крупный рогатый скот, Аюрзан Тундубин — овцеводство.

Далее в отчете говорится, что четыре специальности (крупный рогатый скот, овцеводство, аэрофотосъемка и геодезия) не могли быть получены в учреждениях АН, поэтому КПК вступил в переговоры с другими научными и учебными учреждениями Ленинграда и Москвы. На момент написания отчета Ж. Дугэрсунун (в оригинале — Дагер Сурум) для подготовки был прикомандирован к Московскому межевому институту¹, Г. Цэвээн — к Учебно-производственному комбинату социалистического молочного животноводства (в Детском Селе, под Ленинградом), Т. Аюурзана был направлен во Всесоюзный институт животноводства (ВИЖ)² (в Москве), обучение Ю. Дондога планировалось в Учебном комбинате гражданского воздушного флота (в Ленинграде), С. Лувсандамдина³ (как и Ж. Дугэрсунуна) — в Московском межевом институте.

Трое могли продолжить обучение в институтах АН в Ленинграде (Геологическом, Почвенном и Институте востоковедения) по уже достигнутой с этими институтами договоренности: Ш. Цэвэг — по геологии, Д. Санжаа — по почвоведению, Б. Содном — по литературе Монголии. Пятеро последних (вероятно, Ю. Дондог, С. Лувсандамдин, Д. Санжаа, Б. Содном и Ш. Цэвэг) проходили обучение по общеобразовательным предметам и русскому языку в АН, поскольку эти занятия приходилось вести частью на монгольском, частью на немецком языке⁴. В отчете сообщалось:

¹ Однако, как пишет Ж. Дугэрсунун в своей автобиографии и как сказано в заключении о работе аспирантов, датированном концом 1935 г., обучался он в Московском геологоразведочном институте [АРАН. Ф. 524. Оп. 3 (1930–1938). Д. 65. Л. 3, 6].

² С 1939 г. — Всесоюзный научно-исследовательский институт животноводства.

³ В документе стоит имя Тагер Сурум (т. е. Ж. Дугэрсунун). Но скорее всего, речь идет о С. Лувсандамдине, иначе трудно объяснить повтор имени Ж. Дугэрсунуна в отчете (в двух разных вариантах написания). Оба аспиранта должны были проходить обучение по специальности геодезия. Разница была только в том, что Ж. Дугэрсунун уже был направлен в Москву, а С. Лувсандамдина только планировали туда отправить после освоения им русского языка и общеобразовательных предметов. Однако в Москву он так не попал: заболев, он уехал в Монголию и в дальнейшем обучение не продолжил.

⁴ Некоторые аспиранты до приезда в СССР учились в 1926–1930 гг. в средних специальных учебных заведениях Германии и знали немецкий язык. В анкетах на это указали: С. Лувсандамдин, Д. Санжаа, Б. Содном, Д. Сурмаажав, Ш. Цэвэг и Г. Цэвээн. Еще двое (Т. Аюурзана и Ж. Дугэрсунун) в тот же период учились во Франции в Парижском лицее (Licie Michelet). О занятиях со своей подопечной Д. Сурмаажав на немецком упоминает в своем отзыве ее руководитель Е.И. Штейнберг [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 783. Л. 10]. Позднее обучение за границей припомнили многим бывшим монгольским аспирантам [Болд 2015].

В жилищно-бытовом отношении товарищи, командированные из Монголии, в настоящее время элементарно удовлетворены. Четверо одиноких помещены в одной комнате, один семейный (Б. Содном с женой. — *Н.Я.*) имеет отдельную комнату, остальные живут вне академии (один в Детском Селе (Г. Цэвээн. — *Н.Я.*), два других в Москве (Т. Аюурзана и Ж. Дугэрсурун. — *Н.Я.*)). Получают стипендию в размере 250 рублей, 1-ю категорию по продовольственному снабжению¹, как прочие аспиранты, имеют пропуск в столовую научных работников Академии.

Однако в отчете сказано, что необходимо эти элементарные условия улучшать, для чего намечены пункты для выполнения. Главными из них были два: 1) увеличение средств, отпускаемых на подготовку аспирантов-монголов: со стандартных для аспирантов 800 руб. до 32 383 руб. Это существенное увеличение финансирования связано с дополнительными расходами на преподавание предметов, не предусмотренных программой подготовки аспирантов, и оплатой договоров на их обучение вне АН; 2) добиться постановки их на иностранное снабжение (ИНСНАБ)², что на тот момент сделать не удалось [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 1 (1932). Д. 104. Л. 79–80].

Зимой 1932/33 г. два аспиранта (Ж. Дугэрсурун и С. Лувсандамдин) заболели и были вынуждены уехать в Монголию. С. Лувсандамдин был отправлен из Ленинграда в длительный отпуск домой в Монголию (до 15.10.1933 г.) [Там же. Оп. 2. Д. 438. Л. 1–3], из отпуска он не вернулся и был отчислен из аспирантуры с 1.02.1933 г. [Там же. Оп. 4. Д. 12. Л. 234]. Ж. Дугэрсурун после обучения в течение семи месяцев в Геологоразведочном институте уехал в Монголию, где работал в Учкоме и Партшколе, в августе 1935 г. вернулся в Москву и продолжил обучение в аспирантуре [АРАН. Ф. 524. Оп. 3 (1930–1938). Д. 65. Л. 6].

Д. Санжаа не вернулся к началу осеннего семестра 1933/34 учебного года после производственной практики и каникул и был отчислен из аспирантуры [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 649. Л. 1].

¹ В 1929–1934 гг. в СССР существовала карточная система распределения (нормированная продажа) продуктов питания и непродовольственных товаров. Имевшие карточки 1-й категории снабжались по повышенным нормам.

² *ИНСНАБ* — Всесоюзная контора по снабжению иностранцев, структура в Наркомснабе, обеспечивавшая снабжение продуктами и промтоварами (и даже дровами) иностранных специалистов и работников, трудившихся в Советском Союзе. Иностранцы получали «заборные книжки» (пропуска, дававшие право на покупки в специальных магазинах ИНСНАБа). КПК и МОНК приложили немало усилий, направляя письма в разные инстанции, чтобы монгольские аспиранты получили такие документы; письма писали и из Монгольского представительства. В ноябре 1932 г., несмотря на просьбу полпредства Монголии, из ИНСНАБа был получен отказ, поскольку «иностранная гр-не учащиеся снабжению через систему „ИНСНАБ“-а не предусмотрены» [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 1 (1932). Д. 112. Л. 57, 67, 73]. Только в январе 1933 г. после вмешательства Секретариата ЦИК Союза ССР вопрос был решен, и восемь аспирантов получили пропуска в магазины ИНСНАБа (из них двое в Москве) [Там же, л. 17–18]. Пропуск давался на один квартал, позднее — на один месяц, в случае отъезда сдавался, согласно Инструкции ИНСНАБА (несдача пропуска перед отъездом влекла за собой уголовную ответственность, как и передача его другому лицу). Оформление списков, подача их заблаговременно в ИНСНАБ, сбор подписей аспирантов о получении пропуска и прочая бумажная волокита лежала на секретаре КПК Э. Б. Габер, которая, насколько можно судить по многочисленным оформленным ею сухим бумагам, относилась к аспирантам очень доброжелательно [Там же. Д. 112].

Таким образом, осенью 1933 г. из восьми аспирантов осталось пятеро: трое в Ленинграде (Ю. Дондог, Б. Содном и Ш. Цэвэг), двое были в Москве (Т. Аюурзана и Г. Цэвэн), а трое вернулись в Монголию (Ж. Дугэрсунун, С. Лувсандамдин и Д. Санжаа).

В 1933 г. Комитет наук Монголии направил в Ленинград еще двух молодых монголов: Цэндийн Дамдинсурэна и девушку Доной Сурмаажав. Об этом в самом конце августа в Монгольскую комиссию (МОНК) АН СССР¹ была послана телеграмма следующего содержания: «На днях выезжают наши новые аспиранты Дамдинсурун по лингвистике, Сурма по ботанике. Учком». [Там же. Ф. 339. Оп. 1 (1933). Д. 9. Л. 33]. Их предполагаемый приезд вызвал неожиданную реакцию принимающей стороны. Сохранилась машинописная копия этой телеграммы со следующей резолюцией: «К[омите]том по кадрам послана т[еле]грам[ма] в Ургу². Отъезд задержите до получения подробного письма. По согласованию с И.И. Корель³ вопрос об остальных аспирантах вне Академии отложен до приезда В.Л. Комарова⁴». Дата 3.09.1933 г. Подпись, скорее всего, принадлежит заместителю председателя МОНК М.Н. Яковлеву. То есть была предпринята попытка задержать выезд будущих аспирантов из Монголии⁵. Тем не менее, Ц. Дамдинсурэн и Д. Сурмаажав в Ленинград приехали, где и узнали о том, что в поступлении в аспирантуру им отказано. Установить, поехали ли они в Ленинград вопреки телеграмме или она их уже не застала (дорога от Улан-Батора до Ленинграда в то время занимала как минимум две недели), а также восстановить точную дату их приезда по документам не удалось.

Когда Ц. Дамдинсурэн и Д. Сурмаажав узнали об отказе, они телеграммой сообщили об этом в Комитет наук Монголии. Кроме того, известно, что, несмотря на явное нежелание принимать монголов, 26 октября КПК отпустил деньги на поездку Ц. Дамдинсурэна в Москву [Там же. Ф. 222. Оп. 2. Д. 915. Л. 33]. Хотя других сведений об этой поездке нет, очевидно, что он пытался через Полпредство Монголии как-то изменить ситуацию. Комитет наук Монголии 23 октября телеграфировал МОНК. Об обмене телеграммами известно из официального письма в адрес МОНК, отправленного 5 декабря 1933 г. за подписью секретаря Комитета

¹ Подробнее о деятельности Монгольской комиссии АН СССР см.: [Юсупова 2006].

² *Урга* — характерная языковая инерция: хотя столица Монголии с конца 1924 г. была переименована в Улан-Батор, ее русское наименование Урга еще долго сохранялось кое-где даже в официальных документах.

³ *Иван Иванович Корель* (1899–1954) — в это время заведующий Учебной частью КПК, до 10 марта 1934 г., когда он был откомандирован в распоряжение Совета по изучению производительных сил при АН СССР (СОПС) (Приказ № 7 по Аппарату Комитета по подготовке кадров от 9 марта 1934, § 3 [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 4. Д. 17. Л. 21]).

⁴ Академик В.Л. Комаров в тот момент еще мог находиться в экспедиции. Известно, что в 1933 г. он был назначен начальником большой комплексной экспедиции Академии наук в Приамурье и почти все лето провел на Дальнем Востоке [Гвоздецкий 1953].

⁵ О возникших «организационных накладках» при поступлении Ц. Дамдинсурэна в аспирантуру упоминает и Т.И. Юсупова [Юсупова 2018, с. 131].

наук Монголии М.И. Тубянского¹ (оно было получено в Ленинграде 27 декабря 1933 г.). Еще до того, как письмо было отправлено, председатель МОНК В.Л. Комаров уже предпринял необходимые действия, чтобы монголы были приняты в аспирантуру (об этом ниже), но в Комитете наук Монголии в начале декабря об этом еще не знали, поэтому письмо содержит настоятельную просьбу принять монголов в аспирантуру:

Для нас был большой неожиданностью отказ Академии принять этих товарищей на учебу, и на их телеграмму об этом отказе мы немедленно отвечали телеграммой Вам от 23 октября с. г. с просьбой сделать все возможное для принятия их на учебу. С уезжавшим в Ленинград аспирантом Содномом² мы отправили непременно секретарю Академии т. Волгину письмо на монгольском языке с русским переводом, в котором, излагая важность создания кадров монгольских специалистов, опять же настоятельно просили не отказать в зачислении на курсы аспирантуры Дамдинсуруна и Сурмайжаб. В полученном нами сегодня письме от Дамдинсуруна сообщается о том, что в приеме им все же отказано и что положение их, в силу такого оборота дела, в высшей степени плачевное [Там же. Ф. 339. Оп. 1 (1933). Д. 9. Л. 9].

Далее в письме выражается недоумение по поводу отказа: ведь в 1931 г. А. Амаром, который был тогда председателем Комитета наук, была достигнута договоренность о том, что ежегодно Академия наук будет принимать на учебу десять аспирантов-монголов. Но поскольку по разным причинам (например, отъезд в Монголию из-за болезни) число аспирантов осенью 1933 г. вместе с вновь посланными было меньше этой цифры, отказ был явно несостоятелен. В то же время посланные молодые люди являлись достойными кандидатами:

Дамдинсурун, несмотря на свою молодость, является уже известным в Монголии писателем, а Сурмайжаб проявила большое трудолюбие, способности и интерес к своему делу, и из нее можно было бы выработать ценного научно-технического работника <...>. И, наконец, еще один момент — крушение их надежд на учебу, произведет тягостное впечатление не только на них самих, но и в Ученом комитете, и в передовых монгольских кругах вообще, так как проблема создания национальных кадров научных и научно-технических работников стоит очень остро в МНР и потеря для дела хотя бы одного способного человека является уже чувствительным ударом [Там же. Д. 13. Л. 9].

Письмо заканчивается просьбой пересмотреть решение и все-таки зачислить Ц. Дамдинсурэна и Д. Сурмаажав аспирантами.

Отказ в приеме Ц. Дамдинсурэна и Д. Сурмаажав становится понятным из содержания другого документа. Этот документ — подробное и во многом эмоциональное письмо, подписанное И.И. Корелем, с грифом «не подлежит

¹ Михаил Израилевич Тубянский (1893–1937) — индолог, тибетолог, монголовед. Сотрудник АМ / ИВ АН (1920–1928, 1936–1937). В 1927–1936 гг. работал в Монголии, ученый секретарь Комитета наук Монголии (1930–1936). Арестован 12.08.1937, расстрелян 24.11.1937 г. Реабилитирован 15.04.1957 г. [Люди и судьбы 2003].

² Балдангийн Содном — один из аспирантов, обучавшийся в Ленинграде.

разглашению», направленное в Ученый комитет при ЦИК СССР¹ из КПК АН СССР 22 октября 1933 г. Оно начинается с того, что ставится под сомнение существование или, по крайней мере, правомочность, договоренности о десяти аспирантах-монголах:

...находившийся тогда (по контексту это приблизительно февраль 1931 г. — Н.Я.) в Москве тогдашний председатель Учкома МНР Амор обратился лично к председателю Ученого комитета ЦИК СССР А.В. Луначарскому² и якобы получил от последнего согласие на командирование в Академию наук 10 аспирантов для их обучения уже за счет Академии наук (*никаких письменных следов данного председателем УК ЦИК СССР согласия не имеется*)³.

Автор письма резко отзывается об уровне образования тех девяти аспирантов, которые уже учатся в Ленинграде и Москве (даже само слово «аспирант» он пишет в кавычках): «Оказалось, что ни у одного из них нет познаний за курс средней школы, и уровень их подготовки колеблется между 4–6 классами средней школы». Далее указывалось, что их обучение требует значительных расходов: выплата стипендии, организация дополнительных занятий по общеобразовательным предметам и русскому языку и оплата обучения в аспирантуре на договорных началах для тех, кто обучается вне Академии наук. Последней каплей для автора, видимо, был приезд Ц. Дамдинсурэна и Д. Сурмаажав. Они тоже, хотя и без имен, упомянуты в этом письме: «Кроме того, в самое последнее время (октябрь 1933) в Академию прибыло еще 2 новых монголов (мужчина и женщина), которые ни слова не знают по-русски и, как удалось выяснить через переводчиков, не имеют самых элементарных познаний за курс низшей школы». Но основная причина была не столько в неподготовленности приехавших, сколько в финансировании: «Все это ставит Комитет по подготовке кадров, не имеющий ни формальных прав, ни фактической возможности нести расходы, совершенно не связанные с его задачами, в крайне затруднительное положение. В то же время политическое значение подготовки работников для МНР не позволяет Комитету кадров взять на себя ответственность за полный отказ этой подготовки и немедленную отсылку командированных обратно в Монголию». В конце письма сформулированы просьбы к ЦИК прояснить ситуацию с оплатой и в будущем принимать в аспирантуру только подготовленных кандидатов «при непременном условии

¹ Ученый комитет при ЦИК СССР — Комитет по заведованию учеными (т. е. научными) и учебными учреждениями при ЦИК СССР, в подчинении которого в то время находились Академия наук, Курсы национальных меньшинств Советского Востока (КНСВ), Ленинградский восточный институт (ЛВИ) и др.

² Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — нарком просвещения РСФСР (1917–1929), председатель Ученого комитета ЦИК СССР (1929–1933). В октябре 1933 г. он сам подтвердить или опровергнуть договоренность с А. Амаром, скорее всего, уже не мог. Осенью 1933 г., будучи уже тяжело больным человеком, он был назначен послом в Испанию и в декабре скончался [Глухарев 2011, с. 174].

³ Курсив наш.

личной присылки кандидата только после персонального согласия на него от Академии» [ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1069. Л. 6]¹.

То, что написано в этом письме относительно знания русского языка и общей подготовки молодых монголов, приезжавших для поступления в аспирантуру Академии наук, — объективная реальность. В цитированном выше документе «О ходе подготовки прикомандированных в Академию наук из Монгольской Народной Республики», подготовленном и подписанном заместителем председателя КПК С.Н. Седых в декабре 1932 г., говорится о том же, однако в совершенно другой тональности. Он констатирует, что, несмотря на трудности, обучение приехавших монголов (на тот момент восемь человек) удалось организовать, что они занимаются русским языком и общеобразовательными предметами, и что быт их устроен. То есть все проблемы, описанные в письме И.И. Кореля, были известны и решались.

Однако сложившаяся ситуация повлияла на текст договора между АН СССР и Комитетом наук Монголии на следующие 5 лет, утвержденного Президиумом АН СССР 15 октября 1934 г. В статье о подготовке кадров в Академии наук не только не указано точное количество аспирантов, но и предполагается контроль за этим со стороны АН (п. 19): «Академия наук СССР берет на себя подготовку к научной работе монгол, командируемых в Академию наук СССР Научно-исследовательским комитетом МНР по предварительному, в каждом отдельном случае, соглашению» [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1934). Д. 8. Л. 10]².

Не последнюю роль в успешном решении проблемы с приехавшими Ц. Дамдинсурэном и Д. Сурмаажав сыграло отношение к ним (так же как и к другим монголам) со стороны академических учреждений и конкретных сотрудников Академии³. Оно зависело от их знания и понимания положения в Монголии и готовности помогать молодым людям преодолевать трудности на пути к получению образования. Председатель МОНК, академик В.Л. Комаров, который руководил организацией экспедиций в Монголию, сам неоднократно бывал в разных районах Азии, в том числе и в Монголии, а также руководители аспирантов, ученые (причем не только монголисты) Ленинграда понимали, что необходимо всячески поддерживать стремление молодых людей к учению, и помогали им. Нельзя сбрасывать со счетов и политическую составляющую, о которой писал и И.И. Корель, — помощь дружественному государству в подготовке национальных кадров.

Проблема дополнительного финансирования тоже решалась. В феврале 1934 г. Непременный секретарь АН направил в адрес Совнаркома письмо, в котором

¹ Копия письма И.И. Кореля любезно предоставлена автору статьи Т.И. Юсуповой.

² Подробнее о договоре см.: [Юсупова 2006, с. 150, 151].

³ Например, руководитель Д. Сурмаажав — сотрудница Ботанического института Е.И. Штейнберг, как минимум два раза (16.12.1933 и 4.01.1934 г.) направляла помощнику ученого секретаря МОНК М.И. Носкову письма с просьбой («Лично Вас очень прошу, будьте добры, сделайте это!») прикрепить Сурмаажав к ИНСНАБу, прежде чем заветный пропуск был получен [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1934). Д. 13. Л. 19–20].

ходатайствует о дополнительных ассигнованиях Академии наук на экспедиционные исследования в Монголии и подготовку кадров из Монголии. С просьбой о проведении подготовки командированных молодых монголов при Академии наук СССР обратился в АН Полномочный представитель СССР в Монголии С.Е. Чуцкаев¹, который, в свою очередь, изложил пожелания Научно-исследовательского комитета Монголии, готового ассигновать на эти цели 60 000 тугриков. К этому письму прилагались соответствующие сметы. По сохранившимся документам видно, что сумма на обучение монголов взята из «Сметы расходов на 1934 г. по подготовке кадров, командированных из Монгольской Народной Республики». Она, а также объяснительная записка, в которой обосновывался размер сметы², были составлены заместителем председателя КПК С.Н. Седых 17 февраля 1934 г. [Там же. Д. 3. Л. 147, 149–152]. Затем эта сумма вошла в сводку расходов на 1934 г. по экспедициям и подготовке кадров, подписанной В.Л. Комаровым 20 февраля [Там же. Д. 2. Л. 37], а оттуда — уже в ходатайство неперменного секретаря АН. В смете, составленной С.Н. Седых, перечислены фамилии восьми монголов, обучавшихся в 1934 г. как в АН, так и в неакадемических учебных заведениях. Для каждого аспиранта расходы были посчитаны индивидуально — у кого-то больше, у кого-то меньше. Например, для Ц. Дамдинсурэна — это оплата занятий, организуемых в Педвузе (1500 руб.) и руководство проф. Н.К. Пиксанова (1000 руб.). У Д. Сурмаажав в сумме столько же, но за занятия с преподавателями по плану (300 часов) указаны 2500 руб. У Ш. Цэвэга на оплату преподавателей (576 часов) указаны 2880 руб. и еще 1200 руб. — расходы на поездку на летнюю практику. Дороже всего обходилось обучение аспирантов вне АН, например за занятия Ю. Дондога в Учебном комбинате гражданского воздушного флота предполагалось заплатить 5144 руб. В смету входила оплата групповых занятий по русскому языку и общественно-политических дисциплин, стипендия, расходы на приобретение литературы и медицинское обслуживание, оплата поездки на родину во время каникул. Общая сумма на всех монгольских аспирантов составила 75 133,90 руб. [Там же. Д. 3. Л. 149–152].

В этой смете интересны не только статьи расходов, но и тот факт, что в нее уже были включены Ц. Дамдинсурэн и Д. Сурмаажав, на момент составления и подписания сметы официально еще не являвшиеся аспирантами (по приказу их зачислили только с 1 апреля 1934 г.). В КПК не было сомнений в благополучном исходе истории с их приемом на учебу.

В феврале 1934 г. неожиданно уехал в отпуск из-за обнаружившейся болезни Б. Содном. В том же году отправился в летний отпуск в Монголию и не вернулся к началу занятий Ю. Дондог. Оба были отчислены в сентябре 1934 г., но через год продолжили обучение в Москве. В том же 1934 г. из Монголии приехал

¹ Сергей Егорович Чуцкаев (1879–1944) — государственный и партийный деятель. В 1933–1935 гг. — полпред СССР в Монголии.

² Текст объяснительной записки с минимальным редактированием вошел и в план работ МОНК на 1935 г. (п. VI. Подготовка кадров для МНР). В плане необходимая сумма округлена до 80 000 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1934). Д. 3. Л. 62–65].

Мэргэн-гун Гомбожав, он приступил к обучению в Институте востоковедения АН у проф. Н.Н. Поппе¹.

Начиная с осени 1935 г., большая часть аспирантов по разным причинам оказывается в Москве. Еще в 1933 г. в Москву перевели Г. Цэвээнэ, чтобы он продолжил обучение во Всесоюзном институте животноводства, где уже учился Т. Аюурзана. Климат Ленинграда не подходил для монголов, и Б. Содном, который хотел продолжить обучение в 1935 г., был вынужден по совету врачей поехать в Москву. В Москве продолжили свое обучение Ю. Дондог и Ж. Дугерсурун, отчисленные, но вернувшиеся для продолжения обучения. В конце апреля 1934 г. Совнаркомом было принято решение о переводе Академии наук и некоторых институтов АН в Москву. Осенью 1935 г. Геологический институт переводят в Москву, и с ноября 1935 г. Ш. Цэвэга тоже переводят в Москву.

В Ленинграде в этот момент было всего трое монгольских аспирантов, из которых двое (Ц. Дамдинсүрэн и Мэргэн-гун Гомбожав) учились в ИВ АН, и одна (Д. Сурмаажав) — в Ботаническом институте АН. Она, правда, по семейным обстоятельствам была вынуждена в начале 1936 г. вернуться в Монголию, и ее отчислили. Еще один, последний, аспирант-монгол — Далайн Цэенрэгзэн приехал в начале 1936/37 учебного года в Ленинград в ИВ АН.

В 1936 г. происходят изменения в руководстве аспирантурой. Комитет по подготовке кадров был переименован в Сектор специальной аспирантуры (спецаспирантуры) при Отделе кадров АН СССР, то есть руководство аспирантами (всеми, а не только монголами) стало осуществляться из Москвы, а в Ленинграде осталось Ленинградское отделение сектора. Эти изменения коснулись не столько аспирантов, сколько их руководителей и руководства институтами. Из переписки ученого секретаря ИВ Х.И. Муратова² с заведующей сектором спецаспирантуры М.М. Керженцевой летом–осенью 1936 г. видно, как относительно свободное отношение к занятиям с аспирантами, существовавшее в период нахождения КПК в Ленинграде, сразу сменилось на жесткие требования к преподаванию и руководству ими. Одна из претензий нового руководства может быть сформулирована очень просто: «нам

¹ Николай Николаевич Поппе (Poppe, Nicholas; 1897–1991) — выдающийся российский и американский монголовед, алтаист, лингвист, фольклорист. Доктор лингвистических наук (1934), член-корреспондент АН СССР (1932). В АМ / ИВ АН работал с 1922 г., с 1931 г. (после смерти Б.Я. Владимирцова) — заведующий Монгольским кабинетом. По совместительству преподавал в ЦИЖВЯ / ЛВИ (1922–1938), ЛГУ (с 1925 г.), ИЛЯЗВ (1921–1930), ЛИФЛИ (1930–1936). В начале войны эвакуировался в Элисту (Калмыкия), территория которой летом 1942 г. была оккупирована немцами. Работал переводчиком, в начале 1943 г. был вынужден уйти вместе с отступающими немецкими войсками. С 1949 г. преподавал в университете штата Вашингтон в Сиэтле (США) и продолжил научную работу. В СССР его имя было под запретом до середины 1970-х гг., когда ссылки на его научные работы «уже вполне допускались» [Алпатов 1996, с. 3].

² Хасан Исхакович Муратов (1905–1941) — тюрколог, историк. В 1936–1938 гг. ученый секретарь ИВ АН СССР. В июле 1941 г. вступил в ряды Красной Армии с присвоением воинского звания «батальонный комиссар», служил в должности инструктора пропаганды полка на Западном фронте. В сентябре 1941 г. (по другим сведениям, в августе 1942 г.) пропал без вести.

не понятно, на что вы тратите государственные деньги». Вот выдержка из одного такого письма:

Просматривая списки наших аспирантов, я обратила внимание на то, что акад. Алексеев¹ является одновременно руководителем аспиранта Бунакова², получая за это соответствующее вознаграждение, и в то же время акад. Алексеев занимается с этим же Бунаковым по изучению языка и получает за это отдельное вознаграждение. Такая же история с акад. Крачковским³ <...> Такое положение нас не устраивает [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 462. Л. 10].

Еще в одном письме, где речь идет о том, что перед тем как составлять смету на оплату занятий, необходимо проверять знания «сомнительных для Вас товарищей», занимающихся восточными языками, написано: «Особенно прошу Вас обратить внимание на тех аспирантов, которые занимаются двумя языками у нескольких руководителей. В принципе мы против того, чтобы одновременно изучалось несколько языков. У этих-то аспирантов именно и важно проверить успеваемость» [Там же. Л. 13]. И так далее и тому подобное... Есть в деле и аргументированный ответ Х.И. Муратова на 6 машинописных страницах с подробным описанием того, как должна, с его точки зрения, осуществляться подготовка аспирантов [Там же. Л. 70–72]. Но для руководителей аспирантов новые распоряжения вылились в необходимость составления подробных планов работы аспирантов на ближайший год и на более отдаленное время.

Несмотря на эти бюрократические трудности, 1936/37 учебный год для аспирантов, которые продолжали свое обучение, оказался последним спокойным рабочим периодом. Многие из них уже видели успешное завершение своей работы.

Оптимистические планы строили не только аспиранты. В письме, адресованном Комитетом наук Монголии в сектор спецаспирантуры М.М. Керженцевой, среди прочего говорится:

Одновременно пользуюсь случаем сообщить Вам, что по нашей инициативе (т. е. Учкома) правительство решило открыть при Ученом комитете специальные курсы по подготовке для поступления в Ин-ты аспирантуры. Курсы рассчитаны на 30-40 человек, курс обучения 2 ½ – 3 года. Таким образом мы начинаем выполнять те обязательства, о которых мы с Вами толковали еще в бытность мою в Москве.

Подписано советником Ученого комитета МНР с неразборчивой подписью 23 августа 1936 г. [АРАН. Ф. 524. Оп. 3 (1930–1938). Д. 65. Л. 53]. Если бы это удалось осуществить, то подготовка будущих аспирантов в АН СССР проходила бы более успешно.

¹ Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) — филолог-китаист, академик АН СССР (1929), заведующий Китайским кабинетом ИВ АН СССР.

² Юрий Владимирович Бунаков (1908–1942) — китаист, выпускник Ленинградского восточного института (1931), аспирант, научный сотрудник ИВ АН СССР. Умер в блокаду Ленинграда 2 января 1942 г.

³ Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) — арабист, академик РАН / АН СССР (1921), с 1916 г. заведующий Арабским кабинетом АМ / ИВ АН.

Летом 1937 г. были арестованы многие востоковеды, в том числе и Мэргэн-гун Гомбожав. Для остальных аспирантов пребывание в аспирантуре закончилась в феврале 1938 г., когда был издан приказ № 8 по Управлению подготовки научных кадров АН СССР, по Учебному сектору, от 2 февраля 1938 г., где говорилось, что

в связи со слабой успеваемостью и несоответствием их подготовки уровню аспирантуры Академии наук отчислить с 1-го февраля 1938 г. из состава аспирантуры АН СССР следующих лиц, прикомандированных Монгольской народной республикой: <...>

Выдать им стипендию в размере месячного оклада вперед за февраль месяц 1938 г. <...> Вышеозначенных товарищей с 1-го февраля 1938 г. передать в распоряжение Полпредства МНР [Там же. Д. 248. Л. 99].

Последний документ у всех монгольских аспирантов — типовая справка, датированная началом февраля 1938 г., в которой говорится, что командированный МНР тов. *такой-то* числился в *такой-то период* прикомандированным аспирантом подготовительного отделения аспирантуры АН СССР и обучался *там-то*. За время пребывания в аспирантуре тов. *такой-то* изучал *такие-то* дисциплины. Подписано и. о. начальника Управления подготовки научных кадров АН СССР Д.К. Моториным. На всех справках в личных делах имеется подпись аспиранта со словами «справку получил».

Такое завершение долгого и трудного пути, пройденного аспирантами за годы обучения в аспирантуре АН СССР, в тот момент, когда обучение многих из них уже близилось к успешному завершению, было, по крайней мере, несправедливо. Основание для исключения для них было явно надуманным, против них выступила непреодолимая система. Но образование, полученное ими в институтах Москвы и Ленинграда, сыграло очень важную роль в их становлении как ученых у себя на родине в Монголии.

Более подробно о ленинградской группе аспирантов см.: [Яхонтова 2021].

Приложение

В Приложении на основе материалов из личных дел 12 монгольских аспирантов приведены краткие сведения об их обучении в Ленинграде и Москве. Сначала — анкетные данные в табличной форме, потом — некоторые факты из их жизни в СССР. Материалы расположены в хронологическом порядке (по датам зачисления в аспирантуру Академии наук), а внутри — в алфавитном порядке имен.

Таблица

Краткие анкетные данные о 12 монгольских аспирантах

Имя аспиранта и дата зачисления его в аспирантуру	Год и место рождения	Национальность	Семейное положение	Образование	Владение иностранными языками
Тундэвийн АЮ-УРЗАНА, с 1 декабря 1931 г.	1910, Улан-Батор	Монгол	Холост	Начальная и средняя школа в Монголии ¹ , Бургортехникум в Улан-Удэ, Парижский лицей (не окончил)	Французский
Дамдины САНЖАА, с 1 декабря 1931 г.	1906, Улан-Батор	Монгол	Холост	Начальная и средняя школа в Монголии, сельхозтехникум в Германии	Немецкий, китайский
Гэмпэлийн ЦЭВЭЭН, с 1 декабря 1931 г.	1913, Чита	Бурят, гражданство МНР	Холост	Начальная и средняя школа в Монголии, средняя школа в Германии	Немецкий
Юмчинов ДОНДОГ, с 1 января 1932 г.	1910, Троецковский	Бурят, гражданство МНР	Холост	Начальная и средняя школа в Монголии	—
Шолонов ЦЭВЭГ, с 1 января 1932 г.	1912, Селенгинск	Бурят, гражданство МНР	Женился в 1936 г.	Начальная и средняя школа в Монголии, средняя школа в Германии, аспирант Учкома МНР	Немецкий
Балдангийн СОДНОМ, с 1 февраля 1932 г.	1908, Гун-Галутай (Монголия)	Монгол	Женат	Начальная и средняя школа в Монголии, школа в Германии	Немецкий
Жалцавын ДУГЭРСУРЭН, с 1 сентября 1932 г.	1910, Жир-галант (Монголия)	Бурят, гражданство МНР	Женат, двое детей	Начальная и средняя школа в Монголии, почти окончил Парижский лицей	Русский, французский

¹ Монгольские аспиранты указывали в графе «Образование» — обучение в начальной и средней школе. Следует учитывать, что первая начальная школа в Улан-Баторе была открыта только в 1921 г., а средняя — в 1923 г. [Болд 2015, с. 65, 66]. Наличие даже такого образования было редкостью.

Окончание таблицы

Имя аспиранта и дата зачисления его в аспирантуру	Год и место рождения	Национальность	Семейное положение	Образование	Владение иностранными языками
Самданов ЛУВСАНДАМДИН, с 1 сентября 1932 г.	1910, Монголия	Бурят, гражданство МНР	Женат	Начальная и средняя школа в Монголии, средняя сельхозшкола в Германии	Немецкий
Цэндийн ДАМДИНСУРЭН, с 1 апреля 1934 г.	1908, Гоби (Монголия)	Монгол	Холост, женился в 1935 г.	Начальная и средняя школа в Монголии	—
Доной СУРМААЖАВ, с 1 апреля 1934 г.	1910, Дзанхан (Монголия)	Монголка	Замужем, двое детей	Начальная и средняя школа в Монголии, школа в Германии	Немецкий
Мэргэн-гун ГОМБОЖАВ, с 1 ноября 1934 г.	1906, Айкиу (Монголия)	Монгол	Женат, двое детей	Учился в ЛИЖВЯ в 1925–1926 гг., в Сорбонне (Франция) в 1927–1929 гг.	Французский, китайский, русский
Далайн ЦЭНЭРЭГЗЭН, с 1 сентября 1936 г.	1901, Восточный аймак (Монголия)	Монгол	Женат	Самообразование	Русский (слабо)

Тундэвийн АЮУРЗАНА (зачислен в аспирантуру с 1 декабря 1931 г.). Его обучение с 1933 г. проходило в Москве во Всесоюзном институте животноводства (ВИЖ). Для его подготовки АН заключила соответствующий договор [АРАН. Ф. 524. Оп. 3 (1930–1938). Д. 205. Л. 28]. Нельзя сказать, что его подготовка проходила успешно и гладко. Преподаватели неоднократно жаловались на его недостаточную активность, нежелание работать самостоятельно, что не выполнял минимальные задания, пропускал занятия без уважительной причины. В 1934/35 учебном году Т. Аюурзана опоздал к началу занятий на два месяца. Его руководитель проф. М.Ф. Томмэ в какой-то момент даже просил забрать от него аспиранта, которого он не в состоянии заинтересовать и заставить заниматься. Руководство аспирантуры, со своей стороны, тоже пыталось повлиять на Т. Аюурзана: с него брали социалистические обязательства, состоящие из нескольких пунктов, в целом сводившиеся к «обязуюсь начать заниматься»... В отдельные периоды, например осенью 1936 г., Т. Аюурзана начинал активно заниматься, удивляя своего руководителя. Проф. М.Ф. Томмэ в отзыве 17.10.1936 г. писал:

Аспирант из Монголии т. Тундубин проработал теоретический курс кормления с. х. животных и сейчас проводит экспериментальную часть своей диссертационной

темы <...> тов. Тундубин буквально преобразился. Он очень старательно работает, хорошо усваивает технику, знает все детали своего опыта, и работа идет весьма успешно. В мае месяце 1937 г. сможет защитить диссертацию на степень кандидата с. х. наук [Там же. Л. 89].

Но после возвращения из отпуска в Монголию (апрель–май 1937 г.) Т. Аюурзана опять забросил учебу и в итоге диссертацию не подготовил [Там же. Д. 205].

Дамдины САНЖАА (зачислен в аспирантуру с 1 декабря 1931 г.). После прохождения курса русского языка и общеобразовательных предметов планировалось его обучение в Институте почвоведения АН в Ленинграде по специальности почвоведение (в некоторых документах называется геоботаника или агроботаника). О том, как проходило его обучение, в личном деле ничего не говорится. Известно, что его пребывание в Ленинграде закончилось весной 1933 г., когда он уехал на практику и не вернулся к началу занятий осенью. В смете расходов на подготовку аспирантов в 1934 г., сказано, что он получил отпуск по решению правительственных органов МНР до осени 1934 г. [СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1934). Д. 3. Л. 151]. Когда он не приехал и в сентябре 1934 г., его отчислили. На этом его обучение закончилось [Там же. Ф. 222. Оп. 2. Д. 649].

Гэмпэлийн ЦЭВЭЭН (зачислен в аспирантуру с 1 декабря 1931 г.). Его обучение сначала проходило в Детском Селе (сейчас — г. Пушкин) под Ленинградом в Ленинградском учебном комбинате (Институте) социалистического молочного животноводства. С комбинатом был заключен договор, по которому Г. Цэвээн должен был пройти как курс общеобразовательных предметов и русского языка, так и получить подготовку по специальности (животноводство). Ему предоставлялось общежитие, и он оказался оторванным от остальных аспирантов, живших в Ленинграде. Уже осенью 1933 г. его переводят в Москву в ВИЖ, где уже год учился Т. Аюурзана. Дальше они продолжают учебу в одном учреждении, но Г. Цэвээн учится намного лучше. По оценке руководителей, Г. Цэвээн относился к наиболее успевающей группе аспирантов ВИЖа. Под руководством проф. Прянишникова он работал над темой, связанной с биохимией кормов. В 1935/36 учебном году Г. Цэвээн должен был заниматься экспериментально-исследовательской работой с тем, чтобы в 1936 г. защитить диссертацию. Этому помешала его болезнь в декабре 1935 г. В течение полугода его несколько раз направляли в лечение в санатории, но это не помогло, и в сентябре 1936 г. вместо начала занятий он уехал в Монголию. В конце 1937 г. он вернулся продолжить обучение, но времени на это уже не было [АРАН. Ф. 524. Оп. 3 (1930–1938). Д. 42].

Юмчинов ДОНДОГ (зачислен в аспирантуру с 1 января 1932 г.). Его обучение (после прохождения курса общеобразовательных дисциплин) планировалось в Учебном комбинате гражданского воздушного флота в Ленинграде. Такой выбор места обучения связан с его предыдущим опытом работы в Монголии: в 1931 г. он был фотографом в экспедиции, и с определением его специализации — геодезия. В Комбинате он должен был получить специальность инженера по фотосъемке. По отзыву его руководителя Пинскера о его работе за весенний семестр 1933/34 учебного года,

успеваемость т. Юмцунова вполне удовлетворительна. Теоретические знания подкреплены большим количеством упражнений. Выше среднего успеваемость по математике, т. Юмцуновым достигнута большая самостоятельность в решении задач значительной степени трудности. Полученные т. Юмцуновым знания позволяют без затруднений приступить к изучению специального цикла дисциплин в следующем году [Там же. Д. 252. Л. 48].

Однако Ю. Дондог не вернулся из летнего отпуска и был отчислен. Свое обучение он продолжил в Москве на картографическом факультете Геодезического института¹, куда вернулся к началу 1935/36 учебного года. Его обучение проходило далеко не успешно: пропуски занятий, невыполнение заданий, несданные курсы, отказ от поездки на практику... В итоге по результатам 1935/36 учебного года Институт поставил вопрос о его исключении. Понадобилось вмешательство Сектора спецаспирантуры АН: был назначен специальный куратор (декан факультета). С самого Ю. Дондога взяли социалистическое обязательство относиться к обучению более ответственно: посещать занятия, выполнять задания и т. п. После этого его занятия в 1936/37 учебном году пошли более успешно, но ему предстояло обучение еще в течение четырех лет [Там же. Д. 252. Л. 89].

Шолонов ЦЭВЭГ (зачислен в аспирантуру с 1 января 1932 г.). По своей специальности геология он проходил обучение в Геологическом институте АН в Ленинграде. Его руководителем был С.С. Кузнецов, который, как и все остальные руководители, обнаружил, что его аспирант сравнительно слаб в знании основных предметов средней школы. Весь 1932/33 учебный год прошел в занятиях по русскому языку, математике, физике и химии. Его дальнейшие занятия проходили вполне успешно: изучение специальных курсов и летняя практика в различных экспедициях. После перевода в Москву, где у него сменился руководитель, он продолжил обучение по программе, которая была намечена ранее. Два раза (летом 1936 и 1937 гг.) он участвовал в качестве практиканта в экспедициях в Казахстан. Его работа шла по плану, и на весенний семестр 1937/38 учебного года было запланировано написание дипломной работы. [Там же. Д. 248. Л. 53].

Балдангийн СОДНОМ (зачислен в аспирантуру с 1 февраля 1932 г.). В отличие от остальных аспирантов и в силу специфики своей специальности (монгольская литература), Б. Содном параллельно с общеобразовательным курсом сразу начал занятия по специальности в Монгольском кабинете Института востоковедения АН под руководством проф. Н.Н. Поппе. Слабое знание русского языка не являлось препятствием, а его владение монгольским позволило сразу включиться не только в обучение, но и в посильное участие в научных темах кабинета. Его успешные занятия были прерваны через два года, когда из-за болезни он был вынужден уехать в отпуск в Монголию. Свое обучение по специальности литературоведение он продолжил в Москве, добавив к изучению монгольской литературы общую литературоведческую подготовку и изучение русского языка. Его приезд в Москву в сентябре 1935 г. был неожиданностью для руководства аспирантурой, его даже пытались отправить назад

¹ С 1936 г. — Московский институт инженеров геодезии, фотосъемки и картографии.

в Монголию, потому что в Академии наук в Москве на тот момент не было подходящего по тематике учреждения. Сам Б. Содном не хотел терять время и предлагал определить его в какую-нибудь общеобразовательную школу, чтобы сразу начать изучение русского языка. В результате вопрос был решен: руководство аспирантом взяли на себя ученые специалисты А.Г. Пекарский и Г.Д. Санжеев из Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова. Для преподавания русского языка привлекались преподаватели из педагогических вузов. Его занятия проходили успешно, преподаватели отмечали его интерес и прогресс в освоении предметов, никаких нареканий с их стороны не было. Защита его диссертации «История монгольской драматургии (пореволюционного периода)» была запланирована на середину января 1939 г. [Там же. Д. 17; СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 62а].

Жалцавын ДУГЭРСУРЭН (зачислен в аспирантуру с 1 сентября 1932 г.). В Ленинграде он пробыл очень недолго и в сентябре уже был в Москве, где начал обучение в Московском геологоразведочном институте. После семи месяцев обучения из-за болезни уехал в Монголию, назад не вернулся и был отчислен. В сентябре 1935 г. он приехал продолжать обучение в том же институте, его приняли «в порядке индивидуального прохождения курса с полной оплатой за счет Академии». Его руководителем была проф. Романовская. Учился он старательно, занятия не пропускал. Два раза ездил на практику: летом 1937 г. — в Бахчисарай, а осенью — в Кривой Рог, ему оставалось оформить собранные материалы в дипломный проект (защита была запланирована на май 1938 г.) [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 145; АРАН. Ф. 524. Оп. 3 (1930–1938). Д. 68].

Самданов ЛУВСАНДАМДИН (зачислен в аспирантуру с 1 сентября 1932 г.). Ничего конкретного о его недолгом (до января 1933 г.) обучении в Ленинграде сказать нельзя. Он заболел, и его отправили в отпуск с 5 января по 1 сентября 1933 г. В сопроводительном письме в Научно-исследовательский комитет МНР была высказана просьба обеспечить ему возможность продолжить занятия по русскому языку, математике и физике, чтобы он не отстал от оставшихся аспирантов. Однако в Ленинград он больше не вернулся, и его отчислили [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 438. Л. 8–9].

Цэндийн ДАМДИНСУРЭН (зачислен в аспирантуру с 1 апреля 1934 г.)¹. Он собирался заниматься литературой и поэтому был направлен в Институт русской литературы (ИРЛИ) к профессору Н.К. Пиксанову. Одновременно для учебы по общеобразовательным предметам по просьбе АН он был зачислен вольнослушателем на подготовительное отделение Курсов национальных меньшинств Советского Востока (КНСВ)² и в мае успешно сдал экзамены. Однако осенью 1934 г. Ц. Дамдинсурэна, по согласованию с ним и его будущим руководителем, перевели в аспирантуру Института востоковедения АН, где его руководителем стал Н.Н. Поппе. Можно без

¹ Подробно о его учебе в Ленинграде см.: [Яхонтова 2019].

² Курсы национальных меньшинств Советского Востока — высшее учебное заведение, созданное в Ленинграде в 1932 г. с целью подготовки педагогических кадров для начальных школ малых народностей Советского Союза. В 1936 г. закрыто.

преувеличения сказать, что обучение в ИВ сыграло решающую роль в его научной биографии, хотя и продолжалось оно чуть более трех лет. На протяжении этого времени Ц. Дамдинсурэн занимался русским языком, математикой, иностранными языками и другими общими предметами с преподавателями КПК¹. Специальные дисциплины ему преподавал Н.Н. Поппе, который был доволен своим учеником: «Дамдин-Сурун человек громадных способностей с большим успехом овладевает предметом», — написано в одном из его отзывов. Не менее важным, чем изучение различных предметов по программе, было участие в научной работе Монгольского кабинета ИВ, присутствие на обсуждениях планов работ и самих работ сотрудников кабинета. У него была возможность познакомиться с работами по основным направлениям монголоведческих исследований, следить за научной деятельностью выдающихся ученых [Там же. Д. 916; Ф. 152. Оп. 3. Д. 650, 193].

Доной СУРМААЖАВ (зачислена в аспирантуру с 1 апреля 1934 г.). Занималась под руководством Е. И. Штейнберг в Ботаническом институте АН. В отзыве о ее работе акад. В.Л. Комаров характеризует Д. Сурмаажав как одаренную и старательную ученицу, из которой в будущем выработается квалифицированный ботаник, весьма полезный для Монголии. Она, можно сказать, героически занималась в аспирантуре, имея на руках двух детей. Ее муж Л. Уртнасан, который в это время тоже учился в Ленинграде (в Военно-медицинской академии РККА), в 1935 г. заболел и уехал в Монголию, а в 1936 г. умер... Из-за болезни мужа Д. Сурмаажав вынуждена была прервать свое обучение и в январе 1936 г. вернулась домой. Ей был предоставлен отпуск до лета 1936 г., но она в Ленинград больше не приехала и была отчислена [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 783].

Мэргэн-гун ГОМБОЖАВ (зачислен в аспирантуру с 1 ноября 1934 г.)². Его обучение проходило в ИВ АН под руководством Н.Н. Поппе, В.А. Казакевич³ был консультантом. Подготовка М.-г. Гомбожава, полученная до поступления в аспирантуру, выгодно отличалась от остальных монгольских аспирантов. В аспирантуре М.-г. Гомбожав работал над диссертацией «Монгольская история Цаган Тухе». Также он участвовал в подготовке к изданию монгольского исторического сочинения XVII в. Сагана Сэцэна — коллективного труда сотрудников кабинета. Ему было поручено сличение разных списков летописи и внесения разночтений в окончательный текст. Одновременно он посещал занятия по китайскому языку акад. В.А. Алексеева, занимался русским языком. В 1936 г. руководители аспирантов составили планы работы на ближайшие три года. У М.-г. Гомбожава в плане стояло

¹ Обучение на КНСВ он прервал, позже, в 1935/36 учебном году, восстановился, но полный курс обучения так и не прошел, потому что Курсы закрыли в марте 1936 г.

² Подробнее о жизни Мэргэн-гун Гомбожава см.: [Кульганек 2016; Носов 2016; Хишигт 2016].

³ Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) — монголовед-историк. Окончил ЛИЖВЯ (1926), преподавал в ЛИЖВЯ / ЛВИ в 1923–1934 гг., работал и учился в Монголии (1923–1925), сотрудник Монгольского кабинета АМ / ИВ АН (1929–1937). Арестован 30.08.1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу Японии, приговорен к ВМН 16 декабря и расстрелян 20 декабря. Реабилитирован в 1989 г. [Люди и судьбы 2003].

изучение маньчжурского языка, лекции по истории и археологии, а на 1938/39 учебный год была намечена защита диссертации. Но 11 августа 1937 г. он был арестован по ложному доносу, осужден и погиб в Северо-Восточном лагере (на территории «Дальстроя» на Колыме) 8 августа 1940 г. Реабилитирован в 1956 г. [Там же. Д. 765; Ф. 152. Оп. 3. Д. 167, 397].

Далайн ЦЭЭНРЭГЗЭН (зачислен в аспирантуру с 1 сентября 1936 г.). Поступил в Институт востоковедения АН к Н.Н. Поппе. Д. Цээнрэгзэн был старше других аспирантов и имел значительный трудовой стаж на ответственных постах в различных структурах. Заниматься собирался колониальной историей. Его руководитель оценил способности аспиранта как средние, но отметил его усердие. По мнению Н.Н. Поппе, ближайшие три года аспиранту потребуются для восполнения пробелов в среднем образовании. Тем не менее уже в первый год начались занятия монгольским языком (теория) и историей Монголии, необходимыми для работы в избранном направлении исследования [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 777; СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 192, 652].

Архивы

- АРАН. Ф. 524. Оп. 3 (1930–1938). Д. 17, 42, 65, 68, 205, 248, 252.
ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1069. Л. 6.
СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 462.
СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 62а, 167, 192, 193, 397, 650, 652.
СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 1 (1932). Д. 104, 112, 113.
СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 104, 145, 438, 649, 765, 777, 783, 915, 916.
СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 4. Д. 12, 17, 21.
СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1931). Д. 14.
СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1933). Д. 9, 13.
СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1 (1934). Д. 2, 3, 8, 13.

Литература

- Алпатов 1966: *Алпатов В.М.* Николай-Николас Поппе. М., 1996. 142 с.
Болд 2015: *Болд Ч.* Алс газар сурахаар одогсод (1926–1930 онд Франц улсад суралцсан монголчууд). Улаанбаатар, 2015. 215 х.
Гвоздецкий 1953: *Гвоздецкий Н.А.* В.Л. Комаров / Под ред. Э.М. Мурзаева. М., 1953. 47 с.
Глухарев 2011: *Глухарев Н.Н.* К вопросу о деятельности А.В. Луначарского на должности председателя Ученого Комитета ЦИК СССР (1929–1933) // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 2. С. 171–175.
Кульганек 2016: *Кульганек И.В.* Ленинград в жизни Мэргэн-гуна Гомбоджаба // *Mongolica-XVII*: Сб. ст. СПб., 2016. С. 11–23.
Люди и судьбы 2013: *Люди и судьбы.* Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подг. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. 496 с.

Носов 2016: *Носов Д.А.* Мэргэн-гун Гомбоджаб и Институт живых восточных языков в Ленинграде // *Mongolica-XVII*. Сб. ст. СПб., 2016. С. 24–26.

Хишигт 2016: *Хишигт Н.* Мэргэн-гун Гомбоджаб — князь, ученый, переводчик, общественный деятель (1906–1940) (Перевод Л.Г. Скородумовой, И.В. Кульганек) // *Mongolica-XVII*. Сб. ст. СПб., 2016. С. 6–10.

Юсупова 2006: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности, 1925–1953. СПб., 2006. 278 с.

Юсупова 2018: *Юсупова Т.И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб., 2018. 312 с.

Яхонтова 2019: *Яхонтова Н.С.* 1938 оны 2 дугаар сар гартал суралцсан түүхээс // Монгол улсын төрийн гурван удаагийн шагналт, ардын уран зохиолч, академич Цэндийн Дамдинсүрен. Улаанбаатар хот, 2019. Х. 107–149.

Яхонтова 2021: *Яхонтова Н.С.* Аспиранты из Монголии в Академии наук (Ленинград, 1931–1938 гг.) // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: Сб. докладов IV Междунар. науч. конф. 18–19 апреля 2019 г. при поддержке Президента Монголии. Улан-Батор [Монголия] / Отв. ред. С. Чулуун. СПб.; Улан-Батор, 2021. С. 250–267.

АКАДЕМИК Б.Я. ВЛАДИМИРЦОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ МОНГОЛОВЕДА Г.И. МИХАЙЛОВА*

Георгий Иванович Михайлов (1909–1986) — крупный советский монголовед, родился в Санкт-Петербурге в семье путиловского рабочего. Мать, Дарья Николаевна, в юности была швеей, с рождением детей занималась домом. Георгий Иванович охотно отмечал свое рабочее происхождение, говорил, что условия питерского детства определили его характер.

В 1926 г. он поступил на монгольский разряд Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ)¹. Учеба под руководством выдающихся востоковедов Б.Я. Владимирцова, В.В. Бартольда, С.А. Козина, занятия с А.В. Бурдуковым, В.А. Казакевичем сыграли в его судьбе решающую роль. По-разному в дальнейшем складывалась судьба Г.И. Михайлова, но он всегда оставался верным принципам российского традиционного востоковедения, для которого было характерно отличное знание языка и глубокое проникновение в суть изучаемого источника.

Будучи студентом, на летних каникулах совершил поездки в Калмыкию и Бурятию, где познакомился с бытом и нравами монгольских народов. В 1930 г. молодой выпускник института был направлен в Улан-Батор — инструктором Центральной кооперации взаимопомощи и Экономсовета МНР. Это была важная поездка, во время которой ему удалось усовершенствовать свой монгольский язык. Через год он вернулся в Ленинград, поступил в аспирантуру родного института и одновременно преподавал на монгольском разряде.

В 1935–1938 гг. Г.И. Михайлов был вновь командирован в Монголию — на этот раз инструктором Монгольской народной армии. В эти годы он много занимался составлением и переводом на монгольский язык различных практических пособий.

В последующие годы работал в Москве в монгольской редакции Издательства литературы на иностранных языках.

В первые месяцы Великой Отечественной войны Г.И. Михайлов вступил в ряды народного ополчения. Защищал Москву, участвовал в освобождении Белоруссии, Прибалтики. Войну закончил командиром минометной батареи. Был трижды ранен. Его боевые заслуги отмечены двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими наградами.

В 1946–1950 гг. Г.И. Михайлов работал начальником монгольского сектора Военного института иностранных языков в Москве, в 1950–1981 гг. — сначала младшим, а затем старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР.

* © В.З. Церенов, публикация, предисловие и примечания, 2021.

¹ В середине 1927 г. ЛИЖВЯ был переименован в Ленинградский восточный институт (ЛВИ).

Он был одним из немногих специалистов, кто в первые послевоенные годы занимался монголоведением. Научно-исследовательскую деятельность успешно сочетал с педагогической — среди учеников Георгия Ивановича десятки монголистов нашей страны и ученых Монголии.

За заслуги в подготовке монгольских научных кадров был удостоен ордена «Алтан Гадас» («Полярная звезда»). Известные исследователи П. Хорло, Ш. Гаадамба, Л. Тудэв, Ц. Хасбаатар называли его своим учителем, Э. Оюун, С. Лувсанвандан, Г. Ринченсамбу, Д. Цэрэнсодном отмечали его добрые советы и ценные замечания. Георгий Иванович часто повторял, что судьбы народов Советского Союза и Монголии тесно переплетены, и ученые двух стран нуждаются в общности усилий и взаимной поддержке.

Перу Г.И. Михайлова принадлежит свыше 150 научных трудов, включающих проблемы изучения фольклора, литературы и истории культуры монголоязычных народов. Первые публикации увидели свет на страницах журнала «Современная Монголия». Он был автором глав о культуре (XII–XX вв.) в совместной фундаментальной работе ученых СССР и МНР — «Истории Монгольской Народной Республики» (1954). Его монография «Очерк истории современной монгольской литературы» (1955) в течение целого десятилетия оставалась едва ли не единственным трудом, посвященным творчеству писателей МНР. В 1957 г. издана книга «Культурное строительство в МНР», содержащая богатый фактический материал по истории создания и развития в Монголии народного образования, литературы и искусства.

Ценный вклад в монголоведение Г.И. Михайлов внес своим трудом «Литературное наследство монголов» (1969), представленным через год в качестве докторской диссертации. Это была первая и весьма важная попытка осмыслить процесс формирования и развития монгольской литературы в целом — с древности до наших дней, дать глубокий анализ ее национальных традиций и историко-литературных связей монголов с народами Центральной и Юго-Восточной Азии [Список 1987].

Вниманием у читателей пользовались составленные им на русском языке сборники произведений монгольских писателей (1960; 1961). Занимался Г.И. Михайлов и популяризацией устного творчества монголов. Подготовил солидный том монгольских сказок, выдержавший два издания (1962; 1967), и книги народных песен (1973) и поэзии XX в. (1981). Примечательно, что к работе над этими изданиями он всегда привлекал своих коллег и учеников.

Георгий Иванович был выдержанным и мягким в общении. Но когда дело касалось его жизненных и научных позиций, всегда оставался принципиальным человеком и исследователем.

Так, он помог А.В. Бурдукову в издании его «Монгольско-русского словаря». Редакторам не понравилась транскрипция автора, и они попытались навязать ему свою волю. А.В. Бурдуков долго терпел нападки, но в конце концов заявил сотрудникам издательства: «Делайте со словарем, что хотите, только уберите с титульного листа мою фамилию!»

Георгию Ивановичу удалось убедить коллег в научной обоснованности точки зрения А.В. Бурдукова.

Г.И. Михайлов был одним из тех авторов, кто отрицал реакционную сущность и отстаивал народную основу бурятского эпоса «Гэсэр». Без его поддержки не обошлась и книга Ц. Дамдинсурэна «Исторические корни Гэсэриады». Оппоненты монгольского ученого попытались сорвать издание монографии. Их письма попали на заключение к Г.И. Михайлову, который отверг доводы, препятствующие выходу книги.

В последние годы жизни Георгия Ивановича одолевали хвори. И все же он старался по-прежнему работать. В изданиях Института этнографии АН СССР опубликовал статьи об отражении мифологических воззрений монголоязычных народов в исторических сочинениях XII–XIX вв. и об экспедиционных поездках Б.Я. Владимирцова. К 100-летию своего учителя дал его обобщенный портрет в статье, написанной в соавторстве с И.Я. Златкиным. Подготовил сообщение о выступлениях Б.Я. Владимирцова в 1928 г. на совещании по реформе калмыцкой письменности. Работал над мемуарами, фрагменты которых увидели свет в различных изданиях.

Труды и имя его не забыты. В свое время Г.И. Михайлов написал вступительную статью к тому литературоведческих и фольклористических работ Б.Я. Владимирцова, который благодаря стараниям Г.И. Слесарчук и ее ближайших коллег был издан в 2003 г. в составе собрания сочинений знаменитого ученого [Михайлов 2003].

Я с Георгием Ивановичем много общался. Сегодня меня берет досада, что не догадался спросить у него, почему он, семнадцатилетний юноша, решил изучать именно монгольский язык? Хотя здесь важно другое — он не изменил юношескому выбору, всю жизнь оставался верным избранному делу. В этом и состоит нравственный пример его личности.

9 мая 1985 г. я приехал к Георгию Ивановичу, чтобы поздравить с Днем Победы. Тогда же он передал мне первый экземпляр машинописи своих воспоминаний о Б.Я. Владимирцове, сопроводив словами, что после ухода Ц.-Д. Номинханова, К.М. Черемисова, Г.Д. Санжеева, он единственный остающийся в строю ученик академика.

Воспоминания Г.И. Михайлова представляют несомненный интерес для сегодняшнего читателя — в них содержатся не только важные сведения о личности и деятельности Б.Я. Владимирцова, но и переданы подробности учебного процесса в Ленинградском восточном институте, живые, характерные приметы времени.

О попытках публикации воспоминаний Г.И. Михайлов не говорил. Мне известно, что он давал их читать коллегам.

Заметки адресованы Нине Павловне Шастиной¹. Объем документа — 10 машинописных страниц стандартного формата. Г.И. Михайлов карандашом пронумеровал страницы машинописи, шариковой ручкой подписал воспоминания и поставил дату: 18 декабря 1966 г. Заголовок отсутствует.

На полях страницы машинописи, где речь идет о С.А. Козине, имеется карандашная пометка: «Это необходимо в гл[аву] о Козине». Судя по почерку, она принадлежит известному публикатору и исследователю русского и тюрко-монгольского эпоса Р.С. Липец, соседке Г.И. Михайлова по лестничной площадке. Она же пред-

¹ Нина Павловна Шастина (1898–1980) — монголовед, автор более 80 публикаций по истории и историографии Монголии.

лагала фразу о ранней смерти Н.Н. Бабынина «покинул наш мир» заменить словом «умер». Заключительные три абзаца воспоминаний рекомендовала перенести в начало материала. Документ хранится в моем личном архиве.

Воспоминания публикуются без сокращений. Орфография и пунктуация текста даются в соответствии с современными правилами при сохранении стилистических особенностей автора.

[Воспоминания Г.И. Михайлова]

Дорогая Нина Павловна,

Вы наш Нестор (монголоведения, конечно), заняты сейчас составлением истории советского монголоведения за пятьдесят лет¹. Поздравляя Вас с очередным днем рождения, подношу ту часть моих мемуаров (из-за смерти П.Е. Скачкова² оставшуюся неопубликованной), которая посвящена Борису Яковлевичу Владимирцову. Материалов для истории монголоведения здесь слишком мало, но все же мои заметки помогут Вам более живо представить обстановку двадцатых годов. Позволит время, оформлю и некоторые другие мои заметки такого же рода.

Придя в Ленинградский восточный институт в 1926 г.³, я встретился со своими учителями. Б.Я. Владимирцов, который больше других потрудился, чтобы сделать нас хорошими монголистами, начал свой курс с большим опозданием. Потом мы узнали, что он ездил в Монголию, поэтому приступил к работе позже других наших преподавателей. Вступительную лекцию, если мне не изменяет память, Борис Яковлевич читал чуть ли не в конце октября.

Случались перерывы в наших занятиях еще несколько раз. В таких случаях студенты говорили:

— Плохо готовимся, вот Борис Яковлевич и не ходит на занятия.

Правда, что готовились мы не всегда хорошо, но перерывы эти обусловлены [были], видимо, другими обстоятельствами. Полагаю, Борис Яковлевич, когда писал что-то значительное, просто выключался из педагогического процесса. Закончив же работу, возвращался в аудиторию.

¹ По истории монголоведения Н.П. Шастина опубликовала статьи о трудах Н.Я. Бичурина, о переписке и корреспондентах О.М. Ковалевского. Представила подробную биографию Б.Я. Владимирцова, полный список его опубликованных трудов и литературы о нем [Шастина 1958].

² *Петр Емельянович Скачков* (1892–1964) — китаевед, канд. экон. наук (1935, без защиты диссертации). Участник Гражданской войны по мобилизации в РККА. Выпускник ЛИЖВЯ 1925 г. Работал в Китае в группе советских военных советников (1925–1928). Зав. библиотекой ЛВИ (с 1929). Науч. сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1930). Арестован 12.02.1937 г., приговорен к 10 годам ИТЛ. Отбывал срок в лагерях на Колыме. По состоянию здоровья освобожден в 1946 г. без права выезда. Работал в отделе кадров «Дальстроя». 25.01.1949 г. вновь арестован, осужден на бессрочную ссылку. Реабилитирован в 1954 г. Мл. (с 1955), ст. (с 1956) науч. сотрудник ЛО ИВ АН СССР. Автор более 50 научных работ, а также посмертно опубликованных лагерных воспоминаний [Скачков 1991].

³ ЛВИ тогда назывался ЛИЖВЯ.

— Язык нужно брать штурмом, — не раз говорил наш учитель.

Соответственно он и действовал, вел нас на штурм, и мы штурмовали язык, как могли.

После вступительной лекции Борис Яковлевич в несколько приемов познакомил своих слушателей с монгольским алфавитом, прочел ряд лекций по грамматике, поупражнял в чтении и однажды сказал:

— Читать вы теперь умеете, грамматику знаете, словари я вам указал. Возьмите рассказ о женщине и лисице из «Панчатантры» и переведите, кто сколько может и сколько хочет.

Такие задания были характерны для Бориса Яковлевича, он никогда не задавал «от сих и до сих». Этому примеру следовали и его помощники.

Нам казалось, что за несколько месяцев мы мало успели, на каждом шагу ощущали свою беспомощность. И вдруг в конце первого года обучения получили совершенно неожиданное задание:

— Напишите на монгольском языке письмо о том, как вы провели летние каникулы, — сказал Борис Яковлевич в конце одного из занятий.

Многим такое задание показалось непосильным. Не помню сейчас, были ли другие письма, а я свое Борису Яковлевичу отдал. Через некоторое время поинтересовался, какое впечатление произвело на него мое сочинение.

— Есть ошибки, — ответил он, — но все же понятно, о чем идет речь.

Применял Борис Яковлевич и другие приемы активизации наших знаний. Когда у слушателей накопился значительный запас их и они научились оперировать ими, Б.Я. Владимирцов часто предлагал нам отдельные предложения какого-нибудь текста передать по-халхаски. Легче справлялись с такими задачами буряты, а русским было гораздо труднее.

Каждому преподавателю приходится сталкиваться с так называемыми типичными ошибками учащихся. Много сил уходит на то, чтобы искоренить их. Боролся с типичными ошибками и Борис Яковлевич, пользуясь при этом оригинальными приемами. Знакомя с одной из глагольных форм, он рассказал нам, как она образуется и употребляется, каково ее значение, а затем, хитро улыбнувшись, дал дополнительную «характеристику»:

— Что же еще сказать? Я уже пятнадцать лет преподаю, и студенты обычно ее не знают.

— Те не знали, а мы будем знать, — мелькнула у нас мысль.

Добросовестно заучили материал, но все же, когда Борис Яковлевич спрашивал про эту форму, часто не могли дать четкий ответ.

То же самое наблюдалось и при изучении орфографии. Простое слово «зурх» на письме приобретало форму «джирухэн», а «зургаан» — «джиргутан». А Борис Яковлевич часто спрашивал, как они (и некоторые другие) пишутся. Стоило нам что-нибудь перепутать, он с добродушной улыбкой замечал:

— Ну, как можно запомнить такое?

Учебников монгольского языка у нас в то время не было, появились они только в тридцатых годах. Мы же читали оригинальные тексты и штудировали научные

грамматики. Отсутствие учебников объяснить трудно. Быть может, у Бориса Яковлевича, занятого в то время «Сравнительной грамматикой [монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика]» и «Общественным строем монголов. [Монгольский кочевой феодализм]», просто не доходили руки до них. Возможно, Борис Яковлевич, не считал необходимым прибегать к помощи учебников.

Более правильным кажется второе предположение. Раз Б.Я. Владимирцов преподавал свыше пятнадцати лет, он мог бы, если бы считал это нужным, составить не один учебник. Подтверждением правильности этого предположения может служить и вся методика Бориса Яковлевича. Не трудно понять, что для штурма языка учебник мало приспособлен, он скорее рассчитан на осаду. С другой стороны, Борис Яковлевич не боялся бросать в воду начинающего пловца.

А учебник от него институт ждал. На обложке одного из изданий Ленинградского восточного института было напечатано: «Представлены для напечатания: Б.Я. Владимирцов. Учебник монгольского языка (халхаское наречие и монгольский литературный язык)». Однако рукопись в издательство, по-видимому, не поступила, иначе мы этот учебник имели бы.

О преимуществах той или иной методики преподавания языка можно спорить. Каждая из них имеет и свои сильные, и свои слабые стороны. Безусловно, отсутствие учебников создавало известные трудности для учащихся. Легче, понятно, читать составленные или адаптированные тексты, да и к словарям не нужно обращаться. Но оригинальные тексты и научные грамматики дают возможность преподавателю с самого начала погрузить слушателя в языковую стихию.

Я далек от того, чтобы рекомендовать методику Бориса Яковлевича в качестве универсальной. Нет, она, естественно, не для всех подходит. Я хотел только сказать, что в руках Бориса Яковлевича она была действенным оружием и давала хорошие результаты.

Курс монгольского языка Борис Яковлевич строил на большом и разнообразном материале. Мы читали с ним и его помощниками произведения фольклора и художественной литературы, политико-экономические тексты и деловые бумаги. Монгольским языком Борис Яковлевич считал письменный, а живые языки — диалектами его. Учитывая, что на практической работе (да и в научной сфере) его ученикам придется иметь дело с «диалектами», он нас знакомил с халха-монгольским, ойратским и бурятским языками.

Словом, основы для практической и научной работы закладывались хорошие, а дальнейшее зависело уже от самих воспитанников института. Если у кого-нибудь получалось в дальнейшем плохо, мог винить только себя.

Б.Я. Владимирцов — крупный ученый. Если к трудам некоторых наших предшественников мы обращаемся ради материалов, имеющих там, то у Бориса Яковлевича нас интересуют и материалы, и исследования их. Характерно, что и через три с половиной десятков лет, прошедших под знаком больших перемен, Б.Я. Владимирцов остается нашим современником. «В свое время эта книга сыграла большую роль», — говорят иногда о старых исследованиях. Работы Бориса Яков-

левича в подобных оговорках не нуждаются, они способствовали развитию науки «в свое время», помогают разобраться в сложных вопросах монгольской филологии и истории и в наше время.

Разговоры об идеализме Бориса Яковлевича основаны на недоразумении. А такой упрек был брошен [А.Ю.] Якубовским¹ при обсуждении в Институте востоковедения АН СССР книги «Общественный строй монголов». При этом рецензент сослался на «Чингис-хана» Б.Я. Владимирцова.

Можно в этой книге найти и идеализм и еще что-нибудь в таком роде, если не считаться с жанровыми особенностями ее. При чтении «Чингис-хана» создается впечатление, что книга эта является не столько исследованием, научным трудом, сколько литературным произведением. Автор изображает создателя монгольской империи таким, каким он представлялся монголам XII–XIII вв. и, быть может, самому Чингис-хану. Вот почему Борис Яковлевич использовал как подлинные факты, так и исторические легенды, не проводя между ними резкой грани. По всей вероятности, легенды-то и дали повод для разговоров об идеализме Б.Я. Владимирцова.

Сравнивая «Чингис-хана» с «Общественным строем монголов», рецензент установил большой сдвиг в мировоззрении автора этих трудов. В действительности же, видимо, эти книги представляли собой разные стадии работы над избранной для исследования проблемой. Борис Яковлевич начал с реконструкции «автобиографии» Чингис-хана, а кончил исследованием общественного строя монголов.

Борис Яковлевич был беззаветным слугой науки, ее интересы всегда стояли у него на первом плане. Он постоянно выискивал людей, которые могли бы заниматься монголоведением, помогал им расти, совершенствоваться. А.В. Бурдуков² известен был науке и раньше, но только Б.Я. Владимирцов сумел извлечь его из захолустья и сделать своим помощником. Алексей Васильевич оказался в высшей степени полезным человеком не только для монгольского разряда, но и для всего института, поскольку принимал самое активное участие в общественной жизни, работал членом локального [местного. — В.Ц.] бюро СНР³ и т. д.

С.А. Козин⁴ занимал скромную должность в учебной части института. Человек умный, политически мыслящий, он прекрасно понимал, что при сложившихся обстоятельствах бывший крупный царский чиновник не мог на многое претендовать. Тем не менее прошлое, по-видимому, все же стало помехой для работы в учебной части института, от должности Сергей Андреевич был освобожден. Вскоре после этого он появился у нас в аудитории и стал проводить практические занятия. Одновременно он работал по совместительству также в Азиатском музее АН СССР.

¹ О взглядах А.Ю. Якубовского на исторические труды Б.Я. Владимирцова см.: [Златкин 2002, с. 16–19, 38–40]. К слову, в советские годы отдельные исследователи упрекали Б.Я. Владимирцова в том, что он, анализируя особенности бытования монгольского эпоса, не учитывает классовую дифференциацию общества. Время отменяло эти претензии.

² О нем см.: [Бурдукова 1969].

³ СНР — Секция научных работников Союза (Профсоюза) работников просвещения РСФСР / СССР (Рабпрос).

⁴ О нем см.: [Михайлов 1980].

Таким поворотом в своей судьбе, оказавшейся было немилостивой, С.А. Козин обязан хлопотам Бориса Яковлевича, взявшего его под свою опеку в обоих местах. Правда, Сергей Андреевич имел защитника еще и в лице В.М. Алексеева, своего бывшего однокурсника¹. Вероятно, в устройстве С.А. Козина принял участие и Василий Михайлович.

Впервые попав в аудиторию, Сергей Андреевич уверенно повел дело, с первых же дней зарекомендовав себя хорошим преподавателем. Мы к тому времени не были уже новичками, тем не менее в восполнении кое-каких пробелов нуждались. После нескольких занятий С.А. Козина все у нас стало на свои места.

Успешно проходила работа Сергея Андреевича и в Азиатском музее. Он много лет трудился, изучая историческое сочинение «Сокровенное сказание монголов», а также эпические произведения Гэсэриада и Джангариада. Его труды, посвященные исследованию этих трех произведений, имеют и свои сильные, и слабые стороны, но все же являются вкладом в науку.

Много внимания уделял Борис Яковлевич молодежи. Под его руководством работали Н.Н. Бабынин и В.А. Казакевич. Первый из них, правда, большей частью выполнял организационные функции — заведовал Монгольским сектором, позже — Монгольским кабинетом. К тому же он рано покинул наш мир. Второй же стал преподавателем института, вел один из курсов монгольского языка. Работал он и в Азиатском музее. Нам довелось заниматься с ним на четвертом курсе (1929–1930 гг.).

Он обещал стать умелым преподавателем. Успешно начинал В.А. Казакевич и научную деятельность, опубликовав ряд интересных работ. Его работа о даригангском диалекте² долгое время оставалась уникальной.

Принимал В.А. Казакевич активное участие и в общественной работе. Он шефствовал над студенческим научным кружком монголистов, о чем речь будет ниже, исполнял обязанности секретаря Ассоциации монголоведения при Институте востоковедения АН СССР, принимал участие в проведении эпизодических мероприятий. Однажды объявили об экскурсии в буддийский храм. Объяснения, как нам сообщили, будет давать профессор. Этим «профессором» оказался В.А. Казакевич. Он согласился часть выходного дня посвятить выполнению общественного поручения.

Все у человека, казалось бы, складывалось хорошо, Борис Яковлевич его ценил и всячески помогал ему расти. Но В.А. Казакевич жил в постоянной тревоге за свое прошлое — он был флотским офицером в старое время. Мне его тревоги казались необоснованными. Мало ли, думал я, было офицеров в годы Первой мировой войны, не все же они должны подвергаться преследованиям. Меньше всего, полагал я, заслуживает репрессий В.А. Казакевич. Однако в данном случае восторжествовала не логика, а предчувствие, человек погиб³.

¹ О нем см.: [Алексеев 1982, с. 286 и др.].

² *Даригангский диалект* — диалект Дариганги, этнической группы, возникшей в Монголии в конце XVII – первой половине XVIII в.

³ О судьбе В.А. Казакевича см.: [Решетов, Митин 2003].

Внимательно присматривался Борис Яковлевич и к студентам. Он заботливо поддерживал тех, кто по-настоящему искал, и решительно, даже беспощадно пресекал всякие «мудрствования от лукавого».

В 1927 или 1928 г. имел место эпизод, при воспоминании о котором у меня до сих пор горят уши. Уже в то время Борис Яковлевич интересовался проблемой зарождения и эволюции монгольского феодализма. Расписание у нас не было перегруженным, что давало нам возможность заниматься факультативно. Случалось мне бывать на занятиях Б.Я. Владимирцова и в монгольском семинаре нашего института, и в Ленинградском государственном университете. В данном случае дело было на занятиях монгольского семинара. Речь зашла об общественных отношениях монголов в XII в. Борис Яковлевич, опираясь на данные «Сокровенного сказания», показывал процесс феодализации. А пишущий эти строки, используя тот же источник, доказывал, что у монголов в то время были родовые отношения.

И не в том беда, что я спорил с Б.Я. Владимирцовым, споры всегда допускались. Беда была в том, что спорил я очень горячо, запальчиво, излишне эмоционально. Однако моя горячность ничуть не смутила Бориса Яковлевича. Казалось, своими репликами он умышленно подзадоривал меня. Немного позже я понял, чем вызвано столь терпимое отношение Б.Я. Владимирцова к своему оппоненту. И понял это, когда слушал разговор Бориса Яковлевича с одним нашим студентом. Товарищ Н. (назовем его так) стал излагать свои соображения по поводу этимологии слова арбан (десять).

— В памятниках квадратной письменности, — говорил он, — это слово имеет инициальное *h*. Следовательно, *harban* можно разложить на *har* + *ban*, где *har* означает рука, а *ban* — безличное притяжание. Рука имеет пять пальцев, а две руки — десять. «Руки свои» дало числительное арбан (десять).

Борис Яковлевич был человеком спокойным, уравновешенным, мягким, тактичным, но тут он изменил себе и дал Н. такую отповедь, что на незадачливого этимологиста больно было смотреть. Таким резким нашего учителя мы никогда не видели, да и не хотелось бы видеть.

В споре по поводу общественных отношений монголов XII в. обе стороны опирались на реальные факты, у каждого из спорящих была какая-то доля правды, ибо речь шла об эпохе, когда совершался переход от родового строя к феодализму. Этимология же Н. не имела ничего рационального, находилась за пределами подлинной лингвистики.

Здесь уместно вспомнить и другой случай. Студент Ш. поступил в наш институт не вполне, видимо, по собственному желанию или без определенно выраженного желания. Занимался поэтому без особого усердия, не проявлял ни способностей, ни прилежания. Год Борис Яковлевич к нему присматривался, а потом без сожаления провалил на очередной зачетной сессии (экзаменов тогда в высших учебных заведениях не было). Насколько мне известно, это был единственный случай такого рода в практике Б.Я. Владимирцова.

А потерпевший? Он, вероятно, даже не чувствовал себя таковым. Позже Ш. стал военным работником, на этом поприще он достиг большого.

Многие наши студенты стремились как-то приобщиться к научно-исследовательской работе. В этом много помогали им научные студенческие кружки на разрядах. В общеинститутском масштабе этими кружками руководил Н.И. Конрад, бывший одно время проректором по учебной и научной части института. На монгольском же разряде такого рода работу возглавлял пишущий эти строки.

На заседаниях кружка студенты выступали с докладами и сообщениями на различные темы. Случалось нам слушать и старших товарищей. Участниками некоторых наших заседаний были А.В. Бурдуков, [А.И.] Востриков¹, В.А. Казакевич. Последний больше всего помогал нам в организации научной работы. Выступал иногда и Б.Я. Владимирцов. В таких случаях заседания кружка вызывали наибольший интерес у студентов монгольского разряда.

В стенах институтского общежития писались работы о шаманизме аларских бурят Г.Д. Санжеева и [птичьей] пере на монгольских посланиях А.[К.] Богданова. Обе они увидели свет, причем последнюю Б.Я. Владимирцов нашел возможным рекомендовать к опубликованию в докладах Академии наук СССР.

Вообще Борис Яковлевич не упускал возможности помочь человеку, если у него обнаруживались способности к научно-исследовательской работе. Как только Г.Д. Санжеев окончил институт, Б.Я. Владимирцов устроил его в Ленинградский университет преподавать маньчжурский язык. Слушателей монгольского семинара, которым руководил Борис Яковлевич, он брал в научные экспедиции, под его руководством они получали навыки полевых исследований, собирали материалы, которые позже публиковались.

Очень многим и я обязан Борису Яковлевичу. Наш институт в двадцатых годах быстро рос. Руководству и профессорско-преподавательскому коллективу его, учитывая перспективы, пришлось подумать о наилучших способах подготовки кадров для научной и научно-педагогической деятельности. Возникла идея о выдвижении наиболее способных для такого рода работы студентов старших курсов. В списке студентов-выдвиженцев (так их тогда называли) была фамилия и одного монголиста, автора данных заметок. Для нас организовали дополнительные занятия, снабжали бесплатно институтскими изданиями и установили повышенную стипендию. А когда созывались ответственные совещания, мы также получали приглашение.

Мне казалось, что этой честью я обязан общественности. Такое убеждение сохранялось, пока учебная часть не собрала нас на совещание. Тогда молодежь мало интересовалась лингвистикой. Из моих однокурсников, кажется, только А.Н. Кононов изъявил желание идти по этой стезе. Я, например, интересовался проблемами (модными и в настоящее время) экономики. А на совещании узнал, что меня числят, как выразился организатор совещания, «язычником».

— Почему «язычником»? — запротестовал я.

— Поскольку рекомендовал Борис Яковлевич Владимирцов, мы и зачислили Вас по его «ведомству».

¹ О нем см.: [Зорин 2007].

А между прочим, не очень много есть людей, которые были бы так далеки от «ведомственных» соображений, как Борис Яковлевич. Не руководствовался он такими соображениями и в данном случае, предоставив неофиту самому сделать выбор будущей специальности.

Вскоре после этого мне представилась возможность убедиться, что человека, на котором остановил свой выбор Борис Яковлевич, он не выпускал из поля своего зрения. Окончив институт, я собрался ехать в Монголию. В это время Географическое общество устроило заседание, посвященное памяти [Н.М.] Пржевальского с докладами [В.Л.] Комарова, П.К. Козлова и, кажется, Ю.М. Шокальского. Там я встретился с Б.Я. Владимирцовым.

— Не имеете ли Вы желания заняться научной работой, — спросил он меня.

— Я бы хотел, но есть обстоятельства, препятствующие этому!

— Ну, обстоятельства можно урегулировать.

— Если так, я согласен.

— Как долго собираетесь пробыть в Монголии? — перешел Борис Яковлевич к другой теме.

— Один год.

— Год — много, — возразил Б.Я. Владимирцов, — достаточно пробыть лето.

— Что же можно сделать за лето? Это будет туризм, а не практика, — не согласился я с Борисом Яковлевичем.

— Лето — это до зимы, — пояснил свою мысль мой собеседник.

Так протекала моя последняя беседа с Б.Я. Владимирцовым. Я все же поехал на год, а пробыл в Монголии даже несколько больше. Из Монголии я написал ему письмо, получил ответ. Второй раз написать как-то не удалось. А в августе 1931 г. мы получили от А.В. Бурдукова телеграмму, извещавшую о смерти Бориса Яковлевича. Алексей Васильевич сообщал буквально следующее: «Сегодня скончался Борис Яковлевич Владимирцов. Бурдуков». Тут, как говорят, ни убавить, ни прибавить. Несколько самых простых слов, а как они нас потрясли.

Стали составлять ответную телеграмму. Самым находчивым оказался С. Приезжев¹, человек неглупый, но очень ортодоксальный. Его редакция была принята без возражений, но и без особого энтузиазма. Та часть телеграммы, в которой выражалась наша скорбь, была вполне приемлемой, а оговорка о наличии некоторых элементов консерватизма в педагогической и научной деятельности покойного оставляла неприятный осадок.

Через несколько дней пришло от Алексея Васильевича Бурдукова письмо, из которого мы узнали об обстоятельствах смерти нашего учителя.

Умер Борис Яковлевич очень рано, прожив всего каких-то сорок семь с лишним лет. Мы, конечно, обращали внимание на тучность Б.Я. Владимирцова, но не думали, что здесь таится серьезная опасность. Да и сам Борис Яковлевич беспокоился больше по поводу все ухудшавшегося зрения. Умер он, как принято в подобных случаях

¹ В то время инструктор ЦК МНРП.

говорить, на посту: удар настиг в то время, когда он направлялся из Сиверской¹ в город, чтобы принять участие в работе очень важного совещания в институте.

Потеря была большая. Борис Яковлевич интересовался самыми разнообразными проблемами. Он был одновременно и лингвистом, и литературоведом, и историком, и этнографом. Ему одинаково близки были судьбы всех монгольских народов. Борис Яковлевич изучал язык, литературу, историю и культуру в широком смысле халх-монголов, бурят, ойратов и калмыков.

Большинство работ Бориса Яковлевича относится к советскому периоду. За десять с лишним лет он написал столько, сколько иной не напишет и за двадцать. Трудно даже представить себе, сколько он мог бы сделать для науки, если бы не скоропостижная смерть. «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» и «Общественный строй монголов» остались незаконченными. Последнему труду, правда, удалось наследникам придать по сохранившимся рукописям заверченный вид, а с грамматикой ничего нельзя было сделать из-за отсутствия каких-либо черновиков.

Борис Яковлевич Владимирцов пользовался вполне заслуженной известностью как в Советском Союзе, так и далеко за пределами его. Конечно, советская наука за последние десятилетия добилась больших успехов. В настоящее время мы знаем об истории, языке, литературе и культуре монгольских народов гораздо больше, чем знали наши предшественники полсотни лет назад. Тем не менее труды Бориса Яковлевича, публиковавшиеся несколько десятков лет назад, до сих пор не утратили своего значения.

И сегодня Борис Яковлевич — живее многих живых.

Г. Михайлов
18.XII.66

Литература

Алексеев 1982: Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы / Сост. М.В. Баньковская. М., 1982. 535 с.

Бурдукова 1969: Бурдукова Т.А. А.В. Бурдуков (биография) // Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма / Предисл. И.Я. Златкина; Коммент. Е.М. Даревской. М., 1969. С. 8–21.

Златкин 2002: Златкин И.Я. Борис Яковлевич Владимирцов — историк // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Сост. Г.И. Слесарчук. М., 2002. С. 13–50.

Зорин 2007: Зорин А.В. Предисловие // Востриков А.И. Тибетская историческая литература. СПб., 2007. С. 7–16.

Михайлов 1980: Михайлов Г.И. Академик С.А. Козин (к 100-летию со дня рождения) // Вестник АН СССР. 1980. № 1. С. 122–127.

¹ Сиверская — дачная местность и железнодорожная станция Октябрьской железной дороги в Гатчинском (тогда Красногвардейском) районе Ленинградской области.

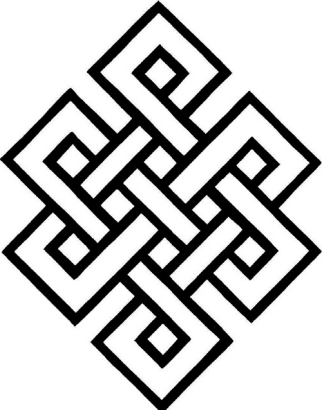
Михайлов 2003: *Михайлов Г.И.* Литературоведческие и фольклористические труды Б.Я. Владимирцова // *Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов* / Сост.: Г.И. Слесарчук, А.Д. Цендина. М., 2003. С. 5–17.

Решетов, Митин 2003: *Решетов А.М., Митин В.В.* Владимир Александрович Казакевич: жизнь и деятельность ученого-монголоведа // *Altaica*. VIII. 2003. С. 152–178.

Скачков 1991: *Скачков П.Е.* Записки по памяти (1938–1963) // *Проблемы Дальнего Востока*. 1991. № 3. С. 193–202; № 4. С. 186–192.

Список 1987: Список основных научных трудов Г.И. Михайлова / Сост. В.З. Церенов // *Народы Азии и Африки*. 1987. № 4. С. 214–215.

Шастина 1958: *Шастина Н.П.* Борис Яковлевич Владимирцов (1884–1931) // *Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова* / Отв. ред. Г.Д. Санжеев. М., 1958. С. 3–11.

Глава III

**ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО
МОНГОЛОВЕДЕНИЯ**

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ИДЕОЛОГИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ: ОТ А.И. ЛЫЗЛОВА ДО Н.М. КАРАМЗИНА*

История Монгольской империи находилась в поле зрения российской историографии буквально с первых десятилетий существования самой империи. Это имеет достаточно простое объяснение: судьба мало какой страны, кроме России, оказалась связана так долго и тесно с судьбой единого монгольского государства и его производных — сначала Улуса Джучи (Золотой орды), а позже — политий, образовавшихся в результате его распада. В данной статье мы не рассматриваем историю этих непростых и нередко трагических взаимоотношений, поскольку труды, в которых она освещается с той или иной детальностью, исчисляются уже едва ли не сотнями; не входит в наши планы также обсуждение взглядов на монголов и на установленный ими режим русских летописцев. Мы ограничимся рамками второй половины XVII – начала XIX в., а тематически будем следовать мысли отечественных историков относительно проявлений «имперскости» в монгольской политике на Руси и не только. Иными словами, нас в первую очередь интересует отражение монгольской имперской идеологии в российской исторической науке. Понятно, что эта идеология очень редко бывает прописана в источниках эксплицитно. Как правило, ее приходится реконструировать по косвенным проявлениям (личность основателя Монгольской империи, его представления о мировом пространстве и планы по его подчинению, заветы потомкам, структура монгольской власти, военные кампании монголов и т. д.), о которых, собственно, и идет речь в данной статье.

Насколько мы можем судить, вопрос монголо-русского взаимодействия в период «ордынского ига» в подобном ракурсе еще не ставился¹. Во всяком случае, и в нашей стране, и за рубежом до сих пор не решены окончательно некоторые ключевые вопросы, касающиеся истории и идеологии Монгольской империи: какие именно цели преследовал Чингис-хан в своих завоевательных походах, собирался ли он покорить все известные ему страны и народы, завещал ли он завершить подчинение «всего мира» своим потомкам, как реализовывали эти потомки военный потенциал унаследованной ими империи, и целый ряд других. В контексте данного круга вопросов стоит проблема монгольского Западного похода в 1236–1242 гг. и порабощения Руси. Здесь тоже нет согласия среди историков. Мы полагаем, что вскрытие мировоззренческой подоплеки монгольской экспансии, помимо гораз-

* © Ю.И. Дробышев, 2021.

¹ Некоторые проблемы освещения Монгольской империи в российской историографии затронуты в работах: [Якубовский 1953; Лушников 2009, с. 22–36; Кривошеев 2015, с. 76–106, 407–413; Беделова, Жумагулов 2019].

до более разработанных социально-экономических ее аспектов, должно, в конце концов, привести исследователей к пониманию истинных целей и мотивов действий монгольских ханов во внешней и внутренней политике, обнажить скрытые пружины, запустившие стремительное возвышение этого уникального в мировой истории кочевого государства, а затем его крах.

По подходам к проблеме российское научное сообщество делится на русистов и востоковедов; первые традиционно преобладают хотя бы потому, что интерес к своему отечеству вполне закономерен, и в настоящей статье мы уделим им основное внимание. Кроме того, востоковедение как научная дисциплина выделилось в России сравнительно поздно, однако, по нашему убеждению, без учета разработок ориенталистов дело либо не сдвинулось бы с места, либо, как минимум, привело к односторонним результатам. Это было вполне осознано нашими историками, привлекавшими, в меру своей квалификации, как русские и европейские, так и восточные источники в оригиналах или переводах, число которых постоянно росло, а научный уровень повышался.

Рассмотрим творчество первых отечественных историков на примере их крупных, обобщающих трудов, которым было суждено стать в определенном смысле «властителями дум» россиян и не только. Оценка их научного наследия дается с монголоведческой перспективы и в этом плане может не совпадать с оценкой специалистов по русской истории и даже в чем-то ей противоречить.

Начнем наш обзор с творчества **Андрея Ивановича Лызлова** (ок. 1655 – не ранее 1697), чей труд «Скифская история» знаменовал эволюцию русской исторической мысли от летописания к научному исследованию. А.И. Лызлов пользовался не только русскими, но и европейскими (в первую очередь польскими) источниками, сопоставляя извлекаемые из них сведения и пытаясь найти верное, на его взгляд, объяснение исторических фактов. Его кругозор несравнимо шире кругозора его предшественников. Для А.И. Лызлова история «татар» начинается не с появления их посольства в Киеве в 1223 г., а со времен гораздо более ранних, когда они якобы подчинялись Ункаму (Ван-хану кереитскому), но потом ушли от него и выбрали себе «царя Хингиса», который в 1162 г. покорил новые земли, а потом и Ункама разбил [Лызлов 1990, с. 14]. Приводимая историком дата, хотя и не связана с чингисовыми завоеваниями прямо, но все же не совсем случайна: по мнению ряда специалистов, отталкивающихся от китайской хронологии, будущий «Потрясатель Вселенной» появился на свет именно в этом году.

Известна А.И. Лызлову (в сильно искаженном виде) и монгольская легенда о «непорочном зачатии» предка Чингис-хана Бодончара от луча света, попавшего в юрту овдовевшей Алан-Гоа:

А о начале своем те ординцы сие повествуют. Яко во странах тех, отнюду же изыдоша, бяше некая вдова, породы между ими знаменитыя. Сия некогда от любодейния породила сына, именем Цынгиса, юже первые ее сынове прелюбодейства ради хотеша убити. Она же обрете вину ко оправданию си глаголющи: «Аз от лучей солнечных зачала есмь сына» [Там же, с. 19].

Легенду наш автор почерпнул из сочинения «Хроника Сарматии Европейской» итальянца Александра Гваньини (1538–1614), подвизавшегося на польской службе.

По Гваньини же А.И. Лызлов излагает некоторые подробности биографии работодателя Руси — внука Чингис-хана Бату (Батые). Принципиально важен такой момент: если его отец Джучи так и остался до конца дней своих «поганым идолопоклонником» и «сниде во ад», то Батый якобы стал приверженцем учения «проклятого Махомета» [Там же, с. 21]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно здесь в методологии А.И. Лызлова ярко проступают тенденции прошлых веков, когда монгольское нашествие трактовалось летописцами как выражение Божьего гнева, а главной целью захватчиков считалось уничтожение веры христианской:

Окаянный же Батый, видя себе имуща многое воинство, начат дыхати огнедыхателною яростию на народ христианский, хотящи их погубити, и страны оны своими грубыми народы населити, и истребити имя христианское, утвердити же тамо проклятое махометово учение; паче же, Богу попускающу нас смирити за многие грехи наша [Там же, с. 22].

И далее историк периодически объясняет неудачи русского оружия в борьбе с «татарами» «попущением Божьим», а подводя итоги царствования Батые, именует его «бичом христианским» [Там же, с. 23, 24, 29]. Монгольский поход в Венгрию, по мнению Лызлова, был вызван неудовлетворенностью Батые количеством пролитой на Руси христианской крови [Там же, с. 25].

Вместе с тем А.И. Лызлов демонстрирует альтернативный взгляд на цели монгольских захватчиков, проникая, хотя и не вполне точно, в суть монголо-русской коллизии XIII в.: «Погании бишася славы и богатств обрести хотящее. Христиане же хотящее оборонити любимое Отечество» [Там же, с. 23]. Обратим внимание на еще одну особенность изложения Лызловым тех трагических событий. Беря за основу сообщение Галицко-Волынской летописи, многие книжники писали о том, что последовало за битвой на Калке не только в русских княжествах, но и в среде ушедших монголов: победители отправились на восток покорять Тангутское государство, где и сложил свою голову их предводитель Чингис-хан. Похоже, А.И. Лызлов этой довольно широко растираживанной в русском летописании информацией не владел; о тангутах и смерти Чингис-хана он ничего не говорит. По-видимому, не владели ею и его европейские «коллеги», что вызывает вопрос: почему такие немаловажные сведения о грозном враге, известные в Галицком княжестве, не просочились на страницы польских хроник, тогда как между этим княжеством и Польшей существами тесные, пусть и не всегда мирные, связи? Пока нам придется оставить его без ответа.

Итак, труд А.И. Лызлова в части описания монгольского нашествия и «ига» хотя и может считаться большим шагом вперед по сравнению с русским летописанием, все же еще не вполне свободен от старых установок. За Батыем еще не видна Монгольская империя и ее великие ханы, которыми в те годы были Угэдэй (1229–1241), Гуюк (1246–1248) и Мункэ (1251–1259). Завоевания монголов в Азии остались вне поля зрения историка, за исключением разве что судьбы последнего багдадского

халифа, которому его победитель Хулагу предложил вместо пищи есть золото. Цели монгольских поработителей показаны неверно: ни ликвидация христианства, ни даже грабеж таковыми не были. Автор не всегда последователен в употреблении титулов «царь», «хан», «князь» по отношению к монголам.

Следующим видным представителем российской исторической науки был **Василий Никитич Татищев** (1686–1750). Историю покорения Руси монголами он передает подробно, пересказывая русские летописи, а в своих многочисленных примечаниях использует данные Плано Карпини и Рубрука. Однако нас интересуют не эти летописные материалы, включенные в труд Татищева, а его собственные оценки, которых, ввиду его специфического стиля, не столь много.

В отличие от А.В. Лызлова В.Н. Татищев обращается к истокам монгольского гегемонизма и, по-видимому, первым из отечественных историков говорит о жажде Чингис-хана к обладанию «всею вселенною», причем проводит параллель с устремлениями пророка Мухаммада:

У срацын, тех же скифов отродия, Махомет, а у татар первый хан Чингиз, властолюбием льстяся, тщилися народ простой уверить и к своему хотению склонить, от сновиденей и откровеней провещевали, что имеют всею вселенною овладеть [Татищев 1995, с. 58].

Кроме того, по сравнению с А.В. Лызловым, он более воздержан в эпитетах относительно монгольских ханов, хотя, подобно ему, допускает в адрес якобы убитого в Венгрии Батыя летописное выражение «злый бич божий» [Татищев 1996, с. 39].

В.Н. Татищев верно раскрывает этимологию имени Батыя: «баты калмыцкое твердый или крепкий» [Татищев 1995, с. 373], чего до него не сделали поколения русских летописцев и не нашли нужным повторить последующие историки. В уста монгольских парламентариев, принесших осенью 1237 г. рязанским князьям ультиматум Батыя, автор вкладывает слова, неизвестные по дошедшим до наших дней летописям и демонстрирующие вселенские претензии этого Чингисада:

Присланы Батый, великий князь, сын и внук царев, обвестити вамо всем князем руским, иж бог богов поручи ему всю вселенную и обладати всеми цари и князи, и никто же может противитися и дани възбранити» [Там же].

Таким образом, В.Н. Татищев во второй раз обращает внимание читателя на непомерные амбиции монголов. По-видимому, он был уверен, что монгольская верхушка мечтала в те годы о мировом господстве и считала себя достойной этого.

Автору известно подлинное название кочевников, явившихся в XIII в. на Руси. «Татара сии здесь правильно монгу имянованы, понеже их народа сущее имя монгалы», — замечает он и приводит классификацию монголов «до начатия Чингиза, первого их хана императора» [Татищев 1995, с. 465], взятую из отчета Плано Карпини о его миссии к монголам в 1245–1247 гг.

В целом труд В.Н. Татищева, по крайней мере в части монголо-русских отношений, мало отличим от старорусского летописного повествования и столь же

ограничен делами Руси и ее ближайших западных соседей. Монгольское нашествие еще не рассматривается в евразийском историческом контексте, и в этом плане «История Российская» несколько проигрывает сочинению А.И. Лызлова. Впрочем, не будем забывать о разных целях этих историков.

Историограф и неутомимый путешественник **Герхард Фридрих Миллер** (1705–1783) имел немецкое происхождение, но занял прочное место в российской историографии. «Неудивительно, что эта огромная работа, проделанная Миллером, превратившая его в исключительного знатока истории России, поставила его в центре всей научной исторической работы во второй половине XVIII в. в России; кажется, нет такого исторического начинания, которое не было бы так и иначе связано с его именем», — писал о нем один из крупнейших отечественных историографов советского периода Н.Л. Рубинштейн [Рубинштейн 1941, с. 106]. В русле нашей темы особый интерес представляет капитальный труд Г.Ф. Миллера «История Сибири». Первый том, изданный под заглавием «Описание Сибирского царства», содержит много сведений по Монгольской империи (владениям потомков Джучи и Хубилая), причем нередко таких, которые приняты и современной наукой. Точность наблюдений Г.Ф. Миллера поражает, как удивляет и факт крайне скудного использования этих ценных разработок российскими историками XVIII – начала XX в., для части которых, кажется, монголы оставались таким же «народом неизвестным», как и для русских книжников XIII в. Со свойственной ему пунктуальностью автор привлек как собранный им богатейший актовый материал и записи сказаний знатоков старины, так и научные публикации, что дало возможность не только создать достаточно цельное историческое полотно, но и сопоставить разные точки зрения на спорные вопросы. В числе своих источников он называет «Историю родословную о татарах» хивинского хана и историка Абу-л Гази Бахадур-хана (1603–1664), сочинения Бертелеми Гербелота (1625–1695) и Пети де ла Круа (1653–1713), европейских путешественников XIII в. и ряд других. Немало уникальных сведений Миллер добыл из расспросов бурятских лам и татарских мулл. Важно подчеркнуть подход историка к собственному произведению:

Для избежания всякого пространства, и дабы напрасно не повторять, что уже в печатных книгах находится, намерен я здесь только то упомянуть, что мне ко изъяснению Татарской истории чрез собственное исследование известно учинилось [Миллер 1750, с. 3].

Г.Ф. Миллер сообщает верную информацию о родине Чингис-хана и первых его завоеваниях в Китае и Тангуте, называет его детское имя, а также уточняет, что он был «Мунгальской породы» [Там же, с. 3, 4]. Известно Миллеру и сакральное его прозвище «Сотубогдо» (от монг. *суут богд* — великий); известна поздняя монгольская легенда о происхождении звания «Чингис» от крика некоей птицы и предание о смерти Чингис-хана из-за коварства его тангутской жены, причем причиной его нападения на страну тангутов называется желание завладеть этой женщиной баснословной красоты [Там же, с. 5, 6]. Последняя легенда, возможно, была сложена

самими тангутами как своего рода месть своему покорителю¹. Историю раздела империи и правления первых монгольских хаганов Г.Ф. Миллер излагает очень кратко, но точно [Там же, с. 6–8]. Он — один из весьма немногих российских историков рассматриваемой эпохи, кто пишет о монгольской династии Юань («Юен») в Китае, основанной внуком Чингис-хана Хубилаем (1260–1294), и делает он это не только ради расширения представления его читателей об истории этого далекого региона. Сведения про Юань нужны ему для решения вопроса о пребывании китайцев на Иртыше, как будто переселенных туда монголами, а после возвратившихся на свои земли [Там же, с. 10–12]. (Надо ли говорить, какой международный резонанс мог бы вызвать этот вопрос в 1960-е гг.!) Затем автор кратко характеризует правление десяти юаньских ханов после Хубилая, следуя Л. Рассохину, Ж.-Б. Дюальду и А. Гоблиу [Там же, с. 23, 24].

Заслуживает внимания предположение Г.Ф. Миллера о том, почему имя татар стало так знаменито:

Ибо довольно известно, что Китайцы разных за стеною близ Китайских границ живущих народов точно не различают, но всех под именем Татар купно смешивают. Сие по видимому происходит от того, что Татаре во время Великого Чингис-Хана и его ближайших потомков в Китае чрез свою храбрость пред другими народами более известны учинились [Там же, с. 29].

Эту версию разделяют многие современные историки.

Наконец, ученый привлек к написанию «Истории Сибири» летописи, найденные им в ходе экспедиции в Сибирь в 1733–1743 гг., из которых он, среди прочего, взял легенду об основании Тюмени, связанную с именами Он Хана (Он-Сом Хана), «тюменского хана Чинги (Чингиса)» и Тайбуги. Легенда — видимо, плод творчества сибирской династии Тайбугидов, — в своей начальной части представляет обработку старых известий о непростых взаимоотношениях Тэмучжина (как звали Чингис-хана до 1206 г.) и его названного отца Ван-хана [Полное собрание русских летописей 1987, с. 46, 129, 179, 235, 303, 357; Астайкин, Дробышев 2020, с. 54]. Суть их в том, что Тэмучжин сначала подчинился Ван-хану, а после восстал и убил его и унаследовал его трон. События имели место в Центральной Монголии. Здесь же действие переносится на Ишим — приток Иртыша. Критически рассмотрев три летописных сообщения об этом, историк предположил, что верно лишь одно из них, относящееся к эпохе монгольских завоеваний [Миллер 1750, с. 37–44]. Попутно он решает вопрос, был ли великий Чингис-хан «подлой породы», как о том говорят Плано Карпини и Рубрук, и каким выставляет его сибирское летописание. Очевидно, вполне доверяя восточным источникам, Г.Ф. Миллер отвергает эту версию.

Петр Иванович Рычков (1712–1777), чье научное наследие составляют около 60 трудов по географии, истории и экономике, посвятил интересующим нас сюже-

¹ Персидский историк и государственный деятель Рашид ад-Дин (1147–1318) говорит о красавице-жене тангутского императора, которой якобы хотел завладеть Чингис-хан. Захватив страну тангутов и убив императора, он «чрезвычайно старательно разыскивал эту женщину, но не нашел» [Рашид ад-Дин 1952, с. 109].

там несколько десятков страниц в монографии «Опыт Казанской истории древних и средних времен». Внимание автора сконцентрировано, как следует из названия его книги, на истории Казанского ханства, но тем не менее рамки его исследования хронологически глубже и географически шире. В них сполна укладываются события, происходившие в Улусе Джучи от его возникновения до распада. Основными источниками П.И. Рычкова в этой части были сочинения Абу-л Гази, Плано Карпини и Рубрука; использовал он также наработки В.Н. Татищева, П. Бержерона («Трактат о тартарах», 1634) и А.И. Лызлова, откуда взял, в частности, роспись всех ханов Большой, или Золотой, Орды, с прибавлениями из имевшихся в его распоряжении русских летописей.

Татарская экспансия на Волгу началась, по П.И. Рычкову (а точнее, согласно его источнику — Абу-л Гази), более чем за 400 лет до рождения Чингис-хана и связана с именем легендарного Огуз-хана, которого наш автор называет Охусом: якобы тот послал воевать Урусов [Рычков 1767, с. 13]. С тех пор татарские народы усиливали здесь свое влияние, притесняя и прогоняя местное население – волжских болгар, в происхождении которых Рычков усматривает славянский этнический субстрат. Дальше — непонятно откуда — на сцене появляется Батый, который, «попленя едва не всю Россию, учинился самовластным уже повелителем над Российскими Великими Князьями» [Рычков 1767, с. 25]¹. В этом месте своей книги автор ведет свой рассказ параллельно с пересказом Абу-л Гази, что несколько затемняет суть. Он величает Чингис-хана «славнейшим в Татарской истории», подразумевая под татарами, конечно же, монголов. Следуя Абу-л Гази, он пишет, что Чингис-хан родился в 1164 г. (место рождения остается не названным — было то в Монголии или на Волге, читатель должен догадываться сам), прожил 65 лет и из них 25 лет правил завоеванными государствами, а перед смертью разделил свои владения между четырьмя сыновьями, от которых произошло много ханов.

Обстоятельства первого столкновения монголов с русскими даются крайне неточно и служат почвой для фантастических предположений. В 1212 г. старший сын Чингис-хана Зузи, то есть Джучи (1182–1227), пошел на Запад с великой силой татарской и напал на половцев, которые, видя свою слабость, обратились за помощью к русским. Союзники обрушились на Зузи при Калке и «учинили ему пресильное поражение; иные мнят яко бы и сам он был тут убит. Могло стать, что сын его Батый побужден был и тем ко впадению в Россию и далее» [Там же, с. 24, 25].

Произведение П.И. Рычкова отличает систематичное описание основных вех жизни известных ему золотоордынских ханов от Батыя до Ахмата, включая темников Ногая и Едигея — всего 23 персоны [Там же, с. 27–62]². Однако в титулах монгольских владык он допускает путаницу: по его словам, Батый посылал обозревать Киев «воеводу своего, Магмета, или Менгата», а в Польшу он отправил «царя

¹ Между прочим, П.И. Рычков приводит чье-то мнение, что «Батый в некоторых местах именован уже был Царем Болгарским» [Рычков 1767, с. 13].

² Ниже он дает роспись ордынских ханов по Абу-л Гази, включающую 17 человек [Рычков 1767, с. 63–65].

Кадана» [Там же, с. 29, 30], хотя Мамай правильно называет не ханом, а князем [Там же, с. 40, 41].

Смысл похода Батыя в Европу, как и причина его ухода оттуда, не прояснены; по-видимому, автор находил главную его мотивацию в грабеже и утверждении своей власти, так как итоги европейской кампании подводит в следующих словах: «Быв же там три лета и обогатившись пленом и всякими корыстями, возвратился он в свою сторону, поставя во всех завоеванных местах своих властителей, которые збирали подати, всех судили и всеми повелевали» [Там же, с. 30].

Сочинение князя **Михаила Михайловича Щербатова** (1733–1790) «История российская от древнейших времен» было написано без должной подготовки, довольно тяжелым языком, с отступлениями и морализаторством, и поэтому невысоко оценивалось современниками, а особенно язвительным историком И.Н. Болтиным (1735–1792). Тем не менее оно тоже представляет для нашей темы определенный — и немалый! — интерес благодаря оригинальным авторским суждениям.

Автор начинает свой рассказ о покорении Руси монголами с Чингис-хана — «владельца моголистанских татар», который, подчинив многие народы, включая значительную часть Персии, поручил своему старшему сыну Туши Хану (т. е. Джучи) расширить завоевания на север и запад Азии и довести их даже до Европы. В принципе эти сведения недалеки от истины. К сожалению, неясно, каково их происхождение. Предыстория появления монголов на Руси описана с подробностями (хотя и с большим количеством ошибок), сохранившимися в трудах средневековых восточных историков и использованных французским ориенталистом Ж. Де Гинем (1721–1800) в его знаменитом капитальном труде «Общая история гуннов, монголов, турок и других западных Тартаров», откуда М.М. Щербатова их и извлек [Щербатов 1771, с. 509, 510]. До него отечественной историографии они были совершенно неизвестны.

По мнению М.М. Щербатова, «честолюбие татар» и «великая их жадность к завоеванию» оказались вполне весомыми аргументами для выбора русских князей в пользу помощи обратившимся к ним половцам [Там же, с. 511]. Очевидно, удовлетворившись информацией о приказе Чингис-хана подчинить Азию и земли, лежащие западнее, историк не ставил перед собой задачу выявить подлинные мотивы, толкавшие монголов на завоевания. Повествуя о переговорах монголов с русскими, он верно замечает, что «татары были поклонители единому Богу», в отличие от «идолопоклонников и магометан» половцев [Там же, с. 512]¹, правда, скорее всего, это повторение слов Де Гиня. Разумеется, этим Богом монголов являлось Вечное Синее Небо, культ которого производил порой впечатление единобожия и составлял ядро монгольской имперской идеологии. Изложение битвы при Калке следует русской летописной традиции, но в финале М.М. Щербатов возвращается к сообщениям персидских авторов: наголову разбив русско-половецкое воинство, монголы пошли на Крым, а оттуда возвратились к Чингис-хану [Там же, с. 520].

¹ Ср.: [Щербатов 1774, с. 41].

Второе вторжение монголов представлено как закономерное продолжение их завоевательной политики, но для чего им понадобилось захватывать сначала регион вокруг Каспия, а потом Поволжье, не объясняется [Там же, с. 555]. Поработитель русских земель Батый правильно назван внуком Чингис-хана и сыном Туши-хана [Там же, с. 561]. Предложено несколько причин для объяснения столь легкого разгрома Северо-Восточной Руси монголами в 1237–1238 гг.; есть среди них и весьма оригинальные, например вселившийся в сердца князей «дух неумеренной набожности», сделавший их неспособными к сопротивлению [Там же, с. 573–575]. Это и есть то самое морализаторство, в котором нередко обвиняли М.М. Щербатова.

Наряду с ошибочными и фантастическими суждениями, автор порой высказывал ценные догадки. Например, по его мнению, монголы «чинили завоевания не для ради сохранения себе покоренной страны, но токмо для опустошения оная» [Щербатов 1774, с. 2]. Столь же верны его мысли о твердом намерении Батыя завоевать «полуденную», то есть Южную, Русь [Там же, с. 9], а по поводу дальнейших замыслов Чингисова внука автор не отступает от общего убеждения, полагая, что тот собирався распространить свою власть на Европу [Там же, с. 15]¹. Он не разделяет уверенность как своих предшественников, так и более поздних историков в том, что Батый хотел взять Новгород, но потом по каким-то причинам раздумал [Там же, с. 2–4]. Наконец, Щербатов явно опередил свое время в критическом взгляде на мотивы, побудившие князя Михаила Черниговского (ок. 1185 – 1246) отправиться к Батыю. Вопреки до сих пор муссирующей в околонуточных кругах церковной легенде о религиозной подоплеке гибели князя в Орде, наш автор выступает против мнения о его желании пострадать за веру, как единственной причине прихода к Батыю, поскольку это противоречит самому евангельскому учению [Там же, с. 40]. Наконец, ссылаясь на Абу-л Гази, Ж. Де Гиня и П.И. Рычкова, историк развенчивает миф об убийстве самого Батыя в Венгрии у Варадина королем Владиславом [Там же, с. 51–54]².

Благодаря, в первую очередь, книге Ж. Де Гиня, а также русскому переводу сочинения Абу-л Гази, М.М. Щербатов довольно хорошо осведомлен о внутренней политике монгольского двора в Каракоруме. Более того, его замечание «Происходящие перемены у Татар толикое действие в России приключали, что дабы проникнуть причины многих деяний, не можно, что бы не помянуть о оных» [Там же, с. 75] выглядит опередившим свой век. Привлечение записок европейских посольств в Монголию значительно обогащает его труд деталями, о которых не догадывались русские летописцы.

Ему известна преемственность великих ханов; правда, в посланном Батыем на разведку под Киев «воеводе Менгукане» он не разглядел будущего повелителя империи Мункэ. Известный эпизод осады столицы Южной Руси с перечислени-

¹ Впрочем, М.М. Щербатов, видимо, доверяет летописным сообщениям о том, что интерес к Венгрии разогрел у Батыя киевский тысячник Димитрий, пощаженный монголами за его мужество после взятия Киева [Щербатов 1774, с. 18, 19].

² См.: [Майоров 2014].

ем «татарских» военачальников и уходом в Монголию Гуюка, якобы узнавшего о смерти верховного хана, Щербатов снабдил любопытными комментариями. Он предположил, что, конечно, известие о смерти Угэдэя в 1241 г. не могло послужить причиной отъезда этого Чингисида, а вот новость о его тяжелой болезни могла побудить Батыея отправить Гуюка в Каракорум «для предохранения своих прав в случае смерти онаго» [Там же, с. 15]. В самом деле, монголы взяли Киев за год до смерти Угэдэя. История с уходом оттуда Гуюка остается темным пятном.

Автор хорошо видит субординацию «Ханов Капчатских» и «Ханов Мунгалских». Его характеристика пределов Батыевой власти, очевидно, казавшейся не только русским летописцам, но и их последователям безграничной, совершенно справедлива:

Сей хотя самодержавно владел покоренными им странами, однако всегда совершенное почтение сохранял, яко видно по Татарским историям, к прямому наследнику Чингис Хана, который владычествовал в Мунгалах; тогда на Ханском престоле сидел Октай сын Чингис Хана [Там же, с. 33, 46].

В целом М.М. Щербатов различал за фасадом Улуса Джучи колоссальное здание Монгольской империи, хотя, наверное, еще не мог разглядеть его в деталях.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) уже в полной мере опирался в своих рассуждениях о российской истории как на русские источники, так и на работы современных ему европейских ученых, в результате чего воспроизвел и открытия, и ошибки последних. Появление его труда вызвало в российском обществе противоречивую реакцию; впоследствии было даже высказано авторитетное мнение, что «для науки его „История“ уже устарела, когда вышла в свет» [Рубинштейн 1941, с. 188], но о монголах он дал много новых сведений, пусть и не всегда корректных.

Описание монгольской «инвазии» на русские земли Н.М. Карамзин предваряет экскурсом в раннюю историю монголов. Показана зависимость Темучина (как называет его Карамзин) от «монарха татарского», под которым понимается чжурчжэньский император (для Карамзина чжурчжэни — «татары ниучи»), которому юный хан с честью служил, но затем, уверовав в успех своего оружия, захотел самостоятельности, в достижении которой ему помогли особенности его характера:

Ужасать врагов местию, питать усердие друзей щедрыми наградами, казаться народу человеком сверхъестественным, было его правилом. Все особенные начальники Монгольских и Татарских Орд добровольно или от страха покорились ему: он собрал их на берегу одной быстрой реки, с торжественным обрядом пил ее воду, и клялся делить с ними все горькое и сладкое в жизни. Но Хан Кераитский, дерзнув обнажить меч на сего второго Аттилу, лишился головы, и череп его, окованный серебром, был в Татарии памятником Темучинова гнева [Карамзин 1818, с. 228, 229].

Здесь мы видим сильно искаженный эпизод клятвы на берегах реки Бальджуна, где Тэмучжин укрылся с малым числом своих приверженцев после жестокого разгрома, понесенного в 1203 г. от Ван-хана кереитского. Последний, действительно, лишился головы в том же году, но от рук не монголов, а враждебных им найманов, и, хотя найманский Таян-хан попытался сделать голову предметом поклонения, серебром ее не отделявали.

На вышеупомянутое собрание пришел «какой-то пустынник, или мнимый пророк» и объявил, что «Бог отдает Темучину всю землю и что сей Владелец мира должен впредь именоваться *Чингисханом* или Великим Ханом» [Там же, с. 229]. Так впервые в отечественной историографии появляется пока еще не названный по имени монгольский шаман Тэб-Тэнгри, или Кокочу, которому хорошо информированный Рашид ад-Дин приписывает наречение Тэмучжина Чингис-ханом и внушение своему господину идеи мировой монархии [Рашид ад-Дин 1952, с. 150, 253].

Дальше речь идет о добровольном подчинении кыргызов и уйгуров, что есть правда, но утверждение «Царь Тибета также признал Чингисхана своим повелителем» [Карамзин 1818, с. 230] содержит сразу две ошибки. Во-первых, в XIII в. в Тибете не было царя и вообще центральной власти; во-вторых, при жизни Чингисхана Тибет не подчинился монголам и едва ли их интересовал.

Вина за начало конфликта между монгольским властелином и хорезмшахом Мухаммадом (1169–1220; правил в 1200–1220 гг.) целиком возлагается на последнего. Чингис-хан якобы имел к нему уважение, «искал его дружбы» и предлагал взаимовыгодный союз, но тот умертвил монгольских послов. Заслуживает внимания не последующее описание военных действий, а приводимая Н.М. Карамзиным легенда о молитве Чингис-хана на горе перед походом на Запад. После трехдневных молитв он объявил, будто во сне Бог обещал ему победу устами некоего христианского епископа, жившего в земле уйгуров. Историк признает, что это был вымысел, но он оказался счастливым для христиан, так как они с этого времени пользовались особым ханским благоволением [Там же, с. 232].

Вообще как сам Чингис-хан, так и его воинство в изображении Карамзина довольно миролюбивы — по крайней мере, до начала завоеваний на западе в 1229 г. Явившиеся на Руси монгольские парламентарии не хотят войны с русскими князьями, а в уничтожении тангутского государства оказывается виноват его же государь: «Оскорбленный тогда могущественным Царем Тангутским, Чингисхан пошел сокрушить его величие» [Там же, с. 241]¹. Н.М. Карамзин ошибочно считает, что Чингис-хан скончался на родине, куда вернулся после победы над тангутами (в действительности он умер в Си Ся). Неясно, откуда он взял информацию о том, что, назначив своим наследником Угэдэя, великий завоеватель предписал ему «давать мир одним побежденным народам: важное правило, коему следовали Римляне, желая повелевать вселенною!» [Там же, с. 276]. В свете обсуждаемых нами вопросов это весьма важный момент — его можно рассматривать как политическое завещание Чингис-хана, его призыв к установлению всемирного господства монголов. Между тем ни в одном известном нам источнике этих слов нет. Можно полагать, что так наш историк переосмыслил утверждения о существовании такого наказа Плано Карпини, с сочинением которого был хорошо знаком.

«Пылая славолубием и ревностью исполнить волю отца», Угэдэй отправил в 1229 г. Батые покорять северные берега Каспия «с дальнейшими странами», в числе

¹ Доля истины в этом утверждении есть: император Си Ся не дал Чингис-хану войско, которое обязан был предоставить согласно условиям вассального договора 1210 г. Однако вражду с тангутской державой первым затеял все-таки Чингис-хан, еще именуясь Тэмучжином, в 1205 г.

которых оказалась и раздробленная на княжества Русь. Второй приход монголов радикально отличался от первого: «Татары уже искали в России не друзей, как прежде, но данников и рабов» [Там же, с. 277]. Это, впрочем, не мешает Н.М. Карамзину, как и М.М. Щербатову, полагать, что, разорив Русь, монголы не планировали оставаться у ее пределов, и поэтому «хотели мимоходом истребить всех людей», но потом «обстоятельства переменились»: Батый расположился в низовьях Волги и Дона [Карамзин 1819, с. 75, 76]. Надо заметить, что вопрос о целях похода монголов на Русь (конкретно — на Северо-Восточную Русь, труднопроходимую и небогатую), казалось бы, давно решенный, в последние десятилетия подвергается основательному пересмотру, и современные ученые возвращаются порой в своих выводах к некоторым утверждениям русских историков XVIII–XIX вв.

Н.М. Карамзин правильно идентифицирует «воевод татарских», осаждавших Киев, и знает, что монгольским военачальником, восхищенно взиравшим на стольный град из Песочного городка, был «внук Чингисхана, именем Мангу» [Там же, с. 10], но некритически следует русскому летописанию в том, что внимание Батыя переключил на Европу тысяцкий Димитрий: «Батый, уважив совет Димитриев, вышел из нашего отечества, чтобы злодействовать в Венгрии» [Там же, с. 15]. Как знать, не пытался ли плененный киевский воевода на самом деле направить воинский пыл захватчиков прочь от своей разоренной родины; однако очень маловероятно, чтобы его внушения как-то подействовали на принятие стратегических решений относительно Венгрии, которые, судя по запискам венгерского монаха Юлиана, были приняты Батыем уже в 1237 г. [Хаутала 2015, с. 388].

Причины ухода монголов из Восточной Европы историк оставляет без разъяснений, но ниже он приводит доводы в пользу твердой решимости хагана Гуюка завершить захват западных стран, опираясь, опять же, на сочинение Плано Карпини. Впрочем, военные приготовления Гуюка остались безрезультатными, по поводу чего Н.М. Карамзин пишет: «Провидение спасло Европу: ибо Гаюк жил не долго, и преемник его, Мангу, озабоченный внутренними беспорядками в своих Азиатских владениях, не мог исполнить Гаюкова намерения. Но Запад еще долгое время страшился Востока...» [Карамзин 1819, с. 59, 60].

Н.М. Карамзин был последним крупным представителем отечественной исторической науки, ограниченной по преимуществу летописями и другими русскими источниками. Следующие поколения российских историков уже могли использовать (хотя и не всегда это делали) богатейшие материалы о событиях в Центральной Азии и других частях света в XIII–XIV вв., ставшие широко доступными благодаря переводам И.Я. Шмидта, Н.Я. Бичурина, П. Кафарова, В.П. Васильева, Г. Гомбоева, И.Н. Березина, К.П. Патканова и других профессиональных востоковедов, а также превосходным трудам А.К.М. Д’Оссона, нумизматическим штудиям Х.Д. Френа, работам В.В. Григорьева, В.В. Вельяминова-Зернова, Н.И. Веселовского. Этим фактором и объясняются рамки нашей статьи.

Рассмотренные в настоящей статье исторические труды сравнительно богаты информацией о монголах, как минимум потому что половина из них посвящена

регионам, где след кочевников в истории был более глубоким. Не обошли их вниманием и те авторы, которые писали историю собственно России и делали акцент на событиях, происходивших на русских землях.

Ранняя российская историография еще не вполне свободна от традиционного летописного подхода к освещению событийного ряда, но элементы критического анализа материалов в ней все же заметны. Во всяком случае, уже в сочинении А.И. Лызлова заложен фундамент научного изучения Монгольской империи.

Литература

Астайкин, Дробышев 2020: *Астайкин А.А., Дробышев Ю.И.* Упоминания Чингисхана в русских летописях // Восток (Oriens). 2020. Вып. 4. С. 49, 59.

Беделова, Жумагулов 2019: *Беделова Г.С., Жумагулов К.Т.* Русская дореволюционная историография религиозной политики монгольской империи // Былые годы. 2019. Т. 52. Вып. 2. С. 513–522.

Карамзин 1818: *Карамзин Н.М.* История государства российского: В 12 т. СПб., 1818–1829. Т. 3. СПб., 1818. 507 с.

Карамзин 1819: *Карамзин Н.М.* История государства российского. В 12 т. СПб., 1818–1829. Т. 4. СПб., 1819. 556 с.

Кривошеев 2015: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. 452 с.

Лушников 2009: *Лушников О.В.* Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань, 2009. 116 с.

Лызлов 1990: *Лызлов А.* Скифская история / Отв. ред. Е.В. Чистякова; Подгот. текста, коммент. и аннот. список имен — А.П. Богданов. М., 1990. 520 с.

Майоров 2014: *Майоров А.В.* К вопросу об исторической основе и источниках «Повести о убиении Батыя» // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2014. С. 105–147.

Миллер 1750: *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Книга первая. СПб., 1750. 510 с.

Полное собрание русских летописей 1987: Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. 384 с.

Рашид ад-Дин 1952: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой. М.; Л., 1952. 316 с.

Рубинштейн 1941: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. 642 с.

Рычков 1767: *Рычков П.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. 196 с.: прил.

Татищев 1995: *Татищев В.Н.* Собрание сочинений: В 8 т. (в 5 кн.). М., 1994–1996. Т. 4. История Российская. Ч. 2. Репринт с изд. 1964 г. М., 1995. 556 с.

Татищев 1996: *Татищев В.Н.* Собрание сочинений: В 8 т. (в 5 кн.). М., 1994–1996. Т. 5, 6. История Российская. Ч. 3, 4. Репринт с изд. 1965–1966 гг. М., 1996. 784 с.

Хаутала 2015: *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. 496 с.

Щербатов 1771: *Щербатов М.* История Российская от древнейших времен: В 12 т. СПб., 1770–1791. Т. 2. СПб., 1771. 668 с.

Щербатов 1774: *Щербатов М.* История Российская от древнейших времен: В 12 т. СПб., 1770–1791. Т. 3. СПб., 1774. 598 с.

Якубовский 1953: *Якубовский А.Ю.* Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 31–95.

ПРЕДЕЛЫ МОНГОЛЬСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ XIII ВЕКА*

При рассмотрении истории монгольских завоеваний, как и истории вообще, хорошие плоды приносит совмещение двух методологических подходов: позитивистского — «как оно было на самом деле» (знаменитое «*wie es eigentlich gewesen*» прусского историка Леопольда фон Ранке (1795–1886)) и противостоящего ему — «каким оно представлялось». Можно полагать, что пределы, до которых доходили монгольские армии в XIII – начале XIV в., а также границы Монгольской империи в период ее единства очерчены в современной литературе достаточно точно¹ на основе нарративных, археологических, нумизматических и других источников. Вероятно, сами монголы, а именно их правящий слой, тоже неплохо ориентировались в том мире, который они покорили или, в монгольской перспективе, создали. Каким представлялся этот мир — *Rex Mongolica* — тем народам, которые стали жертвами монгольской агрессии?

Этот вопрос имеет и обратную сторону. Хотя натиск кочевников не был идеальным воплощением их целей и планов, он дает некоторое представление об их миропонимании. В научных трудах до сих пор нередко повторяется мысль, что монголы собирались захватить буквально всю вселенную, но при этом забывается простая истина: кочевники воспринимали земную поверхность совсем не так, как нынешние географы или даже их современники — жители средневековой Европы. Чего на самом деле хотели монголы? Определенный свет на эту проблему проливает анализ их военных кампаний.

Представления европейцев XIII в. о пределах монгольской экспансии и, соответственно, о границах Монгольской империи, показательны: с одной стороны, они демонстрируют сумму накопленных в Европе знаний о географическом пространстве мира как таковом, с другой — отражают актуальную информацию, поступавшую с Востока. Однако и то, и другое не было свободным от заблуждений, домыслов и, во втором случае, от намеренной дезинформации. Как правило, чем

* © Ю.И. Дробышев, 2021.

¹ Этого нельзя сказать о ее северных рубежах, прочерчиваемых без какого бы то ни было обоснования, иногда даже по береговой линии Северного Ледовитого океана. Недавно к этой проблеме привлек внимание С. Поу. Исследователь привел любопытные аргументы в пользу подчинения монголам некоторых северных народов, но получившаяся в итоге его реконструкций карта империи выглядит малоубедительно [Pow 2018]. Без ответа остается принципиальный вопрос: как и зачем монгольская конница должна была пробиваться через тайгу и тундру, где нечем кормить лошадей и практически нечего грабить (понесенные затраты едва ли окупались бы мехами и моржовыми клыками)? Идеи мирового господства явно недостаточно для реального осуществления таких широкомасштабных проектов, пусть и осуществляемых не столько военным, сколько дипломатическим путем. Расширение монгольского влияния далеко на север было теоретически возможным западнее Уральских гор, но не восточнее их. Вопрос северных границ Монгольской империи по-прежнему ждет своего решения.

ближе к зоне контактов европейцев с монголами находились земли, тем точнее складывалась картина. Каковы реальные масштабы империи стало более ясно лишь после появления книги Марко Поло (1254–1324), да и то не сразу. Книгу оценила флорентийская банковская элита после кризиса 1348 г., поручив Аврааму Крескесу создать Каталонский атлас, но это уже другая эпоха.

Сведения о попавших под власть монгольских ханов странах и народах проникали в Европу по двум основным каналам: через Русь и Ближний Восток. Наряду с апокалипсическими слухами, на Западе циркулировала довольно объективная информация, почерпнутая из отчетов официальных миссий к монголам. Эти сведения дошли до нас в широком спектре источников: официальных и частных письмах, исторических произведениях, научных трактатах, сочинениях путешественников. Пределы монгольских завоеваний обрисованы в них с разной степенью точности.

Сразу обращает на себя внимание, что, в отличие от произведений, составленных в странах, захваченных монголами, европейские источники не говорят о покорении кочевниками «всего мира». Это представляется вполне закономерным. Несмотря на военные успехи монголов, приведшие к покорению ими колоссальных территорий, почти все европейские страны избежали зависимости от них даже после наиболее мощного вторжения в 1241–1242 гг. О причинах появления монголов у стен европейских городов, а равно и об их неожиданном отступлении высказано немало гипотез, ни одна из которых пока не получила всеобщего признания. Бесспорным фактом остается то, что номады разорили часть Польши и Венгрию, но ушли оттуда, не оставив гарнизоны и администрацию, а уже на обратном пути сделали своим данником Болгарию. Поэтому с европейской точки зрения монгольские завоевания не выглядели тотальными, а источники, где монголам приписывается всеобщее подчинение или опустошение, довольно редки. Например, в письме германского императора Фридриха II Гогенштауфена (1220–1250) английскому королю Генриху III (1216–1272), датированном 1241 г., говорится: «нашествие принесло с собой всеобщее бедствие, опустошение всех королевств...» [Матузова 1979, с. 142]. Можно сказать, что люди порой выдавали свои опасения за свершившийся факт. Действительно, в 1240-е гг. многие европейцы разделяли убеждение в намерениях монголов поработить всю вселенную. Для этих страхов были веские основания: послания монгольских хаганов европейским королям и папам римским четко давали понять, что «тартары» стремились к мировому господству и были готовы стереть с лица земли всех, кто посмеет оказать сопротивление. Менее ясны причины, побудившие английского энциклопедиста Роджера Бэкона (ок. 1214–1292) записать в своем «Большом труде» (*Opus majus*), что монгольский народ «мало-помалу подчинил себе все соседние народы и все мировое пространство за короткое время разорил» [Там же, с. 217]. Бэкон был знаком с Гильомом де Рубруком (ок. 1220 – ок. 1293) и мог получить от последнего сравнительно надежную информацию о пределах Монгольской империи, отнюдь не совпадавших с границами «мирового пространства».

Значительное внимание в латинских источниках уделяется последствиям западного похода Бату в 1236–1242 гг. Неудивительно, что чаще всего среди жертв монгольской агрессии фигурирует Венгрия, чуть реже — Польша, нередко также

упоминания о Моравии, Богемии, Австрии и, конечно, Руси. Эти сведения отличаются значительной точностью и богаты подробностями, поскольку чаще всего получены из первых рук. Большой объем информации о масштабах завоеваний монголов собрал и включил в свой исторический труд английский монах-бенедиктинец Матфей Парижский (1200–1259) [Там же, с. 139, 140, 151, 155, 158, 159].

До 1241 г. основным, если не единственным, источником сведений о деяниях монголов в Восточной Европе служила Венгрия, имевшая тесные контакты с кочевниками южнорусских степей и посылавшая вплоть до Волги путешественников, стремившихся разыскать своих бывших соотечественников — обитателей Венгрии Великой. Самым успешным из них оказался брат Юлиан, не только нашедший там правенгров, но и принеший в 1237 г. первые сведения о монгольском наступлении. Двумя годами позже к венгерскому королю Беле IV (1235–1270) обратились теснимые монголами половцы с просьбой предоставить им земли для поселения, что и было исполнено. Вероятно, они снабдили венгров тревожной информацией о том, что происходит на востоке, но те, как показало время, отнеслись к ней недостаточно серьезно. Тем не менее угроза войны положила начало переписке между светскими и церковными лицами Венгрии и других европейских стран на эту злободневную тему. Пределом монгольского продвижения назывался Деинфир, то есть Днепр: «Несомненно, они опустошили все земли и разрушили все, что им встретилось на пути, вплоть до вышеуказанной реки» [Хаутала 2015, с. 405; Матузова 1979, с. 154].

В январе 1241 г. монголы напали на Польшу, а в марте вторглись в Венгрию. Пересказ хода европейской кампании не входит в наши задачи, поэтому, не вдаваясь в детали, подробно описанные свидетелями — магистром Рогерием Апулийским (?–1266) [Магистр Рогерий 2012] и архидиаконом Фомой Сплитским (ок. 1200–1268) [Фома Сплитский 1997], сразу перейдем к ее результатам, как они представлялись в самой Европе. В отличие от сочинений указанных авторов, многие сообщения лапидарны и говорят только об этих двух странах, что оправдывается, по крайней мере, их наиболее тяжелыми потерями. Реже перед читателем разворачивается чуть более широкое полотно. Так, послание неких доминиканского и францисканского монахов, известных только по начальным буквам имен Р. и Й. (1242 г.), гласит:

Они разорили многие земли и знайте, что в их числе — большую часть Русции... А в нынешнем году, придя перед Пасхой в Польшу, они заняли богатые города... Продвигаясь от Польши, они достигли границ Тевтонии; затем, повернув в Моравию и разорив эту богатую землю, они встретились с другим войском, идущим через Венгрию; и, говорят, что, имея перевес на своей стороне, они только что захватили плодороднейшую часть Венгрии, изгнав ее короля [Матузова 1979, с. 158].

Анналы Гарстенского монастыря в Верхней Австрии сохранили описание передвижений монгольских отрядов по Европе с отдельным вниманием к событиям в Австрии:

Неведомый народ татарский учинил побоище в Венгерском королевстве, а также в прочих христианских странах, в Польше и в Нижней Славонии; другая его часть, неожиданно напав на Австрию, предала мечу многих христиан на берегу Дуная возле Нойбурга, без потерь и урона вернувшись к своим (Цит. по: [Майоров 2015, с. 26]).

При этом чаще всего оставалось неясным, откуда именно вышли враги и какие страны они успели подчинить по пути на Русь. По-видимому, самой распространенной версией оставалась та, которая идентифицировала монголов с народом «гор и магог», запертым Александром Великим в северных пустынях за Каспийскими горами и теперь вырвавшимся оттуда в преддверии конца света, чтобы завоевать всю землю, за исключением Эфиопии, а затем быть уничтоженным христианским царем. После в мир явится Антихрист. Эти события были предсказаны в широко известном в Европе и на Руси «Откровении» Псевдо-Мефодия Патарского (VII в.), ввиду чего едва ли не все признаки этого легендарного народа были обнаружены у «тартар». В свете этого монгольский поход на Европу выглядел кульминацией военных кампаний, так как с покорением европейских монархий перед «тартарами» открывалась возможность достичь своей главной цели — уничтожения христианства. Продолжение «Деяний трирцев» гласит: «Так бедственное племя татар, уже проникнув на просторы земли, вторглось в пределы Европы, замышляя и угрожая уничтожением всему христианскому миру» [Книга странствий 2006, с. 25]. И таких примеров немало.

Поведение кочевников подтверждало эти опасения. Известия свидетелей нападения монголов на Европу неизменно изображают последних в виде полчищ кровожадных дикарей, нацеленных только на негативные, разрушительные действия: убийства, захват, грабеж, насилие, мародерство, уничтожение материальных ценностей, осквернение святынь. Европейцам был совершенно непонятен смысл уничтожения мирного населения завоеванных земель. За этими явлениями Монгольская империя практически незаметна. Хаганские ультиматумы (известны сообщения о письмах монголов Фридриху II и Беле IV накануне нашествия) мало изменили ситуацию. Судя по реакции европейской элиты, верховный правитель монголов воспринимался на Западе в лучшем случае как некий вождь разбойной банды, а не император, чему виной, по-видимому, был не столько заносчивый тон его посланий, сколько бесчинства его воинства. Как ни странно, но примерно так картина монгольских завоеваний иногда выглядит в работах историков XX в., когда военные кампании рассматриваются в отрыве от идеологии.

Справедливости ради нужно сказать, что римская курия не проявила апокалипсических настроений и отреагировала на новый вызов трезво, отправив в 1245 г. к монголам две францисканские (Иоанна де Плано Карпини и Лоренса Португальца) и две доминиканские (Асцелина и Андре де Лонжюмо) миссии, причем о путешествии Лоренса никаких сведений не сохранилось. Самой успешной в плане сбора информации о монголах была, безусловно, миссия Плано Карпини (ок. 1182–1252), о чем речь пойдет ниже. Богатые сведения принес также Гильом де Рубрук, ходивший в Монголию в 1253–1255 гг. по поручению короля Франции Людовика IX (1226–1270). Эти путешествия не только показали протяженность подвластных монголам территорий, но и систему их управления. Становилось ясно, что Европе противостоит не какое-то аморфное объединение кочевников, а своеобразное государство с предельно централизованной властью, налаженными коммуникациями и четкими внешнеполитическими установками.

Перемещения и битвы монголов после ухода из обескровленной Венгрии нашли отражение в сочинениях вышеупомянутых Рогерия и Фомы Сплитского и ряда европейских хроник. Например, Австрийская хроника сообщает под 1243 г.:

Татары и куманы, не встречая никого, кто бы мог противостоять им, вышли из Венгрии с большой добычей, состоявшей из золота и серебра, одежд, животных, множества пленных обоего пола, в укор христианам. Придя в Грецию, они ту землю, за исключением сильно укрепленных замков и городов полностью razорили. Константинопольский король по имени Балдуин сразился с ними; в первый раз они были побеждены им, во втором же сражении он сам был разбит ими (Цит. по: [Майоров 2015, с. 39]).

Джон из Гарланда, магистр университетов Парижа и Тулузы, в эпической поэме «De Triumphis Ecclesiae» среди жертв монгольской агрессии тоже упомянул Латинскую империю, в то время управлявшуюся из Фракии Балдуином II де Куртене (1228–1261):

Мститель, прибывший с Востока, косит все, что попадает к нему на пути
и покоряет Запад своим мечом.
Лидеры Армении мертвы, лорды Сирии сдаются в плен,
Черное море стонет под гнетом подчинения.
Кавказ склоняется, Дунай сдает свое оружие в знак капитуляции,
Побежденная Фракия оплакивает своего вождя
(Цит. по: [Giebfried 2013, p. 132]).

Однако на самом деле Латинская империя сохранила автономию вплоть до своего падения в 1261 г. Отступление обеспечило прирост подвластных монголам земель за счет Болгарии, вынужденной признать их сюзеренитет по не выясненной до сих пор причине, и только в конце XIII в. могущественный джучидский темник Ногай подчинил Сербию.

Кажется бесспорным, что в Европе должны были очень хорошо представлять крайние пределы, которых достигли воины Бату в своем натиске на Запад, однако, анализ источников показывает несколько иную картину. Матфей Парижский сообщает о победоносной битве с монголами Конрада и Энцо, сыновей Фридриха II, у реки, которую сложно локализовать на современных географических картах:

И тогда смолкло бахвальство врагов и укротилось их высокомерие. Ибо после жесточайшей битвы на берегу реки Дельфеос, находящейся поблизости от Дуная, в которой многие пали с обеих сторон, вражеское войско, едва ли поддающееся какому-либо исчислению, в конце концов самим Богом было отброшено (Цит. по: [Майоров 2015, с. 28]).

А.В. Майоров, обосновывающий предположение о тайном сговоре императора Фридриха II с монголами, считает эту реку несуществующей [Там же, с. 29]. Видимо, в Европе находились желающие приписать себе (или своим предкам) заслугу в избавлении христианского мира от «татарского» нашествия. Отсюда возникали мифические баталии в реальных и вымышленных местах, например битва при Оломоуце в Моравии, якобы выигранная чехами под знаменами Ярослава из

Штернберка, а на самом деле придуманная в 1817 г. филологом и поэтом Вацлавом Ганкой по патриотическим мотивам, или схватка на берегу Дельфеоса, порожденная расчетливым воображением Фридриха II.

Второе вторжение монголов в 1259–1260 гг. было менее масштабным: оно затронуло только Польшу. Позже монголы нападали на польские земли в 1286–1287 гг., на венгерские — в 1285–1286 гг. Эти рейды кочевников не привели к аннексии каких-либо территорий в Европе.

О завоеваниях монголов в Азии европейцы узнали уже в 1221 г., хотя эти победы приписывались мифическому христианскому царю Давиду, сыну пресвитера Иоанна. Авторы тех лет демонстрируют хорошую осведомленность о направлениях ударов этого «христианского воинства», но сопровождают фактические данные фантастическими подробностями. В силу того, что царь Давид, за которым скрывался сам Чингис-хан, вел войну против мусульман, европейцы видели в нем союзника, шедшего освобождать Гроб Господень, и приветствовали его военные успехи. После того, как открылась неприятная правда, их внимание к событиям на Ближнем Востоке не ослабевало. Сведения о переднеазиатских приобретениях монголов были хорошо известны и проникли вплоть до Исландии [Джаксон 2019], что тоже вполне закономерно: на Ближнем Востоке пересекались интересы католической Европы и правителей Улуса Хулагу. Там же находился их общий враг — мусульмане, а после взятия монголами Багдада — конкретно египетские мамлюки.

Рассматривая сферу военных действий монголов на Востоке, аббат монастыря Святой Марии в Венгрии в послании от 4 января 1242 г. говорит об убиении там четырех царей с князьями, включая «царя персов» (очевидно, хорезмшаха), а из конкретных стран называет только Каппадокию [Матузова 1979, с. 156], под которой можно было бы понимать Румский султанат, но серьезные битвы имели там место в 1242 и 1243 гг., уже после написания этого письма. Хорошо знакомый с деяниями монголов на Ближнем Востоке доминиканский монах Андре де Лонжюмо (? – ок. 1253) сообщал, что «они уже подчинили себе почти всю Восточную Азию, находясь на расстоянии всего двух дневных переходов от Антиохии» [Там же, с. 161]. В «Хронике» цистерцианского монаха Альберика де Труа-Фонтен (? – после 1252) упоминается расширение подвластным монголам земель «до самой провинции Багдада, которую они немедленно и полностью разрушили» [Хаутала 2015, с. 410]. По мнению Р. Хауталы, эта запись может быть датирована между 1240 и 1252 гг., скорее после осени 1247 г. [Там же, с. 409, 411]; к этому времени захватчики уже успели прощупать силы халифа, едва ли всерьез рассчитывая на успех, а захвачен город был только в феврале 1258 г. Основатель Ильханата Хулагу (1256–1265) в письме от 10 апреля 1262 г. Людовику IX обстоятельно очертил круг своих побед в Иране, Ираке и Сирии [Meuvaert 1980, р. 255–257], но, судя по отсутствию какой-либо реакции на это послание в Европе, оно до адресата могло не дойти и надолго остаться практически неизвестным.

О том, что происходило в глубинах Азии, жители Европы были информированы хуже, потому что их представления об этой части света были весьма неполными ввиду ее удаленности, и к тому же сильно засорены религиозно-мифологическими

стереотипами. Значительная часть азиатских земель объединялась под названием Индия. Эта страна якобы управлялась христианским царем Давидом, о котором говорилось выше. Информация о событиях в Китае, Тибете, Корее, Японии, Юго-Восточной Азии либо не доходила до Европы вообще, либо попадала туда в очень искаженном или предельно упрощенном виде. Кроме того, дальневосточные рубежи империи продолжали раздвигаться еще несколько десятилетий после того, как на Западе граница оседлого и кочевого миров стабилизировалась: хаган Хубилай (1260–1294) подчинил весь Китай и организовал военные экспедиции вплоть до Явы.

Близким к истине, хотя и недостаточно конкретным, выглядит сообщение Винсента из Бове (1190–1264): «они распространились от Тартарии до самого восхода солнца и от восхода солнца до Средиземного моря, подчинив своему владычеству неисчислимые царства» (Цит. по: [Юрченко 2006, с. 47]). Роджер Бэкон локализует монголов на территориях к востоку от Дуная: «Тартары же населяют землю аланов или куманов от Дуная и далее, почти до самых отдаленных частей востока, и они покорили себе по большей части другие, соседние с ними, народы севера и юга» [Матузова 1979, с. 213]. О неких «восточных странах» говорится в анналах августинского аббатства в Осни за 1261 г.:

Царь и правитель татар вместе с неисчислимым множеством народа, покинув родные пределы, став царем всех царей после самого Бога, в восточных странах множество князей и властителей подчинил своей власти, бунтовщиков и протестующих уничтожил лезвием меча, города их и все укрепления пожаром и разрушил, так что не осталось на виду ни одного убежища. После разорения множества городов и истребления неисчислимого множества народа этот тиран, по Божьему Провидению, слег от тяжелой болезни, закончив свой путь земной, и так, лишенные головы, оставшиеся татары возвратились к себе [Книга странствий 2006, с. 80].

Датировка этого сообщения как будто указывает на походы и смерть хагана Мункэ (1251–1259), но на самом деле, скорее всего, анналы сохранили повествование о событиях эпохи хагана Угэдэя (1229–1241), когда монголы напали на Венгрию и Польшу. Смерть Угэдэя часто считается причиной их ухода из Европы.

Восхваляя своего патрона Хубилая, Марко Поло все же не забыл отметить, что тот был выше всех в Азии, а не во всем мире: «великий государь Кублай-хан, владетель всех татар в мире, всех стран, царств и областей в этой обширной части света» [Книга Марко Поло 1997, с. 194]. Следующее его утверждение тоже не является большим преувеличением; действительно, правление Хубилая простиралось шире, чем любого западного или восточного монарха до него:

Начну повесть о всех великих делах и великих диковинах ныне царствующего великого хана Кублая, по-нашему «великого государя». И воистину он зовется так; да знает всякий, от времен Адама, нашего предка, и донныне не было более могущественного человека и ни у кого в свете не было стольких подвластных народов, столько земель и таких богатств [Там же, с. 245].

Позже появилась «Книга странствий» доминиканского проповедника и неутомимого путешественника Рикольдо де Монте Кроче (ок. 1243–1320), прошедшего

на Ближнем Востоке около 13 лет. В нее автор включил своего рода компендиум знаний о монгольских завоеваниях в Азии, переходя от легенд к фактам и от фактов к слухам:

Затем татары разделились на три войска. Одно войско вместе с Великим ханом захватило Китай, страну огромнейшую и находящуюся у самых дальних пределов Индии, и они убили там Пресвитера Иоанна и захватили его царство, и сын Велико-го хана взял дочь Пресвитера Иоанна себе в жены, и они отправились к Тайан-хану, и разорили, и опустошили в его землях около двенадцати великих держав. Другое войско перешло через Геон, или Физон, райскую реку¹, и разорило Хорезм, Мидию, Персию и Багдад, столицу сарацин, и они убили халифа, и захватили Турцию, и перебили всех хорезмийцев, и заняли, опустошив, всю Сирию вплоть до самой Газы, взяли Иерусалим, и передали его христианам, и захватили все от моря Индийского вплоть до моря Средиземного и города Газы. И здесь встал предел их поприщу, ибо они не смогли проникнуть в Египет [Книга странствий 2006, с. 160].

Как видно из нарисованной Рикольдо картины, точные сведения соседствуют с мечтами о захвате монголами Иерусалима для его передачи крестоносцам.

В различных источниках, таких как «Сокровенное сказание монголов», «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Юань ши», а также в вышеупомянутом письме Хулагу содержатся списки стран и народов, которые должны быть покорены монголами, уже покорились или еще сопротивляются. Их проанализировал Р.П. Храпачевский, пришедший к выводу о том, что список «Сокровенного сказания» отражает события 1221–1224 гг., связанные с походом Субэдэя и Джэбэ [Храпачевский 2013]. Более полные списки включены в отчеты Плано Карпини и Ц. де Бридиа. На них останавливались издатели трудов францисканцев [Johann de Plano Carpini 1930, с. 191–194; Skelton, Marston, Painter 1965, p. 47; Giovanni Di Pian Di Carpine 1989, p. 467–471], а В.Л. Егоров считает перечень Плано Карпини «хорошей иллюстрацией того административно-политического единства империи монголов, которое она представляла в самом начальном периоде своего существования» [Егоров 1985, с. 28]. Критическую позицию занимает А.Г. Юрченко, утверждающий, что папские посланцы создали «гипертрофированную картину мира», в которую внесли мифические страны, недоступные простым смертным, но подвластные монгольским императорам [Христианский мир 2002, с. 317–337]. Итак, о чем же идет речь?

Иоанн де Плано Карпини перечислил 44 «земли», попавшие под монгольскую власть, и обмолвился, что есть и другие, названия которых ему неизвестны:

Китай, Найманы, Соланги, Кара-Китай, или черные Китай, Комана, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйюр, Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть великая Венгрия, Кергис, Касмир, Саррацины, Бисермины, Туркоманы, Билеры, то есть великая Булгария, Корола, Комуки, Буритабет, Паросситы, Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Кангиты, Команы, Брутахи,

¹ Согласно Книге Бытия (Быт. 2:10-14), из Эдема вытекает река для орошения рая и разделяется на четыре потока, каждый имеющий свое название. Пытаясь локализовать эти реки на земле, богословы чаще отождествляли Геон с Джейхуном (совр. Амударья), а Физон — с Индом.

которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы, Тарки, малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы, Руфены, Балдах, Сарты.

Из числа оказавших монголам мужественное сопротивление и еще не подчиненных он называет только пять: «великая Индия, Мангия, некая часть Аланов, некая часть Китаев, Саксы» [Плано Карпини 1997, с. 60, 61]. Списки представляют собой смесь топонимов, этнонимов и даже названий религиозных конфессий, по большей части расшифрованных историками.

Ц. де Бридиа называет 36 завоеванных «земель», три из которых не находят соответствия у Плано Карпини, а одна из этих трех кодирует мифический народ человеко-псов:

Китай, Соланги, Эфиопия, Войрат, Кераниты, Буритебет, Уйгур, Киргиз, Саруйхур, Меркит, Мекрит, Найман, Каракитай, Туркия, Нубия, Балдак, Урумсолдан, Бисермины, Кангиты, Армения, Георгиания, Аланы, которые называют себя Аззами, Киркасы [Черкесы], Газары, Команы, которые называют себя Кусскара [Кыпчаками], Мордвины, Баскарт, то есть Великая Венгрия, Билеры, Корола, Кассиды, Паросситы, Песьи [народы], Замогеды [Самоеды], Несториане, Нусия [Русия], [земли] персидских султанов, которые именуют себя сарраценами» [Христианский мир 2002, с. 114].

Названия не покорившихся стран и народов автор не приводит.

Почему наблюдается несогласованность в отчетах об одной и той же миссии, мы в настоящее время ответить не можем и от предположений воздержимся. Важность сведений, принесенных францисканцами из монгольских степей, в русле нашей темы заключается в том, что атаки кочевников на окружающие земли показаны в виде спланированных кампаний, направляемых волей монгольского хана. Составленные реестры демонстрируют невиданную прежде военную мощь и стратегическое мышление нового противника. Дикие грабительские орды структурируются в боевые единицы с жесткой дисциплиной и четко поставленными целями. Наряду с другими добытыми фактами, пространственный аспект завоеваний раскрыл перед Европой шаги к воплощению высшей идеи единой Монгольской империи — объединению всех народов под владичеством хана. Это должно было означать, что монголы не просто грабители — они придут снова, чтобы покорять, и Плано Карпини прямо предупреждает об этом.

Насколько адекватно данная идея была воспринята в Европе? Судя по всему, вполне. Менее очевидно другое: складывалась ли из мозаики разрозненных фактов полная картина Монгольской империи? Возможно, да, но она просто не успела сформироваться в западном сознании окончательно. Империя развивалась очень динамично и противоречиво. Внутренние механизмы требовали ее постоянного расширения, чтобы обеспечить бесперебойное поступление материальных благ, особенно престижных вещей, подтверждающих высокий статус монгольского двора и военной верхушки. Когда, наконец, завоевательный импульс стал ослабевать, а соседние страны мобилизовались на отпор агрессорам, монголам пришлось вникать в сложные вопросы управления подвластными территориями. Параллельно усугублялись центробежные процессы, фактически приведшие к дезинтеграции Монгольской империи уже к середине 1260-х гг. Разногласия между улусами Джучи и Чагатай быстро

привели к войне, а их правители заняли по отношению к Западу разные позиции: первые продолжили агрессивную политику и во внешних сношениях придерживались бескомпромиссной имперской идеологии, вторые искали союзничества и смягчали риторику, хотя вовсе не забыли заповедь Вечного Неба о своем превосходстве над всеми народами. Питер Джексон тонко заметил по поводу альянса между Хулагуидами и европейскими державами, так и оставшегося бесплодным, что «монголы просто ненавидели мамлюков больше, чем франков» [Jackson 2014, p. 186]. Имперский центр, переместившийся в 1260 г. в Пекин, перестал играть заметную роль в европейской политике, зато приобрел религиозное значение: владения юаньских императоров посетили прославленные миссионеры Джованни Монтекорвино (1246–1328), Одорико Порденоне (1286–1331), Джованни Мариньолли (ок. 1290 – после 1357), существенно расширившие географические познания европейцев.

Европейцы довольно быстро приобрели сравнительно адекватное представление о властной структуре и идеологических основаниях Монгольской империи, но плохо представляли истинное протяжение ее земель. На европейских материалах мы находим еще одно подтверждение своеобразия восприятия географического пространства в Средние века: покоренные монголами народы имели склонность говорить о завоевании кочевниками всей вселенной, а не покоренные, как правило, описывали пределы захватов более или менее объективно, соответственно полученной извне информации.

Характер военных операций монголов в Европе в 1241–1242 гг. дает основания предполагать, что у монгольских стратегов не было твердого намерения поработить этот субконтинент, и они ушли оттуда, выполнив намеченные задачи: подчинение укрывшихся на европейских окраинах половцев и наказание венгерского короля путем жестокого разорения его страны. Последующие вторжения в Польшу и Венгрию следует расценивать как грабительские набеги, вряд ли нацеленные на какие-либо территориальные приобретения. Возможно, при менее упорном сопротивлении монголы не преминули бы навязать европейским державам вассальные отношения, но об этом можно только гадать.

Литература

Джаксон 2019: *Джаксон Т.Н.* Hófvz Tartarar secundum quosdam: сведения о татарах в исландских анналах // *Золотоордынское обозрение*. 2019. Т. 7. № 4. С. 616–635.

Егоров 1985: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. 245 с.

Книга Марко Поло 1997: *Книга Марко Поло* // *Путешествия в восточные страны*. М., 1997. С. 190–380.

Книга странствий / Пер. Н. Горелова. СПб., 2006. С. 320 с.

Магистр Рогерий 2012: *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. А.С. Досаева. СПб., 2012. 304 с.

Майоров 2015: *Майоров А.В.* Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 2. С. 21–48.

Матузова 1979: *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. 268 с.

Плано Карпини 1997: *Плано Карпини.* История монгалов // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 29–85.

Фома Сплитский 1997: *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита / Пер. О.А. Акимовой. М., 1997. 320 с.

Хаутала 2015: *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плембса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. 496 с.

Храпачевский 2013: *Храпачевский Р.П.* К вопросу о так называемом «списке покоренных народов» Восточной Европы в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) // *Studia Historica Europae Orientalis.* 2013. Вып. 6. С. 91–102.

Христианский мир 2002: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критич. текст, пер. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспозиция, исслед. и указ. А.Г. Юрченко. СПб., 2002. 478 с.

Юрченко 2006: *Юрченко А.Г.* Историческая география политического мира. Обзор Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб., 2006. 640 с.

Giebfried 2013: *Giebfried J.* The Mongol invasions and the Aegean world (1241–61) // *Mediterranean Historical Review.* 2013. Vol. 28. N 2. P. 129–139.

Giovanni Di Pian Di Carpine 1989: *Giovanni Di Pian Di Carpine:* Storia dei Mongoli / Edizione critica del testo latino a cura di Enrico Menestrd, traduzione italiana a cura di Maria Cristiana Lungarotti, e note di Paolo Daffin. Spoleto, 1989. VIII + 522 p.

Jackson 2014: *Jackson P.* The Mongols and the West 1221–1410. London; New York, 2014. XXXIV + 414 p.

Johann de Plano Carpini 1930: *Johann de Plano Carpini.* Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245–1247 / bersetzt und erlutert F. Risch. Leipzig, 1930. 405 s.

Meyvaert 1980: *Meyvaert P.* An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France // *Viator.* 1980. Vol. 2. P. 245–260.

Pow 2018: *Pow S.* The Mongol Empire’s Northern Border: Re-evaluating the Surface Area of the Mongol Empire // *Genius loci.* Laszlovszky 60 / Ed. by Dora Merai et al. Budapest, 2018. P. 8–13.

Skelton, Marston, Painter 1965: *Skelton R.A., Marston T.E., Painter G.D.* The Vinland Map and the Tartar Relation. New Haven, 1965. XII + 291 p.

ЗАПИСКИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА МОНГОЛИИ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКА^{*, 1}

Изучение традиционной монгольской государственности и права до периода народной революции в российской историографической традиции осуществляется преимущественно на основе памятников монгольского права, сохранившихся до нашего времени. Однако, как представляется, эти источники не позволяют в полной мере изучить и реконструировать институты государственного устройства и правового регулирования у монголов позднего Средневековья и Нового времени.

Во-первых, таких памятников, которые введены в научный оборот и, более того, переведены на русский язык (т. е. стали доступны не только монголоведам) имеется сравнительно небольшое количество. Неудивительно, что большинство исследователей монгольского государства и права рассматриваемого времени сосредотачивается на изучении своеобразного «стандартного набора» таких источников — это «Уложение Алтан-хана» (Внутренняя Монголия, 1577 г.), «Восемнадцать степных законов» (Халха, конец XVI – начало XVII в.), «Их Цааз» (Джунгарское ханство, 1640 г.), «Халха Джирум» (Внешняя Монголия, XVIII в.), а также примыкающие к ним памятники маньчжурского законодательства для Монголии XVII–XIX вв. — «Цааджин бичиг» (XVII в.) и «Уложение китайской палаты внешних сношений» (конец XVIII – начало XIX в.). Эти памятники в российской историографии достаточно подробно изучены не только в общеисторическом и историко-правовом, но и других смежных аспектах — даже в филологическом [Леонтович 1879; Гурлянд 1904; Рязановский 1931; Насилов 2002; Пюрбеев 2012; Дугарова 2016]. Однако, несмотря на это, представляется несомненной недостаточность указанной группы источников для объективной реконструкции институтов государственности и права Монголии за столь значительный временной период.

Во-вторых, эти письменные памятники, представляющие собой обобщающие кодификации, отражают не столько реальные правоотношения, сколько идеализированное представление самих законодателей о том, какими эти отношения должны были бы стать в результате применения и соблюдения норм, содержащихся в данных сводах законов. Таким образом, при их изучении и попытках перенести их нормы на правовые реалии Монголии XVI–XIX вв. возникает проблема, над которой давно уже размышляют правоведы: соотношение «писаного» и «живого» права — то есть законодательных сводов и реально складывающихся правоотношений, которые, как показывает практика, далеко не всегда и не во всем совпадают.

* © Р.Ю. Почекаев, 2021.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культуры имени Льва Толстого.

Именно поэтому, наряду с исследованием правовых сводов все чаще и чаще поднимается вопрос о необходимости привлечения других источников сведений о государственности и праве Монголии, в том числе неюридических, но отражающих реальные властные и правовые отношения в тот или иной период, либо же отношение к государству и праву со стороны различных групп населения.

К числу правовых источников следует отнести акты правоприменительной практики — распоряжения административных органов и должностных лиц по вопросам управления и других сфер правовых отношений, а также судебные решения по отдельным делам гражданского и уголовного характера. Такие документы периодически вводятся в научный оборот [Носов, Почекаев 2015; Носов, Почекаев 2017; Попов 2016; Попов 2017], и их изучение позволяет ответить на целый ряд вопросов о том, насколько применимы и эффективны были вышеперечисленные кодификации при разрешении конкретных правозначимых проблем. Однако специфика этих документов обуславливает обращение к ним весьма небольшого круга специалистов, что, конечно же, снижает темпы их введения в научный оборот.

Не меньший интерес представляют неюридические источники сведений о традиционной государственности и праве монголов. Во-первых, это исторические хроники и сочинения, то есть традиционная монгольская историография, которая отражает и правовую идеологию монголов в тот или иной исторический период [Базарова 2006; Цендина 2007]. Во-вторых, это произведения народного творчества, в которых находит выражение отношение монгольского населения к разным сторонам государственной и правовой жизни, к органам управления и суда и проч. Благодаря усилиям ряда специалистов в научный оборот вводятся такие ценные источники подобного рода, как монгольские пословицы и поговорки, в том числе социально-политического и правового характера [Кульганек 2017], а также сказки, в которых нередко присутствуют правовые сюжеты, также отражающие отношение простого населения к правовым реалиям в своей повседневной жизни [Носов 2015; Носов, Сэцэнбат 2020].

Наконец, еще одним ценнейшим источником сведений о традиционной монгольской государственности и праве являются записки иностранных путешественников, которые сами побывали в Монголии в тот или иной исторический период и, соответственно, либо наблюдали реальные правоотношения, либо даже сами становились их участниками. В настоящем исследовании предпринимается попытка показать ценность записок русских путешественников, побывавших в разных регионах Монголии в XVII – начале XX в. и зафиксировавших различные стороны государственных и правовых отношений у монголов¹.

Ценность этих записок объясняется, во-первых, объективностью самих авторов, которые, не будучи (в большинстве случаев) ни носителями местной традиционной культуры, ни приближенными монгольских правителей, не были заинтересованы в

¹ Речь пойдет именно о монгольских государствах и регионах — Халхе, Внутренней Монголии и Джунгарском ханстве, при этом не будут анализироваться результаты путешествий русских современников к другим монгольским народам, в частности, к бурятам и калмыкам, что, надеемся, станет предметом отдельного нашего исследования.

отражении официальной позиции властей Монголии или империи Цин при описании государственных и правовых реалий, в преувеличении роли религии в жизни государства и общества и проч. Во-вторых, являясь представителями российской (т. е., по сути, европейской) системы ценностей, в том числе и в правовой сфере, путешественники описывали монгольские государственные и правовые отношения в понятиях и категориях, доступных для понимания читателям — как их современникам, так и современным исследователям, также не всегда хорошо знакомым со спецификой традиционной монгольской государственности и права. Наконец, в-третьих, имея дело с «живым» правом, путешественники отражали именно те его нормы и принципы, которые имели реальное применение, тем самым дополняя сведения вышеупомянутых, пока еще немногочисленных, документов юридической практики, введенных в оборот. Поэтому записки российских путешественников могут представлять большой интерес для самых разных исследователей проблем истории монгольского государства и права — как историков-востоковедов, так и правоведов, этнографов и культурологов.

За рассматриваемый период Монголию (с начала XVII в., когда впервые были установлены контакты московских властей с монгольскими правителями, и до начала XX в., когда была провозглашена монгольская автономия) посетили сотни, если не тысячи российских путешественников — дипломатов и торговцев, военных разведчиков и ученых, журналистов и даже «экстремальных» туристов. Значительная часть их оставила по итогам своих поездок записки, посвященные различным сторонам жизни монголов. Изучение записок российских путешественников по Монголии имеет давнюю и хорошо развитую традицию в отечественной историографии: современные исследователи изучают жизнь и деятельность как отдельных авторов записок (см. напр.: [Кульганек 2015; Юсупова 2016; Кульганек 2017; Каменецкий 2018; Ковалевский 2020; Васильев 2021]), так и целых их категорий [Слесарчук 2013; Бойкова 2014; Российские экспедиции 2013]. Это существенно облегчает исследование этих исторических памятников как источников по истории монгольской государственности и права.

Из сотен российских путешественников, оставивших записки о Монголии, пожалуй, около 150 авторов в той или иной мере затрагивали вопросы, связанные с государством и правом монгольских народов, регионов и государств. Конечно, эти сведения совершенно неравномерны: одни авторы целенаправленно описывали государственные и правовые реалии Монголии, другие затрагивали их в контексте общего описания, уделяя разное внимание различным сторонам правоотношений (административным, гражданско-правовым, семейным, уголовным, судебным и проч.). Тем не менее, полагаем, все они в равной степени представляют интерес для исследователей, поскольку могут быть использованы и в качестве дополняющих друг друга, и для верификации — проверки сведений одних авторов путем сравнения их со сведениями других.

Безусловно, каждый автор записок был уникален, поскольку имел определенное происхождение и уровень образования, занимал конкретное положение в обществе, обладал собственными воззрениями и ценностными ориентациями. Тем не

менее можно вывести некоторые общие тенденции, характерные для различных групп путешественников, посетивших Монголию и уделивших внимание ее государственным и правовым реалиям.

Многочисленные дипломаты — сначала Московского царства, а потом и Российской империи, — побывавшие в Монголии с 1610-х до 1910-х гг. (представители дипломатических миссий, а с 1860-х гг. — также и консульские служащие), естественно, уделяли наибольшее внимание тем аспектам, которые могли помочь им самим и последующим дипломатическим представителям в выстраивании отношений с монгольскими властями и населением. Поэтому наиболее объективны их сведения о статусе различных монгольских представителей власти, обращении с иностранными дипломатами (включая их материальное обеспечение и охрану). После попадания Монголии в зависимость от империи Цин дипломаты также стали уделять значительное внимание особенностям взаимоотношений монгольских правителей с представителями маньчжурской администрации, полномочиям монгольских монархов и сановников во внешнеполитической сфере и проч.

Естественно, по мере укрепления дипломатических отношений с монгольскими ханствами сведения дипломатов о государственности и праве монголов становились все более детализированными и профессиональными. Если московские послы XVII в. еще были уверены, что монголы исповедовали ислам, и даже при подписании договоров пытались заставить монгольских правителей клясться на Коране [Русско-монгольские отношения 1959, с. 64, 219], то их коллеги в XVIII и, тем более, XIX в. давали широкую панораму властных и правовых отношений, отражая специфику отношений светских и духовных (буддийских) властей, соотношение элементов монгольского и маньчжурского права в регулировании различных сфер правоотношений и проч. Особенно ценными представляются сведения дипломатов о Джунгарском ханстве в XVIII в.: именно благодаря запискам русских путешественников (послов, курьеров, торговцев) мы можем составить впечатление о серьезных реформах ойратских монархов 1720–1740-х гг. в сфере власти, управления, социально-экономического развития и международных отношений, которые не нашли столь существенного отражения в других источниках [Почекаев 2019].

Надо сказать, что состав российских дипломатических представителей, направлявшихся с миссиями в Монголию, был весьма неоднороден, так что объем и содержание сведений о монгольских государственных и правовых реалиях во многом зависели от личных качеств и подготовки дипломатов. Так, первые контакты с монгольскими правителями устанавливали «региональные дипломаты» — представители сибирской администрации Московского царства, естественно, не обладавшие ни специальной подготовкой, ни знаниями, ни даже четкими инструкциями; неудивительно, что их сведения о государстве и праве монголов носили отрывочный характер и чаще всего представляли результат лапидарных личных наблюдений и впечатлений. Если же речь шла о послах, направлявшихся в Монголию непосредственно по распоряжению центральных московских властей (таких, как Д.Д. Аршинский, Я.О. Тухачевский, Ф.И. Байков и др.), то их сведения не в пример подробнее и выстроены более логично. С конца XVII в. российские

монархи практикуют привлечение на свою дипломатическую службу иностранных специалистов, поэтому, несмотря на иностранное происхождение, можно отнести к российским дипломатам-путешественникам таких известных деятелей как Н.Г. Спафарий, Э. Идес, С. Владиславич-Рагузинский, Д. Белл и др.: в их записках нашли отражение реалии, сведения о которых собирались для российских властей, но с учетом особенностей западного подхода к их сбору и изучению (о чем будет подробнее сказано в заключении нашего исследования).

В XVIII в. ситуация с составом российских дипломатов оставалась во многом сходной с ситуацией в предыдущем столетии: в Монголию и Китай через монгольские владения отправлялись как высокопоставленные и хорошо подготовленные послы Л. Измайлов, И. С. Унковский и др., так и простые военнослужащие в чине сержантов или младших офицеров (Д. Ильин, Подзоров, С. Соболев, И.В. Якоби и др.). Однако в некоторых случаях официальный статус не всегда отражал уровень подготовки того или иного дипломата — например В. Ф. Братищев, направлявшийся в Пекин в качестве простого дипломатического курьера, имел фундаментальную востоковедную подготовку и обширный предшествующий опыт участия в международных отношениях. Неудивительно, что его записки о Монголии существенно отличались от сведений, которые предоставляли другие курьеры [Русско-китайские отношения 2011, с. 198–203, 331–348; Саркисова 2011].

Еще одной специфической группой российских путешественников в Монголии (преимущественно в Джунгарском ханстве) с первой половины XVIII в. стали купцы, периодически приезжавшие для ведения торговых операций в монгольских землях или бывавшие проездом через них в Китай. По вполне понятным причинам они отражали в своих записках систему налогов и сборов, особенности регулирования торговых отношений, включая правовые возможности взыскания долгов и привлечения к ответственности за неисполнение обязательств. Однако нередко в их записках присутствовали и сведения более специфического характера — об отношениях центральной власти с улусными правителями, правовой статус вассалов Джунгарского ханства и т. д. И это неудивительно, ведь нередко эти торговцы были фактически «агентами под прикрытием» и под предлогом торговых операций собирали разведочную информацию [Каменецкий 2013; Березницкий 2017].

С XVIII в. наряду с дипломатами и торговцами в Монголии стали бывать многочисленные ученые. Первые из них были преимущественно иностранного происхождения (П.С. Паллас, И.Г. Георги, И.П. Фальк, Ю. Клапрот и др.), причем некоторые из них даже потом возвращались на родину. Начиная с XIX в. в дальнейшем сведения интересующего нас характера собирали выдающиеся ученые из числа российских подданных (русские, поляки, финны) — О.М. Ковалевский, Н.М. Пржевальский, Г. Фритше, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, В.И. Роборовский, П.К. Козлов, Д.А. Клеменц и др. В отличие от дипломатов, они обращали внимание на государственные и правовые реалии не только в чисто практическом отношении, но и с научно-исследовательской (преимущественно культурологической и этнографической) точки зрения, поэтому их сведения были гораздо более разносторонними и детализиро-

ванными — за счет более широкого круга местных информаторов, чем могли себе позволить дипломатические представители.

Говоря об ученых, посетивших Монголию, целесообразно выделить их особую категорию — представителей самих же монгольских народов, побывавших в Монголии и прилегающих странах и регионах. Среди них, пожалуй, наиболее известны имена А. Доржиева, П.А. Бадмаева, Г.Ц. Цыбикова. Ц.Ж. Жамцарано, Б. Барадийна, О. Норзунова и др. (см., напр.: [Гармаев 2005]). Спецификой их деятельности в Монголии было то, что они, с одной стороны, приезжая туда по поручению российских властей или научных учреждений, сами обладали соответствующей подготовкой, с другой же, были носителями системы ценностей, близкой к той, которую разделяли жители Монголии. Монголы были с ними более откровенны как со «своими», и в результате они имели возможность в ряде случаев получить более подробные, а иногда даже и уникальные сведения о государственности и праве.

С начала XIX в. значительный вклад в монголоведение стали вносить миссионеры — участники духовных миссий, с середины XVIII в. регулярно ведших работу в Пекине и на территории империи Цин в целом, а примерно век спустя — и непосредственно на территории Монголии. Наряду с выдающимися именами Н.Я. Бичурина (о. Иакинф) и П.И. Кафарова (о. Палладий) интересные наблюдения касательно государственности и права Монголии оставили, в частности, священники И. Никольский и Я.П. Дубрѳва. По понятным причинам они интересовались не только вопросами политического устройства, системы налогов и сборов, но также и статусом буддийского духовенства, семейными отношениями и т. п. Отметим, что авторы интереснейших записок о путешествиях по Монголии (также включающих сведения политико-правового характера) А.В. Игумнов, Е.Ф. Тимковский, М.В. Ладыженский, Е.П. Ковалевский, В.П. Васильев получили возможность побывать в Монголии именно в качестве сопровождающих православные духовные миссии в Пекин (см., напр.: [Мароши 2015; Корниенко 2018]).

Во второй половине XIX – начале XX в. круг российских путешественников в Монголии пополнился многочисленными военными исследователями (фактически — разведчиками) и предпринимателями, ставшими постоянными представителями российских фирм в Монголии.

Стоит отметить, что порой довольно сложно провести границу между экспедициями научного, военного и торгового значения. Практически все они включали представителей военного ведомства, которые придавались и ученым, и торговцам как для охраны, так и для получения данных, интересующих Военное министерство. Так, например, в состав научной экспедиции Г.Н. Потанина 1879–1880 гг. входила группа военных топографов во главе с капитаном П.Д. Орловым, а торговую экспедицию в Монголию 1910 г. возглавлял полковник В.Л. Попов. Более того, ряд экспедиций, получивших важные научные результаты в области географии, геологии, биологии и проч., направлялся не только Императорским Русским географическим обществом, но и Главным штабом. Именно среди руководителей таких экспедиций были выдающиеся военные исследователи-монголоведы Н.П. Пржевальский, М.В. Певцов, П.К. Козлов и др. [Кузьмин 2002; Андреев 2012, с. 20; Бойкова 2014, с. 11–12].

Среди представителей предпринимательских кругов, активно посещавших Монголию на рубеже XIX–XX вв., также было немало тех, кто не ограничивался исследованием исключительно перспектив сбыта русских товаров монголам и приобретения местной продукции для торговли в России. Вполне объяснимо, что торговцев и промышленников интересовали вопросы правового характера — в частности, система налогов, сборов и повинностей, регулирование торговой деятельности, привлечение к ответственности за неисполнение договоров. Тем не менее, как и военные исследователи, многие из русских торговцев в Монголии не ограничивались сбором узко профессиональной информации и уделяли внимание также более широкому кругу вопросов политико-правового характера [Старцев 2012]. Более того, среди предпринимателей было немало лиц, сотрудничавших с российскими научными обществами — можно назвать, например, предпринимателей М.Д. Бутина и А.И. Воробьева, активно взаимодействовавших с Восточно-Сибирским отделением Императорского Русского географического общества [Единархова 2000]. А еще один выходец из торговых кругов, А.В. Бурдуков, поначалу лишь также взаимодействовавший с научным сообществом, со временем сам стал признанным ученым-монголоведом [Кульганек 2013].

Таким образом, в распоряжении современных исследователей имеются записки многочисленных российских путешественников, посетивших Монголию в XVII – начале XX в., принадлежавших к дипломатическим, научным, торговым, военным кругам и обращавших внимание на самые разные стороны государственной и правовой жизни монголов на различных этапах их истории. Несомненно, изучение их сведений позволяет существенно расширить наши представления не только о системе государственного устройства и правовой системе дореволюционной Монголии, но и об особенностях реально складывавшихся отношений в сфере власти, управления, правового регулирования и судебного процесса.

И в заключение хотелось бы обратить внимание еще на один момент, принципиально важный при изучении записок российских путешественников как источника сведений о монгольской государственности и праве. Наряду с российскими подданными Монголию в рассматриваемый период посетило также и большое число иностранцев — англичан, французов, американцев, скандинавов и др., также оставивших записки о своих поездках, в которых тоже нередко зафиксированы государственные и правовые реалии. Среди них также были дипломаты и ученые, миссионеры и туристы. Однако, несмотря на совпадение в ряде случаев фактических сведений российских и западных авторов, нельзя не обратить внимание на принципиальное расхождение в подаче ими материала. Для выходцев с «цивилизованного» Запада монгольская государственность и право представлялись скорее набором курьезов, свидетельствующих об отсталости (с европоцентристской точки зрения) монголов и возможностях для соответствующих стран установить над ними экономический, а в ряде ситуаций — и политический контроль. Поэтому нередко европейцы и американцы специально сосредотачивались на наиболее «экзотических» примерах государственных и правовых отношений у монголов, чтобы их позиция выглядела более убедительной.

Для российских же путешественников монгольская государственность и право были не чем-то экзотическим, а объективной реальностью. В отличие от европейцев и американцев, рассматривавших Монголию как далекую и экзотическую страну, русские в течение веков воспринимали монголов как своих ближайших соседей, с которыми они выстраивали дипломатические и экономические отношения на взаимовыгодной основе. Именно поэтому, обращая внимание на особенности монгольской государственности и права, они делали упор не на «курьезности» и «отсталости», а на их реальной применимости и эффективности — ведь именно знание этих реалий и позволяло выстраивать полноценные отношения с монгольскими правителями и населением по различным направлениям международного сотрудничества.

Таким образом, во многом именно путешественниками XVII – начала XX были заложены традиции многовекторного взаимодействия России и Монголии, новый этап которых начался столетие назад, в 1921 г.

Литература

Андреев 2012: *Андреев А.И.* Русские экспедиции в Центральную Азию: организация и снаряжение (1870–1920-е гг.) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб., 2012. С. 19–35.

Базарова 2006: *Базарова Б.З.* Монгольские летописи — памятники культуры. М., 2006. 368 с.

Березницкий 2017: *Березницкий С.В.* Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII в. СПб., 2017. 266 с.

Бойкова 2014: *Бойкова Е.В.* Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2014. 264 с.

Васильев 2021: Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань, 2021. 320 с.

Гармаев 2005: *Гармаев Ж.А.* Изучение истории и культуры Монголии и Тибета бурятскими учеными-путешественниками (кон. XIX – нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 191 с.

Гурлянд 1904: *Гурлянд Я.И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904. 112 с.

Дугарова 2016: *Дугарова С.Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.). Улан-Удэ, 2016. 332 с.

Единархова 2000: *Единархова Н.* Монголия и монголы в изданиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1860–1880-е годы) // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 138–155.

Каменецкий 2013: *Каменецкий И.П.* Секретная миссия купца А. Верхотурова: к вопросу об организации русской разведки в Джунгарии в середине XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 24–28.

Каменецкий 2018: *Каменецкий И.П.* Посольство дворянина Я. Тухачевского к Алтын-хану: старое и новое в русской посольской практике XVII в. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1(14). С. 165–172.

Ковалевский 2020: *Валеев Р.М., Жуков В.Ю., Кульганек И.В., Мартынов Д.Е., Полянская О.Н.* Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов). СПб.; Казань, 2020. 440 с.

Корниенко 2018: *Корниенко Н.Н.* Миссионерская деятельность русской православной церкви в Монголии (вторая половина XIX – 2010-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2018. 294 с.

Кузьмин 2002: *Кузьмин Ю.В.* Экспедиции российских военных в Монголию и Китай в начале XX в. // Человек и природа в истории России XVII–XXI веков: Вторые Щаповские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 8 октября 2002 г. Иркутск, 2002. С. 100–105.

Кульганек 2013: *Кульганек И.В.* А.В. Бурдуков, монголовед трудной и интересной судьбы // *Mongolica-XI*: Сб. ст. СПб., 2013. С. 6–10.

Кульганек 2015: *Кульганек И.В.* Иван Михайлович Майский (Ян Ляховецкий) (1884–1975) на службе монголистики и Отечества // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Кн. 5. Улан-Батор; Иркутск, 2015. С. 359–364.

Кульганек 2017: *Кульганек И.В.* А.В. Бурдуков (1883–1943) в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: Материалы II Междунар. науч. конф., 21–22 апреля 2015 г., Улан-Батор. СПб.; Улан-Батор, 2017. С. 133–140.

Леонтович 1879: *Леонтович Ф.И.* К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. XXVIII. 1879. Прил. С. 1–282.

Мароши 2015: *Мароши В.В.* «Записки...» о. Иакинфа Бичурина и Е.Ф. Тимковского как первые травелоги русских путешественников о Монголии // Русский травелог XVIII–XX веков / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск, 2015. С. 48–70.

Насилов 2002: Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / Пер. с монг., коммент. и исслед. А.Д. Насилова. СПб., 2002. 160 с.

Носов 2015: *Носов Д.А.* Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН / Пред., транскр., пер. с монг., прим. // Письменные памятники Востока. 2015. № 1(22). С. 5–11.

Носов, Почекаев 2015: *Носов Д.А., Почекаев Р.Ю.* Рукопись Ц.Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» — источник по истории монгольского права // Б.Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX века: Сборник статей: Материалы российско-монгольской науч. конф. 6–8 октября 2014 г. Санкт-Петербург. СПб.; Улан-Батор, 2015. С. 146–153.

Носов, Почекаев 2017: *Носов Д.А., Почекаев Р.Ю.* Выписки из законоуложений как отражение правового развития Монголии XIX – начала XX в. (По материалам рукописной коллекции ИВР РАН) // Культурное наследие монголов: коллекции ру-

кописей и архивных документов. Материалы II Междунар. науч. конф., 21–22 апреля 2015 г., Улан-Батор. СПб.; Улан-Батор, 2017. С. 147–153.

Носов, Сэцэнбат 2020: *Носов Д.А., Сэцэнбат*. Сказки о Мастере-Аргачи на просторах Центральной Азии // *Mongolica*. Т. XXIII. 2020. № 2. С. 76–81.

Попов 2016: *Попов А.В.* Два монгольских официальных документа XIX в. // З.К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию российского монголоведа З.К. Касьяненко. 30 сентября – 1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург. СПб.; Улан-Батор, 2016. С. 103–119.

Попов 2017: *Попов А.В.* Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях // *Mongolica-XVIII*: Сб. ст. СПб., 2017. С. 49–61.

Почекаев 2019: *Почекаев Р.Ю.* Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. // *Oriental Studies*. 2019. Т. 41. № 1. С. 28–40.

Пюрбеев 2012: *Пюрбеев Г.Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джигурм». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга, 2012. 270 с.

Российские экспедиции 2013: Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг. / Отв. ред. А.И. Андреев. СПб., 2013. 332 с.

Русско-китайские отношения 2011: Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. VI. 1752–1765 / Ред. В.С. Мясников, Г.И. Саркисова. М., 2011. 429 с.

Русско-монгольские отношения 1959: Русско-монгольские отношения 1607–1636 / Сост. Л.М. Гатаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1959. 352 с.

Рязановский 1931: *Рязановский В.А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931. 306 + 42 с.

Саркисова 2011: *Саркисова И.Г. В.Ф.* Братищев и его миссия в Пекин в 1757 году // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. VI. 1752–1765 / Ред. В.С. Мясников, Г.И. Саркисова. М., 2011. С. 349–363.

Слесарчук 2013: *Слесарчук Г.И.* Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013. 220 с.

Старцев 2012: *Старцев А.В.* Участие российских предпринимателей в изучении Монголии во второй половине XIX – начале XX в. // VII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица: Статьи и материалы междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 16 ноября 2012 г. Барнаул, 2012. С. 20–24.

Цендина 2007: *Цендина А.Д.* Монгольские летописи XVII–XIX веков. Повествовательные традиции. М., 2007. 272 с.

Юсупова 2016: *Юсупова Т.И.* Путешествие как образ жизни: исследователь Центральной Азии П.К. Козлов. СПб., 2016. 164 с.

АРХИТЕКТОРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО БУДДИЙСКОГО ХРАМА «ДАЦАН ГУНЗЭЧОЙНЭЙ» *

Немало культовых построек, включая иноверческие (неправославные), возведены или перестроены в Петербурге (и не только в нем) по проектам выпускников и (или) преподавателей Института гражданских инженеров императора Николая I (ИГИ, ныне Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет — СПбГАСУ). К примеру, Немецкую лютеранскую церковь при Евангелической женской больнице построили в 1869–1871 гг. выпускник Строительного училища (СУ — прежнее название ИГИ) Р.Б. Бернгард и преподаватель СУ О.Г. фон Гиппиус. Инженерную реконструкцию Немецкой лютеранской церкви Св. Петра (Петрикирхе) в 1882–1883 гг. осуществил Р.Б. Бернгард (совм. с А.И. Кракау и И.А. Стефаницем). Большая хоральная синагога построена в 1883–1893 гг. по проекту 1880 г. преподавателя ИГИ И.И. Шапошникова (совм. с Л.И. Бахманом), Соборная мечеть — в 1910–1920 гг. по проекту выпускника ИГИ Н.В. Васильева при участии выпускника того же института С.С. Кричинского и преподавателя ИГИ А.И. фон Гогена.

В том же ряду стоит и Санкт-Петербургский буддийский храм «Дацан Гунзэ-чойнэй». Его создателями стали четыре архитектора, чьи фамилии по случайному совпадению начинаются с той же буквы, что и слово «буддизм»: Н.М. Березовский, К.В. Бальди, Г.В. Барановский и Р.А. Берзен, а реставрацию храма после Гражданской войны осуществил С.С. Кричинский. Все пятеро имели самое прямое отношение к Институту гражданских инженеров как его выпускники и (или) преподаватели. Ниже представим каждого из них, но сначала несколько слов о строительстве самого дацана.

Буддийский храм в Петербурге (Приморский пр., 91; 1909–1915 гг.) построен по инициативе бурятского буддийского ученого, дипломата, религиозного, государственного и общественного деятеля России, Тибета и Монголии Агвана Доржиева (1853–1938). 16 марта 1909 г. он приобрел участок земли в Старой Деревне, вскоре создал специальный Комитет по наблюдению за ходом работ по возведению буддийского храма (Строительный комитет) из трех ученых-востоковедов — Ф.И. Щербатского, В.Л. Котвича и А.Д. Руднева. В июне того же года Комитет был расширен до девяти человек: в него вошли востоковеды — ординарные академики Петербургской академии наук В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург и камергер Высочайшего двора кн. Э.Э. Ухтомский, а также художники Н.К. Рерих и В.П. Шнейдер и архитектор Г.В. Барановский.

В качестве автора архитектурного проекта буддийского храма С.Ф. Ольденбург порекомендовал А. Доржиеву студента ИГИ Н.М. Березовского, которого знал благодаря его участию в качестве художника («рисовальщика») [Попова 2008а, с. 31] в

* © В.Ю. Жуков, 2021.

экспедиции 1905–1907 гг. в Кучарский оазис Восточного (Китайского) Туркестана. Экспедицией, организованной Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, руководил его двоюродный брат — путешественник-натуралист, зоолог, орнитолог, археолог и этнограф Михаил Михайлович Березовский (1848–1912). Николай Матвеевич Березовский в экспедиции занимался изготовлением калек и копий с фресок. О своей работе двоюродные братья Березовские сообщали в письмах С.Ф. Ольденбургу. Они собрали и привезли кальки и акварельные рисунки со стеной росписи древних буддийских монастырей и 1876 фрагментов рукописей на санскрите, уйгурском, китайском и других языках [Попова 2008б, с. 11]. По возвращении из экспедиции Н.М. Березовский выполнил много графических работ для Академии наук. За исполнение копий рисунков он, по предложению С.Ф. Ольденбурга, был награжден [Назирова 1986, с. 25, 26].

Николай Матвеевич Березовский (3(15).12.1879 – 8.04.1941¹) — гражданский инженер (архитектор), путешественник, педагог. Выпускник архитектурного отделения ИГИ 1916 г. по 2-му разряду (единственный из 50 выпускников этого отделения: остальные 49 окончили по 1-му разряду). Автор первоначального эскизного проекта (1909 г.) буддийского храма в Петербурге [Андреев 1995, с. 44, 45; Архитекторы-строители... 1996, с. 44]. Участник Первой мировой войны и несостоявшегося похода Красной Армии в Индию в годы Гражданской войны. Член Свердловской организации Союза архитекторов РСФСР (СО СА) с 1936 г. Выбыл из СО СА по инвалидности в январе 1941 г. [Бандровская 2003].

Получил образование в Приюте принца Петра Георгиевича Ольденбургского (приравнивался к реальным училищам Министерства народного просвещения). Поступил в ИГИ в 1902 г. Учился 14 лет, ряд лет в Отчетах о личном составе и учебных занятиях ИГИ не значится, в том числе за 1914/1915 и 1915/1916 уч. гг. [ИГИ 1916, с. 84].

Заклячая договор со студентом, Доржиев, по-видимому, рассчитывал, что его работа обойдется дешевле. Проект буддийского храма и жилого дома при нем под руководством самого А. Доржиева был составлен Н.М. Березовским в короткий срок, устроил Доржиева и Строительный комитет из консультировавших его востоковедов, 15 апреля 1909 г. утвержден Строительным отделением Губернского правления. Строительство храма началось в конце апреля 1909 г. и велось высокими темпами. Уже к середине мая были возведены фундамент и часть цоколя. Поскольку составитель проекта студент Березовский не имел законченного архитектурного образования (и права на ведение строительных работ), строительство буддийского храма в Петербурге в том же 1909 г. формально возглавил по просьбе А. Доржиева архитектор-художник и преподаватель ИГИ К.В. Бальди, а Березовский числился заведующим постройкой [Андреев 2004, с. 47].

Затем в мае 1909 г. последовало распоряжение градоначальника о приостановке строительных работ, чтобы проект студента Березовского (вероятно, по указанным

¹ Год смерти приводится в работах М.Д. Бухарина: [Бухарин 2014, с. 176 (примеч.); К истории изучения... 2014, с. 114 (примеч.)]. Дата содержится в Личном деле Н.М. Березовского, хранящемся в фондах Санкт-Петербургского дацана [Васильева, Филиных 2015].

выше причинам) был «пересоставлен» кем-то из профессиональных архитекторов, и выбор пал на Г.В. Барановского...

Шла Первая мировая война. По окончании ИГИ (1916 г.) Николай Матвеевич Березовский был мобилизован на фронт, где заведовал техническим отделом Управления начальника дорожных работ при 5-й армии, затем руководил организованными им Курсами инструкторов по постройке дорог в 1917–1918 гг. Разработал и опубликовал брошюру «Опыт учета работы по устройству грунтовых дорог простыми машинами».

После революции Н.М. Березовский был секретарем Союза изобретателей в Петрограде, организовал Владимирскую коммуну в Юкках (под Петроградом). Состоял на службе в Петроградском губсовдепе¹, участвовал в съезде Союза коммун Северной области². Работал помощником архитектора 3-го участка. Был председателем комитета бедноты дома № 80 по Обводному каналу.

В Гражданскую войну был вызван в 1919 г. Реввоенсоветом³ в Москву для организации экспедиции ТАИ (Туркестан, Афганистан, Индия). Организовал ее (по-видимому, один из отрядов несостоявшейся Афгано-Индийской экспедиции, или «Индийского похода Красной Армии», готовившегося в 1919–1921 гг.) и выехал с ней. Но в связи с наступлением войск Н.Н. Юденича экспедиция была расформирована в Самаре, а Березовский — возвращен в Петроград по месту прежней службы.

В 1920 г. Николай Матвеевич был направлен для изыскания и постройки Великого Северного пути⁴, работал там заместителем главного инженера «Северостройки». С середины 1920-х гг. жил и трудился на Урале, в Свердловске (до 1924 и с 1991 г. — Екатеринбург). В период индустриализации участник (архитектор-проектировщик) ряда строек промышленных гигантов цветной металлургии на Урале. В 1930-е гг. работал архитектором в созданном в январе 1932 г. в Свердловске Северном государственном институте по проектированию предприятий

¹ *Губсовдеп* — губернский Совет рабочих и красноармейских депутатов.

² *Союз коммун Северной области* (Северная область, Северная коммуна) — областное объединение Советов, возникшее после переезда центральных, партийных, и советских органов из Петрограда в Москву. Существовало в РСФСР с мая 1918 по февраль 1919 г.

³ *Реввоенсовет* (РВС) — Революционный Военный Совет Республики (РВСР), высший коллегиальный орган управления и политического руководства Вооруженными силами РСФСР (1918–1923) и СССР (1924–1934).

⁴ Имеется в виду Великий Северный железнодорожный путь — общее название многочисленных вариантов неосуществленного проекта железной дороги, соединяющей берег Баренцева моря с водными магистралями Западной Сибири с дальнейшим продолжением на восток до Татарского пролива. Проект возник в начале XX в. Название Великий Северный железнодорожный путь появилось в 1918 г., с 1928 по декабрь 1931 г. являлось единственным официальным при обсуждении проектов будущей дороги, проходящей по Северу СССР и соединяющей три океана — Северный Ледовитый, Атлантический и Тихий. Затем происходит отказ от проекта Великого Северного железнодорожного пути в пользу освоения восточной части Севморпути — Северного морского пути, или Северного морского коридора (восточнее Карского моря).

цветной и золото-платиновой промышленности «Севгипроцветмет» Наркомата тяжелой промышленности СССР¹.

Он автор проекта и руководитель оформления Свердловска к Первомаю (1933), разработал проект и руководил постройкой здания управления Уральского областного дорожного транспортного треста «Уралоблдортранс»² в Свердловске, разработал проект и руководил постройкой деревянного театра и эстакады в г. Ревда Свердловской области, построил по собственному проекту коттедж для РЖСКТ (Рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество) Опутстрой³. Составитель генерального плана строительства Среднеуральского медеплавильного комбината (Средуралмедькомбинат — СУМК) в г. Ревда⁴, перестроил (в соавторстве) Ветеринарный институт в г. Троицке Челябинской области⁵, проектировал здание гидростанции для Невьянского механического завода (ныне Невьянский машиностроительный завод) в г. Невьянске Свердловской области. За участие в конкурсном проекте фасада Свердловской электростанции им. А.И. Рыкова в 1934 г. получил половину суммы 1-й и 2-й премий [Бандровская 2003].

Читал лекции для строительных десятников (бригадиров) Союза строителей в 1924 г. и для кирпичных мастеров при Уральском строительном управлении. В первой половине 1930-х гг. два года заведовал рисовальным классом при Уральском строительном институте, преподавал в нем. Преподавал до конца жизни на строительном факультете Уральского строительного института им. С.М. Кирова⁶ в Свердловске. Умер и похоронен в этом городе [Васильева, Филиных 2015; Жуков 2017a].

¹ С сентября 1939 г. — Государственный институт по проектированию предприятий меднорудной промышленности «Гипромедьруда» Наркомата (с 1946 г. Министерства) цветной металлургии СССР (1939–1947), с 1947 по 2004 г. — Уральский научно-исследовательский и проектный институт медной промышленности «Унипромедь» (подчинение неоднократно менялось), с июля 2004 г. — ЗАО «Горный проектно-строительный центр». Институт занимался выполнением научно-исследовательских и проектных работ в области горного дела, обогащения, металлургии меди и подводных разработок.

² Название в 1930–1938 гг., затем неоднократно менялось, ныне — АО «Свердловскавтодор».

³ *Опутстрой* — вероятно, Областное управление железнодорожного строительства.

⁴ Решение о строительстве крупного медеплавильного комбината на базе Дегтярского месторождения медистых пиритов между Ревдой и Первоуральском было принято в 1931 г. В 1939 г. СУМК переименован в Среднеуральский медеплавильный завод (Средуралмедьзавод — СУМЗ). 25 июня 1940 г. запущен в эксплуатацию медеплавильный цех завода. Эта дата считается днем рождения предприятия.

⁵ Создан в декабре 1929 г. как ветеринарный факультет при Пермском госуниверситете, в 1930 г. переехал в г. Троицк Челябинской обл. как самостоятельный институт, первоначально размещавшийся в разных зданиях. С середины 2015 г. Институт ветеринарной медицины в Троицке наряду с двумя другими профильными вузами вошел в состав единого Южно-Уральского государственного аграрного университета в качестве факультета ветеринарной медицины.

⁶ В 1934 г. 7 из 10 вузов, образованных в 1930 г. на базе Уральского политехнического института (УПИ), были вновь объединены в Уральский индустриальный институт (УИИ, с 17 декабря 1934 г. — УИИ им. С.М. Кирова), в состав которого входил строительный факультет. В июне 2010 г. преобразован в Уральский федеральный университет (УрФУ) имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Карл Валериевич (иногда **Валерианович**) **Бальди** (29.01 (10.02) 1861 – 22.02.1921) — архитектор-художник. Выпускник Петербургской академии художеств (1884–1892). В 1888 г. окончил курс наук; в 1891 г. получил 2-ю Серебряную медаль; 14 марта 1892 г. — звание классного художника III степени за «Проект биржи на площади», 4 ноября 1894 г. — звание классного художника II степени. Служил в Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел (ТСК МВД) в 1896–1903 гг., в Городской управе. Преподавал в ИГИ.

Автор около двух десятков зданий в Петербурге в стилях эклектика и модерн, в основном доходных домов, строил также дачи в окрестностях столицы. В 1907 г. возвел собственный доходный дом на 9-й линии В.О., 72. В 1909 г. формально возглавил по просьбе Агвана Доржиева строительство буддийского храма в Петербурге. Во время описываемых событий завершал строительство доходного дома Ф.И. Танского (Дом с фонтаном) на Большой Дворянской ул. (с 1918 г. — 1-я ул. Деревенской бедноты, с 1935 г. — ул. Куйбышева), 21 (1909–1912 гг.).

Постройки К.В. Бальди в Петербурге¹

- Доходный дом. Зверинская ул., 32 (1899 г.);
- доходный дом А. В. Макаровой. Пр. Добролюбова, 15 (1901 г.);
- дом М.Е. Зенкевич. Фурштатская ул., 28 (1901 г.);
- доходный дом Н.И. Цылова. Ул. Маяковского, 18. *Перестройка* (1901 г.);
- доходный дом. Пр. Добролюбова, 13 (1902 г.);
- доходный дом купца Пономарева – Школа им. Достоевского. Старо-Петергофский пр., 19 / Курляндская ул., 33. *Перестройка* (1903 г.);
- доходный дом О.Н. Эдельгауз. 2-я Советская ул., 12 / 3-я Советская ул., 11 (1903–1904 гг.);
- дом обер-полицмейстера – Центральная телефонная станция. Большая Морская ул., 22. *Перестройка* (1905 г.);
- доходный дом К.В. Бальди. 9-я линия В.О., 72 (1907 г.);
- доходный дом. Рижский пр., 4–6 (1908 г.);
- доходный дом Ф.И. Танского (Дом с фонтаном; ныне Стоматологический центр города). Ул. Куйбышева, 21 (1909–1912 г.);
- доходный дом О.Н. Эдельгауз. Шпалерная ул., 446 (1912 г.);
- доходный дом. Железноводская ул., 22 (1912–1913 гг.);
- доходный дом. Ул. Марата, 36–38 (1913 г.);
- доходный дом. 4-я Советская ул., 42. *Перестройка* (1914 г.).

Гавриил Васильевич Барановский (25.03(6.04).1860 – 28.06.1920) — гражданский инженер (архитектор), историк архитектуры, искусствовед, эксперт и консультант, педагог и издатель. Выдающийся петербургский зодчий и архитектурный деятель. Специалист по вопросам строительного законодательства и градостроительства. Представитель стилей эклектика и модерн. Выпускник 1885 г. и преподаватель ИГИ.

¹ Здесь и далее приведены современные адреса построек.

Член Совета по горнопромышленным делам при Министерстве земледелия и государственных имуществ (с 1904 г.). Член Строительного комитета по наблюдению за ходом работ по возведению буддийского храма (с 1909 г.). Член Петербургского общества архитекторов (ПОА) и Правления Общества гражданских инженеров (ОГИ). Ученик архитектора П.Ю. Сюзора (1844–1919), которого пережил лишь на год. Действительный статский советник (1907 г.).

Родился в Одессе в дворянской семье коллежского асессора Василия Ивановича Барановского. Мать — дочь подполковника Розалия Константиновна (урожд. Малиновская). После смерти мужа вторым браком была замужем за греческим поданным Диамантиди, но ко времени поступления Гавриила в вуз снова овдовела). У будущего архитектора были старшие брат Георгий (1855–?) и сестра Антонина (1858–?) и младший брат-погодок Марк (1861–?).

Первоначальное образование будущий архитектор получил в кишиневской гимназии и в последних классах (5-м и дополнительном 6-м) Одесского реального училища Св. Павла. В 1880 г. переехал в Петербург и поступил вольнослушателем на архитектурное отделение Петербургской академии художеств (АХ), но был отчислен по политическим мотивам («выражал симпатии <...> к идеям революционеров») и продолжил образование в Строительном училище (с 1882 г. — ИГИ), поступив 28 августа 1881 г. на II курс СУ. За время учебы показал отличные успехи. В 1883 и 1884 гг. Советом ИГИ ему присуждались награды за лучшие практические летние отчеты. Свою архитектурно-строительную практику (1883–1885 гг.) на старших курсах ИГИ начал помощником архитекторов Д.Д. Соколова и П.Ю. Сюзора. Окончил ИГИ в мае 1885 г. с правом на чин X класса (коллежский секретарь) и Серебряной медалью за архитектурные проекты.

По окончании вуза служил при ТСК МВД сначала техником, затем на других должностях (1885–1917 гг.). В 1886–1887 гг. был архитекторским помощником академика АХ, профессора архитектуры, архитектора Главного дворцового управления, преподавателя СУ / ИГИ Э.И. Жибера, в 1888 г. — помощником инженера-архитектора, выпускника СУ А.Ю. Новицкого при возведении им трех зданий больших мастерских на Балтийском судостроительном заводе (на Косой и Кожевенной линиях В.О.).

Сотрудник канцелярии благотворительного Ведомства учреждений императрицы Марии (ВУИМ) с 1891 г., автор проекта Глазной больницы в Петербурге, был ее архитектором в 1891–1896 гг. Одновременно читал в ИГИ курс «Строительное законоведение и составление смет» в 1897–1905 гг.

Первый его самостоятельный проект — Главная дворцовая канцелярия. С 1888 г. Г.В. Барановский — главный архитектор Балтийского судостроительного завода, с 1898 г. — всех предприятий купцов Елисеевых.

Сверхштатный (с 1902 г.), штатный (с 1907 г.) член ТСК МВД. Входил в состав редакции журнала ПОА «Зодчий». Редактор-издатель журнала «Наше жилище» (1894–1895 гг.) / «Строитель» (1895–1905 гг.), составитель «Юбилейного сборника сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища)» (СПб., 1893) и других изданий. Особое место

в его творческой биографии и в истории архитектуры занимает составленная им фундаментальная семитомная (в 8 книгах) «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века» (СПб., 1902–1908; репринт. переизд.: М., 2006). Этот свод архитектурных проектов, состоящий из графических таблиц, подробнейших изображений фасадов зданий, их фрагментов и деталей в планах, различных проекциях, перспективах и разрезах, включает более 5,5 тыс. объектов — лучших образцов отечественного и мирового зодчества своего времени, сгруппированных по типологическому признаку.

Как член ТСК МВД он много внимания уделял вопросам строительного законодательства и градостроительства. При его непосредственном участии в ТСК МВД составлялись новые редакции Устава строительного Российской империи (1888, 1891, 1893, 1900 гг.) с учетом требований Городовых положений 1870 и 1893 гг. и архитектурно-строительной практики того времени. По поручению министра внутренних дел А.А. Макарова составил проект нового Устава строительного (1911–1912 гг., поправки 1914 г.), но он не был принят. Участвовал в создании первого Генплана строительства г. Романова-на-Мурмане (с 1917 г. — Мурманск), основанного в 1916 г.

Автор сооружений в Москве, Нижнем Новгороде, Могилевской губернии, Эстляндии (северная часть Эстонии) и не менее 15 построек в Петербурге. Это доходные дома и особняки, комплекс торгового дома Товарищества «Братья Елисеевы», здание Русского географического общества (РГО), буддийский храм.

Барановский построил также на берегу Финского залива имение Елисеевых «Орро» (Тойла-Ору, Эстония) и собственную дачу в Финляндии — виллу Харппулинна (Harppulinna), или Нордиска-вилла, известную также как «Замок Арфа» в Келломяках (Kellomäki; с 1948 г. — пос. Комарово, с 1994 г. — в составе Курортного района Санкт-Петербурга). Вилла «Замок Арфа» возведена Барановским по собственному проекту на участке, приобретенном в 1905 г. Имела водопровод и была единственным в поселке домом с электрическим освещением (полностью уничтожена прямым попаданием снаряда в 1939 г.).

В конце 1880-х гг. женился на Екатерине Васильевне — дочери унтер-шталмейстера Высочайшего двора действительного статского советника Василия Васильевича Кобелева (который сопровождал императора Александра II в день смертельного покушения на него 1 марта 1881 г.) и его жены Дарьи Александровны Кобелевой (1840–1918). Имел сына Василия Гавриловича Барановского (1890–1945), который окончил Императорское училище правоведения в 1911 г.

Г. В. Барановский проживал в студенческие годы в Петербурге по адресу: 8-я Рота Измайловского полка (ныне 8-я Красноармейская ул.), 8, кв. 2; после женитьбы — на наб. р. Фонтанки, 66.

После революции 1917 г. Барановские остались на своей даче в Келломяках, после объявления независимости Финляндии в декабре 1917 г. — на финской территории. Там Гавриил Васильевич и скончался в возрасте 60 лет от паралича сердца. Похоронен 30 июня 1920 г. на келломякском православном кладбище,

могила утрачена. Жена и сын вскоре выехали в Швецию¹, сын стал пианистом и композитором.

Г.В. Барановский награжден орденами Св. Станислава I степени (1888 г.), Св. Анны III степени (1891 г.), Св. Станислава II степени (1895 г.).

Когда в мае 1909 г. распоряжением градоначальника строительство буддийского храма было приостановлено, Г.В. Барановскому было предложено переработать проект студента Н.М. Березовского. Востоковедам Барановский был известен своей последней работой — новым зданием Русского географического общества (1907–1909 гг.), которое в чем-то предвосхитило в своих архитектурно-композиционных и художественно-стилевых решениях буддийский храм. Свой проект храма Барановский разработал по эскизному проекту Березовского при участии членов Строительного комитета по возведению храма. Новый проект был рассмотрен и одобрен 19 октября Строительным комитетом во главе с В.В. Радловым, 30 октября — ТСК МВД и 1 ноября 1909 г. окончательно «утвержден к исполнению» товарищем (заместителем) министра внутренних дел А. Лыковыми.

Не отступая принципиально от первоначального проекта Березовского, Барановский художественно обогатил его, сделав более выразительным и представительным. Буддийский храм в Петербурге соединяет в себе традиции тибетской архитектуры (плоская крыша, южный пилонный портик, северная алтарная башня, символические цвета и украшения) с мотивами Северного модерна (облицовка стен колотым гранитом). Через год Барановскому по требованию Департамента духовных дел пришлось слегка подкорректировать свой проект в сторону небольшого упрощения фасада: двери из золоченой бронзы были заменены на деревянные, а золоченые капители колонн портика — на темно-бронзовые. Новый проект был утвержден 2 декабря 1910 г.

16 ноября 1909 г. Строительный комитет во главе с В.В. Радловым утвердил составленную Барановским смету на постройку храма на общую сумму 151 694 руб. 77 коп. К концу 1910 г. храм был вчерне построен. В том же году А. Доржиев принялся за возведение по соседству с храмом четырехэтажного каменного дома тоже по проекту Барановского и 30 ноября 1911 г. въехал в него, чтобы наблюдать за строительством храма.

Всеми строительными работами по возведению буддийского храма руководил сам Г.В. Барановский. Но, как это нередко бывает на стройках, к концу 1911 г. обнаружилось превышение сметы на 14 тыс. рублей (9,22 %), что привело к серьезному конфликту между Строительным комитетом и архитектором, которого обвинили в неоправданных расходах и потребовали от него письменных объяснений. В апреле 1912 г. Комитет постановил освободить Барановского от обязанностей «производителя работ» и пригласил на его место другого архитектора, тоже преподавателя ИГИ, — Р.А. Берзена. Под его руководством в 1912–1915 гг. производилась отделка

¹ Даты и место смерти и похорон и некоторые другие биографические сведения выявлены в результате архивных изысканий координатором исследовательской группы «Старые дачи» Е.М. Травиной.

здания [Кириков, Федоров 1985; Горюнов, Исаченко, Таратынова 1998; Андреев 2004, с. 40, 41, 51, 52, 56, 57, 59–61; Вайтенс 2008; Жуков 2011а; Жуков 2011б; Андреев 2012, с. 13, 14; Травина 2014, с. 105–108; Жуков 2016; Жуков 2017б; Травина 2018].

Постройки Г.В. Барановского

Петербург

- Здания мастерских при Балтийском судостроительном заводе (совм. с Э.И. Жибером и А.Ю. Новицким, 1880 г.);
- дом Домоногова. 7-я линия В.О. (1885–1888 гг.);
- часовня-усыпальница семейства Д.А. Поливанова. Александров-Невская лавра (1885–1888 гг.);
- надстройка художественной мастерской на доходном доме Г.Г. Елисеева. Биржевая линия В.О., 18 (1887 гг.);
- доходный дом Г.Г. Елисеева. Наб. р. Фонтанки, 64 (1889–1890 гг.);
- доходный дом Г.Г. Елисеева. Ул. Ломоносова, 14 (1891–1892 гг.);
- особняк Г. Г. Елисеева. Биржевая линия В.О., 12, 14. *Реконструкция и отделка интерьеров* (1893–1894 гг.);
- особняк И.А. Дурдина. Свердловская наб., 36 (1895 гг.). *Перестроен*;
- доходный дом Г.В. Барановского со сплошными ленточными балконами. Ул. Достоевского, 36 (1897 г.);
- здание женской гимназии кн. Оболенской (А.Б. Мещерского) и доходный дом. Басков пер., 8 (1899–1900 гг.). *Расширено*;
- комплекс торгового дома Товарищества «Братья Елисеевы». Невский пр., 56 – Малая Садовая ул., 8. *Перестройка, сооружение нового углового здания* (1900, 1902–1903 гг.);
- здание Русского географического общества. Пер. Гривцова, 10 (1907–1909 гг.);
- здание ломбарда. Наб. р. Фонтанки, 72. *Перестройка* (1909 гг.);
- жилой дом при буддийском храме. Приморский пр., 93 (1909–1910 гг.);
- Санкт-Петербургский буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй». Приморский пр., 91 (1909–1915 гг.). Руководитель строительства храма в 1909–1912 гг. (на заключительном этапе, в 1912–1915 гг., строительством руководил преподаватель ИГИ Р.А. Берзен). Первоначальный проект студента ИГИ Н.М. Березовского.

Москва

- Жилой дом. Козицкий пер., 1 (1898, по другим данным, 1898–1901 гг.);
- торговый дом Товарищества «Братья Елисеевы». Тверская ул. (совм. с М.М. Перетятковичем, 1903 г.).

Эстония

- Имение Елисеевых «Орро». Тойла-Ору. *Не сохранилось*.

Финляндия

- Собственная дача — вилла Харппулинна («Замок Арфа»). Комарово (после 1905 г.). *Не сохранилась*.

Рихард (Рихард Георг, Ричард) Андреевич Берзен (Behrsen) (26.12.1868 (7.01.1869) – 19.06.1958) — гражданский инженер (архитектор). Выпускник 1892 г. (первый по старшинству полученных на выпускном экзамене баллов) и преподаватель ИГИ. Член ПОА с 1893 г. Действительный статский советник (1913 г.). Уехал в длительный отпуск в Финляндию к родственникам в 1925 г. и в СССР больше не возвращался.

Родом из прибалтийских немцев, лютеранского вероисповедания. Его отец Генрих (Андрей) Берзен (1838–1888) был сапожником, выходцем из города Якобштадта Лифляндской губернии (ныне Екабпилс в Латвии). Он умер, когда будущему архитектору было 20 лет. Мать — Розина Каролина Луиза Берзен.

Рихард¹ родился в Петербурге. Поступил в Главное немецкое реальное училище Св. Петра (Петришуле) в 1880 и окончил его в 1887 г. Тогда же поступил в ИГИ. Его имя как окончившего курс наук первым было высечено на мраморной доске в институте [ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 421. Л. 15, 15 об.]. По окончании вуза служил при ТСК МВД в 1892–1912 гг.

В октябре 1893 г. решением Совета ИГИ назначен преподавателем архитектурного черчения «в помощь» профессору И.С. Китнеру. Штатный преподаватель ИГИ / ЛИГИ в 1893–1925 гг., также вел предмет «Сметы и отчетность». Являлся производителем работ Строительной комиссии по расширению и улучшению зданий института, регулярно избирался в Хозяйственный комитет ИГИ.

В 1893–1908 гг. по совместительству преподавал геометрическое черчение, рисование и архитектуру в Институте инженеров путей сообщения императора Александра I (ИИПС), в 1911–1916 гг. также являлся членом Временного строительного комитета по расширению и дополнительному оборудованию помещений этого института.

Архитектор доходных домов Ведомства учреждений императрицы Марии в 1903–1913 гг., Мариинской для бедных и Александринской женской больниц с 1910 г.

Рихард Андреевич Берзен был награжден Серебряной медалью в память царствования императора Александра III (1896 г.), «за отлично-усердную службу» — орденами Св. Станислава III (1897 г.) и II (1903 г.) степени, Св. Анны III (1900 г.) и II (1907 г.) степени, Св. Владимира IV степени (1910 г.) [Там же. Д. 12. Л. 71 об. – 76].

В 1910/1911 уч. г. проживал в Петербурге по адресу: Большая Конюшенная ул., 4, кв. 67.

Один из основоположников «кирпичного стиля» и раннего модерна в России, Р.А. Берзен работал в основном в Петербурге – Петрограде (около 20 зданий). Имел опыт буддийского культового строительства: до 1909 г. по инициативе А. Доржиева возвел деревянную буддийскую молельню в местечке Кермын Верхоленского уезда Иркутской губернии (не сохранилась). Вероятно, в том числе поэтому в апреле

¹ В прошениях на имя директора ИГИ Д.Д. Соколова называл себя: при поступлении — Ричардом, на III курсе — Рихардом; в дипломе об окончании ИГИ назван Рихардом-Георгием Андреевичем (Генриховичем) [ЦГИА СПб. Д. 421. Л. 1, 6, 14], в Анкете о службе Р.А. Берзена 1919 г. — Ричард Андреевич, так же именует себя и в заявлении в Правление ЛИГИ в 1925 г. [Там же. Д. 12. Л. 93, 121].

1912 г. был приглашен завершить на заключительном этапе строительство каменного дацана в Петербурге. Еще до этого Берзен довольно активно сотрудничал со Строительным комитетом из ученых-востоковедов, с января 1912 г. работая над новой сметой расходов по строительству (недаром в ИГИ он преподавал «Сметы и отчетность»). Одно из писем члену Комитета академику В.В. Радлову написано Берзеном по-немецки.

Берзену, как оказалось, пришлось столкнуться во многом с теми же трудностями, что и его предшественнику Барановскому. Главная из них — недостаток средств у Агвана Доржиева для окончания постройки. Постройка дацана в 1915 г. завершилась. Здание 10 августа было освящено Доржиевым, совершившим особый ритуал, храм получил имя дацан Гунзэчойнэй. Но еще до этого в нем было совершено два буддийских богослужения: 21 февраля 1913 г. (в день празднования 300-летия Дома Романовых) и 9 июня 1914 г. (по случаю торжественного внесения в храм и освящения двух сиамских будд). Р.А. Берзен присутствовал на втором из них.

Одновременно с завершением постройки дацана был в 1913–1914 гг. производителем работ по завершению строительства здания одной из крупнейших библиотек мира — Библиотеки Академии наук (БАН)¹ по проекту академика архитектуры Р.Р. Марфельда.

19 ноября 1924 г. Р.А. Берзен в заявлении ректору ЛИГИ Г.П. Передерию просит разрешить ему отпуск «для поездки в Финляндию на время зимнего перерыва занятий с 20го декабря 1924го года до 15го января 1925го года для свидания с дочерью». Правление ЛИГИ (или ректора не было на месте, или он передал заявление Правлению) постановило отпуск Берзену в указанный срок разрешить [Там же. Д. 12. Л. 101].

Отпуск он получил, но не смог им воспользоваться из-за отказа Иностранного отдела в выдаче ему иностранного паспорта. Об этом он известил Правление ЛИГИ в заявлении от 19 января 1925 г. 12 февраля Берзен снова пишет в Правление ЛИГИ заявление с просьбой о предоставлении ему нового отпуска до 15 сентября 1925 г., мотивируя это тремя причинами: 1) необходимостью свидания с дочерью; 2) поскольку его «расшатанная нервная система нуждается в продолжительном отдыхе»²; 3) так как в этом году до осени он остался без занятий в институте и соответственно без жалованья. «Поездка в Финляндию не только дала бы мне возможность устроить жизнь моей дочери и восстановить свое здоровье, — поясняет он в заявлении, — но и пережить время моей безработицы в семье родственников моей жены». Он просил также содействия в получении иностранного паспорта. Резолюция от 13 февраля на заявлении гласит: «Возражений нет» [Там же. Л. 110, 110 об.].

¹ Строительство БАН и отделку фасадов завершил в 1924–1925 гг. выпускник ИГИ 1918 г., в 1930-е гг. преподаватель ЛИИКС (бывш. ИГИ) Я.Я. Кетчер (1891 – после 1933). Библиотека въехала в это здание в 1925 г.

² Вероятно, болезненное состояние длилось не один год. Сохранилась копия удостоверения о том, что Р.А. Берзен Отборочной комиссией 1 сентября 1921 г. был «назначен на излечение в курорт Сестроецк» [ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 12. Л. 97].

Видимо, отпуск ему был предоставлен и иностранный паспорт выдан, поскольку 30 декабря 1925 г. он пишет уже из Финляндии заявление в Правление ЛИГИ с просьбой об отставке (поступило в институт 4 января 1926 г.):

Прошу Правление принять мою искреннюю благодарность за исключительно долгий отпуск, предоставленный мне для восстановления моего здоровья.

Несмотря на сравнительно сносные условия, в которых я нахожусь, мне не удалось избавиться от невралгии, которой я страдаю.

Не чувствуя необходимого прилива сил, я не осмеливаюсь приступить к возобновлению своих занятий в институте, и принужден просить Правление об отставке с сохранением права на социальное обеспечение по возвращении моем в Россию¹.

Правление 6 января 1926 г. постановило: «Согласиться. Снять с платежной ведомости с 1-го января 26 года» [Там же. Л. 121].

Из Финляндии он не возвратился. Там он прожил еще более трех десятилетий. Сначала в небольшом городке-спутнике Хельсинки — Кауниайнене (Kauniainen), который является анклавом г. Эспоо, затем в самом Эспоо, тоже городе-спутнике Хельсинки, втором по величине городе страны. Одно время работал чертежником в архитектурном бюро Юнга². Похоронен на кладбище в Эспоо, недалеко от средневековой кирхи.

Семья архитектора. Р.А. Берзен с 1903 г. был женат на Лидии Иоанне Луизе (урожд. фон Голике; 1882–1971), немецкого происхождения. Ее отец — Роман Романович (Роберт Робертович) фон Голике (1849–1919) — статский и коммерции советник, редактор-издатель в 1881 г. петербургского юмористического литературно-художественного журнала «Осколки», в котором печатался А.П. Чехов; был знаком с ним с декабря 1885 г. Известны шесть писем Чехова к Голике (1886–1892 гг.) и четыре письма Голике к Чехову (1886–1891 гг.).

Роман Романович фон Голике был совладельцем издательского Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг» (1902–1918 гг.), которое выпускало художественные издания. С момента основания Товарищества его владельцы Р.Р. Голике и А.И. Вильборг получили почетное звание Поставщиков Двора его императорского величества³. Тесть и теща архитектора — Р.Р. фон Голике и его жена Гульда Мартыновна (1853–1938) — владели тремя дачными домами в Куоккале (ныне Репино) на побережье Финского залива, у дороги на Келломяки (ныне Комарово), известными как «Вилла Голике» (Golicke).

¹ По-видимому, Р.А. Берзен тогда не предполагал остаться в Финляндии навсегда, став невозвращенцем из легальной заграничной поездки в отпуск.

² Вероятно, бюро архитектора Акселя Бертеля Юнга (Axel Bertel Jung; 1872–1946), автора первого Генерального плана Хельсинки (1908–1917 гг.), старшего брата архитектора Вальтера Габриэля Юнга (Valter Gabriel Jung; 1879–1946).

³ Поставщик Двора его императорского величества — почетное звание ряда торговых марок в Российской империи. Присваивалось Канцелярией Министерства императорского двора лично владельцу (владельцам) предприятия с выдачей специального удостоверения с цветным изображением знака Поставщика (государственный герб и год присвоения звания). Звание придворного Поставщика считалось у деятелей промышленности и торговли самым почетным и уважаемым.

После революции Товарищество было национализировано и стало называться 15-й Государственной типографией¹. Сам Р.Р. фон Голике в 1918 г. эмигрировал в Германию, где в следующем году умер.

В семье Р.А. Берзена родились две дочери: Ина (Инна, 1905–1985) и Рената (1909–1924). В 1923 г. Ину отправили к бабушке Гульде Мартыновне в Куоккалу (тогда в Финляндии) — на «Виллу Голике». Рената вскоре умерла в Ленинграде. Сам Берзен, эмигрировав в Финляндию, перестроил один из обветшавших домов «Виллы Голике» в Куоккале, надстроив второй этаж к бревенчатой избе. Его жена выехала из СССР раньше, вероятно, с дочерью Иной.

В декабре 1930 г. Ина вышла замуж за финского шведоязычного православного писателя и мемуариста Тито Фритьофа Коллиандера (Tito Fritiof Colliander; 1904–1989), который родился в Петербурге. Вместе с мужем они в 1938 г. перешли в православие в Печерах (Эстония). В 1949–1953 гг. писатель окончил православную семинарию. Т.Ф. Коллиандер похоронен в Хельсинки на старом Ильинском православном кладбище.

После смерти Р.Р. фон Голике его вдова Гульда Мартыновна, проживавшая в доме престарелых немецкого прихода Мунккинеми (район Хельсинки), предоставила виллу в пользование своему внуку — финскому художнику-экспрессионисту Свену Грёнваллу (1908–1975) и своей внучке Ине Берсен-Коллиандер (Behrsen-Colliander), которая тоже стала художницей — известным в Финляндии графиком и мозаичистом, в чьих работах часто присутствуют элементы иконописи. На склоне лет Ина создала мозаику-икону над входом в Спасо-Преображенский собор на Новом Валааме (Uusi Valamo) — единственном православном мужском монастыре Финляндии. Умерла в Хельсинки, похоронена на старом Ильинском православном кладбище.

В 2018 г. в Финляндии проживали трое внуков Р.А. Берзена — священник финляндской православной церкви о. Сергей Коллиандер (р. 1949 г.), Мария Любек (р. 1931 г.) и Екатерина Бундестам (р. 1939 г.) и их дети. По словам Сергея Коллиандера, дома деда звали Ричард [Глезеров 2018, Архитектор ... Берзен. Семья 2019].

К 150-летию со дня рождения архитектора в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (в здании, которое он построил) 20 июня 2018 г. открылась выставка «Архитектор Р.А. Берзен (1868–1958)». На открытии присутствовали внуки Рихарда Андреевича [ИГИ 1887, с. 25; ИГИ 1892, с. 22; Биографический словарь 2000, с. 977; Андреев 2004, с. 45, 60, 61, 69, 70, 75, 81, 83, 90; Жуков 2018; В ЦГИА СПб 2018; Архитектор Р.А. Берзен 2019; Ahtola-Moorhouse 2005, с. 130, 132].

Постройки Р.А. Берзена

Петербург

- Административное здание Металлического завода. *Участие*. Совместно с арх. П.В. Алишем и инж. О.Е. (О.Г.) Крелем. Свердловская наб., 18. Ныне филиал АО «Силовые машины» (1886–1893 гг., вероятно, после окончания ИГИ в 1892 г.);

¹ С 1922 г. — Типография (с 1988 г. — Типография № 3, с 1993 г. ОАО, затем АО) им. Ивана Федорова, ныне бизнес-центр «Иван Федоров».

- трехэтажный кирпичный корпус для мастерских, конторы и магазина Механического завода К.Б. Зигеля. *Участие*. Совместно с арх. И. С. Китнером. Ул. Достоевского, 40–44, левая часть. Ныне часовой завод АО «Хронотрон» (1898–1903 гг.). *Расширен*;
- здание Тенишевского училища (по собственному проекту). Моховая ул., 33–35. Ныне Учебный театр Российского государственного института сценических искусств (РГИСИ) (1899–1900 гг.). *Частично реконструирован внутри*;
- доходный дом Ф.К. Риглера – Русское общество «Шуккерт и К°». *Перестройка правой части, производственного корпуса по переулку*. Наб. канала Грибоедова, 25 / пер. Сергея Тюленина, 3 (1900 г.);
- жилой дом Ведомства учреждений императрицы Марии. Кавалергардская ул., 12 (1900-е гг.);
- здание типографии Товарищества «Р. Голике и А. Вильборг». *Перестройка, приспособление под типографию Гвоздильного завода (завод подковочных гвоздей) В.В. Барии*. Звенигородская ул., 11 / наб. Обводного канала, 91 / ул. Константина Заслонова, 29. Ныне бизнес-центр «Иван Федоров» (1902 г.);
- доходный дом. Кирилловская ул., 5 / 8-я Советская ул., 56. Ныне Государственный балет на льду Санкт-Петербурга (1902 г.);
- временная деревянная церковь с подворьем Пекинской духовной миссии. Близ Лиговки. (1902 г.). *Не сохранилась*;
- здание С.-Петербургских соединенных училищ дальнего плавания императора Петра I и судовых механиков торгового флота (с 1908 г. — С.-Петербургское соединенное училище дальнего плавания и судовых механиков торгового флота императора Петра I). 22-я линия В. О., 9 / 21-я линия В. О., 14. Ныне Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (1904–1905 гг.). *Надстроено*;
- доходный дом А.Ф. Натинг. 5-я Красноармейская ул., 8 (1905 г.);
- здание Коломенского отделения городского ломбарда. Псковская ул., 18. Ныне Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) (1905–1906 гг.);
- жилой дом. 5-я Советская ул., 14 (1906 г.);
- Главное здание (*перестройка*, 1906–1908 гг.) и хирургический корпус с оградой (1907–1908 гг.) больницы Общины сестер милосердия Св. Георгия Российского общества Красного Креста. Оренбургская ул., 4 и 4а;
- доходный дом. Кременчугская ул., 1 / Тележная ул., 15а (1907 г.);
- здание Ремесленного училища Русского технического общества (РТО). Кондратьевский пр., 15 (1910 г.);
- Санкт-Петербургский буддийский храм «Дацан Гунзэчойнэй». Приморский пр., 91 (1909–1915 г.). Руководитель строительства храма в 1912–1915 гг. (до него — в 1909–1912 гг. — строительством руководил Г.В. Барановский). Первоначальный проект студента ИГИ Н.М. Березовского;
- здание фортепианной фабрики «Ф.Ф. Мюльбах». Надстройка. 6-я Красноармейская ул., 7/10 (1912 г.). *Перестроено*;

- здание Библиотеки Академии наук. Биржевая линия, 1 / Тифлисская ул., 1. Руководитель строительства в 1913–1914 гг. Проект (начат в 1907 г.) академик архитектуры Р.Р. Марфельда. Завершено в 1924–1925 гг. арх. Я.Я. Кетчером;
- три производственных корпуса Электромеханического завода «Сименс-Шукерт». 24-я линия В.О., 3–7. Ныне АО ВО «Электроаппарат» (1913–1915 гг.);
- деревянное одноэтажное здание. 26-я линия В.О., 3 (1916 г.). *Не сохранилось.*

Иркутская губерния

- Деревянная буддийская молельня. Местечко Кермын Верхотенского уезда Иркутской губернии (до 1909 г.). *Не сохранилась.*

Финляндия

- «Вилла Голике». *Перестройка.* Репино, Приморское шоссе, 430 (после 1925 г.). Ныне дача № 160 дачного треста поселка Репино.

Степан Самойлович Кричинский (20.01 (1.02).1874 – 9.08.1923) — гражданский инженер (архитектор), педагог. Выпускник 1897 г. и преподаватель ИГИ.

Потомок татарского дворянского рода, известного с середины XVII в. Родился в имении Каскевичи Ошмянского уезда Виленской губернии (ныне в Белоруссии) в семье генерал-майора Самойлы Кричинского и его жены Сусанны Давыдовны (урожд. Тольская). Имел брата И.С. Кричинского (управляющий парголовским имением Шуваловых).

Среднее образование С.С. Кричинский получил в реальном училище в Вильне. Много путешествовал по Европе, знакомясь с современной ему западной архитектурой в Англии, Франции, Германии и Италии; посетил для изучения строительства учебных заведений Швецию и Финляндию, мечетей — в 1910 г. Самарканд.

После окончания вуза служил в Санкт-Петербурге в Главном управлении неокладных сборов, затем в 1900–1917 гг. — главным архитектором Отдельного корпуса пограничной стражи. Архитектор Дома милосердия в 1907–1910 гг. В годы Первой мировой войны исследовал вопросы курортного строительства на Кубани и Черноморском побережье в 1916–1917 гг. Профессор архитектуры Кубанского политехнического института в 1918–1920 гг. Профессор ИГИ в 1921–1923 гг., преподавал историю архитектуры (по другим данным, архитектурное проектирование). Начальник Архитектурно-строительного управления (фактически главный архитектор города¹) при Губернском комитете коммунального хозяйства (Губкомхоз, в подчинении которого находились все архитекторы города) в Петрограде в 1922–1923 гг. Был также инженером технического подотдела хозяйственного отдела Наркомата иностранных дел в Петрограде.

Представитель неоклассики, модерна и неорусского стиля. Построил свыше 25 домов, дворцов, культовых и общественных зданий в Петербурге – Петрограде с окрестностями (Царское Село, Гатчина, Любань) и других городах России и Европы, разработал около 100 проектов отдельных зданий (ряд зданий Педиатрической

¹ В Ленинграде эта должность была введена в 1938 г.

академии и электростанций в Петербурге, первый в России «город-сад»¹ в Парголове близ Шуваловского парка и Краснодаре, Коммерческие училища в Любани и в Петербурге на территории Путиловского завода, Политехнические институты в Иркутске и Краснодаре, Военное и Окружное училища в Краснодаре, больница в Самаре, театр и мечеть в Вильне, православные храмы в г. Либаве в Латвии и г. Виши во Франции, здание министерств правительства Сербии в Белграде и др.), получил свыше 20 премий на архитектурных конкурсах.

После Гражданской войны восстанавливал буддийский храм. Осенью 1919 г. во время наступления Н.Н. Юденича на Петроград на территории храма разместились красноармейская часть. Он подвергся разгрому и осквернению: были похищены практически все предметы, имевшие какую-либо ценность, вплоть до металлических дверных ручек и гвоздей. 7 октября 1920 г. здание храма осмотрела специальная комиссия НКВД при участии академика С.Ф. Ольденбурга, члена недавно прибывшей в Москву «чрезвычайной Монгольской миссии» С. Жамбалона, заведующего хозяйственным отделом НКВД Э.М. Михайлова и двух инженеров технического подотдела — С.С. Кричинского и И.Н. Брусова. Был составлен акт с подробным описанием повреждений храма. Петроградский уполномоченный НКВД рекомендовал инженера НКВД С.С. Кричинского как лучшего архитектора для реставрации храма.

В письме к наркому по иностранным делам Г.В. Чичерину от 18 июля 1921 г. А. Доржиев просил дать распоряжение уполномоченному НКВД в Петрограде срочно произвести ремонт буддийского храма, поручив производство работ Кричинскому и выделив ему в помощь гражданского инженера Р.А. Берзена как архитектора, строившего этот храм и знакомого со всеми деталями его постройки и архитектуры. К лету 1922 г. НКВД удалось завершить реставрацию храма, которая в основном носила характер косметического ремонта: в первую очередь были произведены работы «для предохранения храма от дальнейшей порчи» и устранения следов вандализма. Руководили ремонтом С.С. Кричинский и И.Н. Брусов, внешний надзор за работами осуществлял академик С.Ф. Ольденбург.

Кроме реставрации дацана, в 1922 г. под руководством С.С. Кричинского были восстановлены и реставрированы также здание германского посольства и здание, которое ранее занимало посольство Швеции.

¹ Мечта об «идеальном городе» и сам термин «город-сад» получили распространение с конца XIX в. после публикации книги англичанина Э. Говарда «Города-сады будущего» (1898 г.). Многие архитекторы Европы и Америки разрабатывали проекты совершенных городов, где человек жил бы в комфорте и единении с природой. В России в соответствии с концепцией «города-сада» в 1900-х гг. велась застройка местности «Царский лес» под Ригой, осуществлялась планировка городов на Дальнем Востоке (Дальний и Харбин), поселение в этом духе планировалось при станции Вырица Царскосельской железной дороги. Кроме С.С. Кричинского, градостроительные проекты «города-сада» разрабатывали и другие выпускники ИГИ, например, Н.И. Котович (1875–1934) — в Сочи перед революцией, А.Д. Крячков (1876–1950) — для Кузнецка (1916 г.). Отзвук мечты об «идеальном городе» находим в стихотворении В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929 г.): «Через четыре года / здесь будет город-сад!» (вероятно, о проекте А.Д. Крячкова).

Семья архитектора. Степан Самойлович Кричинский был женат на дочери писателя Г.И. Успенского Марии Глебовне (1879–1943), имел в браке двух сыновей — Глеба (1901 или 1902 – ?) и Бориса (1903–?) и младшую дочь Ирину (1906–?). У архитектора были две свояченицы (сестры жены) и два шурина (ее братья). Старшая сестра жены Вера Глебовна Савинкова (1877–1942) была первой женой (в 1899–1908 гг.) руководителя Боевой организации (БО) партии социалистов-революционеров, террориста Б.В. Савинкова (1879–1925), а младшая — Ольга Глебовна Гаккель (1881–1942) — замужем за инженером и ученым-электротехником Я.М. Гаккелем (1874–1945), который участвовал в проектировании и строительстве петербургского трамвая, спроектировал около полутора десятков самолетов, построил тепловоз и паровой трактор. Оба шурина — А.Г. и Б.Г. Успенские — были тесно связаны с Боевой организацией эсеров: однокашник (и шурин) Кричинского, выпускник ИГИ 1896 г., гражданский инженер Александр Глебович Успенский (1873–1907) часто оказывал услуги БО эсеров и снабжал ее деньгами. Борис Глебович Успенский (1886–1951) сам был эсером, осенью 1906 г. вступил в БО, но к концу того же года отошел от террористической деятельности.

С 1899 г. С.С. Кричинский жил в Петербурге на Пряжильной ул., 19 (с 1965 г. — ул. Лабутина), в 1917–1923 гг. в Петрограде — в построенном им Доме эмира Бухарского по адресу: Каменноостровский пр., 44б, кв. 4.

Умер Степан Самойлович после тяжелой болезни в возрасте 49 лет в Петрограде, похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища [Савинков 1990, с. 86, 269, 275, 300; Архитекторы-строители... 1996, с. 179; Новиков 2002; Андреев 2004, с. 100–102, 109, 110, 114; Чеканова 2016].

Постройки С.С. Кричинского

Петербург с окрестностями

- Конный двор (Конюшенный корпус) в скандинавском стиле из «дикого камня» и сторожка у въезда в усадьбу Шуваловых. Шуваловский парк, Парголово (1907–1908 гг.);
- здание у Московских ворот (в нем позже разместился Институт экспериментальной ветеринарии, затем кафедра химии Академии ветеринарной медицины). Черниговская ул., 5 (1908 г.);
- Торговый дом Гвардейского экономического общества (в советское время ДЛТ). *Участие* под руководством Э.Ф. Вирриха, в соавторстве с Н.В. Васильевым. Большая Конюшенная ул., 21–23 (1908–1909 гг.);
- здание Управления пограничной стражи с внутренней церковью. Ул. Красного Курсанта, 34 (1910 г.);
- особняк художника-карикатуриста П.Е. Щербова в стиле модерн. Гатчина, ул. Чехова, 4а (1910–1911 гг.);
- Соборная мечеть. *Участие* в соавторстве с выпускником ИГИ Н.В. Васильевым (автор проекта) и преподавателем ИГИ А.И. фон Гогеном. Кронверкский пр., 7 (1910–1920 гг.);

- Большой («Шуваловский») дворец гр. Е.А. Воронцовой-Дашковой (урожд. Шувалова). Шуваловский парк, Парголово (1912–1914 гг.);
- Дом эмира Бухарского. Каменноостровский пр., 446 (1913–1914 гг.);
- церковь Св. Николая Мирликийского и Св. благоверного князя Александра Невского (Николо-Мирликийская, или Николо-Барградская) при Императорском Палестинском обществе. Пр. Бакунина, 2а / 2-я Советская ул., 27а (1913–1915 гг.). *Взорвана 20.05.1932 г.*;
- Федоровский городок и Федоровский собор. Совместно с преподавателем ИГИ В.А. Покровским. Царское Село (ныне Пушкин) (1913–1917 гг.);
- Белый дом (Малый дворец) гр. Е.А. Воронцовой-Дашковой (урожд. Шувалова). *Перестройка*. Шуваловский парк, Парголово (1915 г.).

Новгородская губерния

- Загородный дворец, дома и хозяйственные постройки в имении принца П.А. Ольденбургского. Валдайский уезд Боровенской волости Новгородской губернии (1902 г.).

Судьба Санкт-Петербургского дацана, отметившего в 2015 г. свое 100-летие, тесно переплетена с судьбами создателей Института гражданских инженеров (ныне СПбГАСУ). Архитекторы Н.М. Березовский, особенно Г.В. Барановский, а затем и Р.А. Берзен много сделали, чтобы придать буддийскому храму в Петербурге более современный европеизированный облик в духе модного тогда Северного модерна (каменная отделка фасадов — разные сорта грубо колотого гранита, облицовочный кирпич, глазурованная плитка). Возведенный ими дацан до недавнего времени был крупнейшим буддийским молитвенным зданием в Европе¹. Причастны к его строительству и реставрации также преподаватели ИГИ К.В. Бальди и С.С. Кричинский. А в оформлении интерьера дацана деятельное участие принял член его Строительного комитета художник Николай Константинович Рерих, женатый на Елене Ивановне (урожд. Шапошникова) — дочери преподавателя ИГИ Ивана Ивановича Шапошникова, архитектора Большой хоральной синагоги [Жуков 2010; Жуков 2011а].

Архивы

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 12. Л. 71 об. – 76. Формулярный список о службе Р.А. Берзена. 9 марта 1913 г.

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 12. Л. 93. Анкета о службе Р.А. Берзена. 14 августа 1919 г.

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 12. Л. 97. Удостоверение, выданное Петроградской губернской отборочной санаторно-курортной комиссией Р.А. Берзену о направлении его на лечение в Сестрорецкий курорт. 1 сентября 1921 г.

¹ В настоящее время крупнейшим буддийским храмом России и Европы считается открытая в конце декабря 2005 г. на крайнем юго-востоке европейской части России «Золотая обитель Будды Шакьямуни» в Элисте (Калмыкия) [«Золотая Обитель...» 2020].

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 12. Л. 101. Заявление Р. Берзена ректору Ленинградского института гражданских инженеров Г.П. Передерию о разрешении ему отпуска с 20 декабря 1924 г. по 15 января 1925 г. для поездки в Финляндию для свидания с дочерью. 19 ноября 1924 г.

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 12. Л. 110, 110 об. Заявление Р.А. Берзена в Правление ЛИГИ с убедительной просьбой разрешить ему отпуск в Финляндию на период до 15 сентября 1925 г. 12 февраля 1925 г.

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 12. Л. 121. Заявление Р.А. Берзена в Правление ЛИГИ с просьбой об отставке. 30 декабря 1925 г.

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 421. Л. 1. Прошение Ричарда Андреевича Берзена на имя директора Института гражданских инженеров Д.Д. Соколова о допуске его к «поверочным» испытаниям для поступления в институт. 10 июля 1887 г.

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 421. Л. 6. Прошение учащегося 3-го курса Р.А. Берзена директору Института гражданских инженеров Д.Д. Соколову об освобождении его от платы за обучение с назначением стипендии. 15 августа 1889 г.

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 421. Л. 14. Диплом Р.-Г.А. Берзена об окончании полного курса наук Института гражданских инженеров с присвоением ему звания гражданского инженера. 31 мая 1892 г.

ЦГИА СПб. Ф. 184. Оп. 3. Д. 421. Л. Л. 15, 15 об. Копия свидетельства об окончании Р.-Г.А. Берзеном курса наук.

Литература

Андреев 1995: *Андреев А.И.* Об авторе проекта Буддийского храма в Петербурге // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб., 1995. Вып. 3. С. 44–51.

Андреев 2004: *Андреев А.И.* Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. 220 с.

Андреев 2012: *Андреев А.* Санкт-Петербургский дацан Гунзэчойнэй (Приморский пр., 91). СПб., 2012. 79 с.

Архитекторы-строители... 1996: Архитекторы-строители Санкт-Петербурга XIX – начала XX века: Справочник / Авт.-сост.: А.М. Гинзбург, Б.М. Кириков при участии С.Г. Федорова, Е.В. Филиппова; Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. 398 с.

Бандровская, 2003: Березовский Николай Матвеевич (1879 г.): [Крат. биогр. справка об урал. архитекторе] // Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области. Свердл. орг. Союза архитекторов России. [Крат. анкет. данные] / Сост. Л.П. Бандровская и др.; Под общ. ред.: Л.П. Бандровская, Н.А. Вилесова. Екатеринбург, 2003. С. 33.

Биографический словарь 2000: Биографический словарь архитекторов и строителей Санкт-Петербурга // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / Сост. В.Г. Исаченко; Под ред. Ю.В. Артемьевой, С.А. Прохвятиловой. СПб., 2000. С. 965–1043.

Бухарин 2014: *Бухарин М.Д.* Новые документы к истории изучения Восточного Туркестана // Вестник древней истории: научный журнал. 2014. № 3(290). С. 163–183.

Вайтенс 2008: *Вайтенс А.Г.* Г.В. Барановский о развитии правовых основ российского градостроительства и архитектуры // Вестник гражданских инженеров. 2008. № 1(14). Март. С. 5–10.

Васильева, Филиных 2015: *Васильева И.В., Филиных Д.Г.* «О биографии Н. М. Березовского, автора эскизного проекта Санкт-Петербургского дацана. Новые документы»: Доклад с видеопрезентацией, представленный 15.10.2015 г. на Междунар. науч.-практ. конф. «К 100-летию Санкт-Петербургского буддийского храма Дацан Гунзэчойнэй» в Петербурге.

Горюнов, Исаченко, Таратынова 1998: *Горюнов В.С., Исаченко Н.В., Таратынова О.В.* Гавриил Барановский // Зодчие Санкт-Петербурга: XIX – начало XX века / Сост. В.Г. Исаченко; Ред. Ю.В. Артемьева, С.А. Прохватилова. СПб., 1998. С. 609–627.

Жуков 2010: *Жуков В.Ю.* Академик архитектуры Иван Иванович Шапошников (1833–1898) — преподаватель ИГИ // Мастер'Ок: Журнал СПбГАСУ. 2010. № 1(3). Февраль. С. 8–13.

Жуков 2011a: *Жуков В.Ю.* Архитекторы и преподаватели Института гражданских инженеров И.И. Шапошников и Г.В. Барановский // Междунар. науч.-практ. конф. «Рериховское наследие». Т. 8: Н.К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура. Восток глазами Запада. СПб., 2011. С. 56–73.

Жуков 2011b: *Жуков В.Ю.* Архитектор и преподаватель Института гражданских инженеров Г.В. Барановский // Мастер'Ок: Журнал СПбГАСУ. 2011. № 3(8). Июль. С. 7–11.

Жуков 2016: *Жуков В.Ю.* «Эта книга и есть мера наших дел»: Юбилейный сборник Г.В. Барановского // Мастер'Ок: Журнал СПбГАСУ. 2016. № 1(14). Май. С. 8–13.

Жуков 2017a: *Жуков В.Ю.* Путешественник на Восток и автор первоначального проекта буддийского храма: выпускник ИГИ архитектор Н.М. Березовский // Мастер'Ок: Журнал СПбГАСУ. 2017. № 1(15). Июнь. С. 2–6.

Жуков 2017b: *Жуков В.Ю.* «Приобретение человеческого духа»: Архитектурная энциклопедия Г.В. Барановского // Мастер'Ок: Журнал СПбГАСУ. 2017. № 1(15). Июнь. С. 7–11.

Жуков 2018: *Жуков В.Ю.* Выпускник и преподаватель ИГИ Р.А. Берзен (1868–1958): к 150-летию со дня рождения и 60-летию со дня смерти // Мастер'Ок: Журнал СПбГАСУ. 2018. № 1(16). Ноябрь. С. 2–7.

ИГИ 1887: Институт гражданских инженеров на 1887/88 учебный год. СПб., 1887. 54 с.

ИГИ 1892: Институт гражданских инженеров на 1892/93 учебный год. СПб., 1892. 71 с.

ИГИ 1916: Институт гражданских инженеров императора Николая I-го. Отчет об учебных занятиях в 1915–1916 уч. году. Личный состав, распределение учебных занятий и проч. сведения на 1916–1917 учебный год. Пг., 1916. 100 с.

К истории изучения... 2014: К истории изучения восточного Туркестана. Письмо М.М. Березовского Д. А. Клеменцу из фондов СПФ АРАН / Вступ. ст. и коммент. М.Д. Бухарина // Восток (Oriens). 2014. № 3. С. 138–145.

Кириков, Федоров 1985: *Кириков Б.М., Федоров С.Г.* Зодчий-энциклопедист: О творческом пути архитектора Г.В. Барановского // Ленинградская панорама. 1985. № 2. С. 29–32.

Назирова 1986: *Назирова Н.Н.* Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (обзор архивных материалов) // Восточный Туркестан

и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 24–34.

Новиков 2002: *Новиков П.* Архитектор Кричинский // Нева. 2002. № 12. С. 212–215.

Попова 2008а: *Попова И.Ф.* Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века: Сб. статей / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008. С. 11–39.

Попова 2008б: *Попова И.Ф.* 190 лет Азиатскому музею — Институту восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. 2008. № 1(8). С. 5–20.

Савинков 1990: *Савинков Б.* Воспоминания террориста / Сост. В.Е. Кельнер. Л., 1990. 445 с.

Травина 2014: *Травина Е.М.* Комарово и Репино (Келломяки и Куоккала). Дачная жизнь сто лет назад. СПб., 2014. 192 с.

Ahtola-Moorhouse 2005: *Ahtola-Moorhouse L.* Ina Colliander 1905–1985: Biographical information // Ina Colliander. Helsinki: Ateneum Art Museum, Finnish National Gallery, 2005. P. 130–153.

Интернет-источники

Архитектор ... Берзен. Семья 2019: Архитектор Рихард (Ричард) Андреевич Берзен (1868–1958). Семья. ЦГИА СПб, 2019 // Архивы Санкт-Петербурга. URL: https://spbarchives.ru/Bersen_3 (дата обращения: 18.07.2021).

Архитектор Р.А. Берзен 2019: Архитектор Р.А. Берзен (1868–1958). ЦГИА СПб, 2019 // Архивы Санкт-Петербурга. URL: <https://spbarchives.ru/Bersen> (дата обращения: 18.07.2021).

В ЦГИА СПб 2018: В ЦГИА СПб открылась выставка «Архитектор Р.А. Берзен (1868–1958)» // Архивы Санкт-Петербурга (29.06.2018). URL: https://spbarchives.ru/cgia_events/-/asset_publisher/Nk7DJeqiVgCp/content/v-cgia-spb-otkrylas-vystavka-arhitektor-r-a-berzen-1868-1958- (дата обращения: 18.07.2021).

Глезеров 2018: *Глезеров С.* Новатор, сын сапожника. Что мы знаем об архитекторе учебного театра «На Моховой» // Санкт-Петербургские ведомости. 2018. 10 авг. (электронный вариант). URL: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/rikhard_on_zhe_richard_syn_sapozhnika/ (дата обращения: 17.07.2021).

«Золотая Обитель...» 2020: «Золотая Обитель Будды Шакьямуни»: главный калмыцкий храм (6.02.2020). URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dba3ce6e6cb9b00ad9f2999/zolotaia-obitel-buddy-shakiamuni-glavnyi-kalmyckii-hram-5e3b6768d8b1a11c7501781d> (дата обращения: 18.07.2021).

Травина 2018: *Травина Е.* Архитектор Гавриил Барановский. Годы жизни. (20.09.2018) // Старые дачи: Комарово. Статьи. URL: https://terijoki.spb.ru/old_dachi/komarovo_articles.php?item=7 (дата обращения: 18.07.2021).

Чеканова 2016: *Чеканова О.А.* Кричинский С.С. // Санкт-Петербург. Энциклопедия. URL: <http://www.ensspb.ru/object/2804007704?lc=ru> (дата обращения: 18.07.2021).

БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В МОНГОЛЬСКИХ РОМАНАХ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА*

В конце XVI в. в Монголии началось активное распространение буддизма в его северной ветви. Зародившись в VI в. до н. э. в Индии, буддизм в VII в. н. э. пришел в Тибет и вскоре получил там широкое распространение. Из Тибета он проник в Монголию еще в XIII в. Хубилай хан (1215–1294) усиленно покровительствовал буддизму в Тибете и, объявив его государственной религией, пытался создать ему условия для распространения в Монгольской империи. В соответствии с основными догматами буддизма эта религия учит, что

жизнь есть страдание, что она состоит из смены одной формы существования живых существ другой, что в этой смене форм есть преемственность. Поэтому человек в его настоящей жизни несет ответственность (карму) за образ жизни в своих предыдущих перерождениях [История 1983, с. 188].

Однако тогда буддизм не затронул умы простых кочевников, их верой вплоть до XVI в. оставалось тенгрианство.

Сначала буддизм был принят в качестве официальной идеологии степной аристократией, а затем всем народом. Как сказал в лекции «Буддизм в Тибете и Монголии» в 1919 г. профессор (с 1929 г. академик АН СССР) Б.Я. Владимирцов:

Буддизм, в той форме, в какой он существует в Тибете и Монголии, до сих пор остается живой верой многих миллионов людей, до сих пор чарует ум и сердце человека Центральной Азии, выдвигает разных выдающихся деятелей. Он не сказал еще своего последнего слова. Изучение этой формы буддизма чрезвычайно важно для познания души и жизни Центральной Азии [Владимирцов 1994, с. 450].

В XX в. буддийская церковь в Монголии подверглась жестоким гонениям со стороны властей, и лишь в 1990-х гг. началось ее возрождение.

Влияние буддизма на развитие литературы в Монголии огромно. Академик МАН Д. Цэрэнсодном в своей монографии «Буддийская литература в Монголии» [Цэрэнсодном 1997] дал комплексный анализ буддийской поэзии и прозы с XIII до начала XX в. Гонения на церковь и лам, запрет на сочинение, распространение и чтение буддийских текстов, господство метода социалистического реализма в художественной литературе привели к тому, что в XX в. было создано очень небольшое количество произведений на религиозные темы. Среди них новеллы Б. Ринчена «Рука богини», «Летатель Буниа», «Кончина богдо» [Ринчен 1972], историко-биографический роман «Дзанабазар» («Занабазар») С. Эрдэнэ [Эрдэнэ 1989], «Храм без крыши» («Оройгүй сүм») Л. Түдэва [Түдэв 1998], сборник стихов поэта О. Дашбалбара «Очи Будды» («Бурхны мэлмий») [Дашбалбар 1991], сборник постпанк-стихов Б. Галсансуха «Советы Будде» («Бурханд хэлэх зөвлөлгөө») [Галсансүх 2011].

* © М.П. Петрова, 2021.

С началом возрождения буддизма в Монголии в конце XX в. интерес писателей и читателей к религиозной тематике возрастает. В современной художественной литературе появляются образы лам и просветителей, в модернистских рассказах действуют персонажи буддийского пантеона, в постмодернистских романах в качестве симулякра используются религиозные сочинения прошлых веков. Буддийские мотивы находят свое отражение в романной прозе начала XXI в.

Личность известного буддийского просветителя, общественного деятеля, художника и литератора Данзанравжи (Д. Равжа; 1803–1856) давно привлекает пристальное внимание писателей и исследователей монгольской литературы. Возведенный в сан V Хубилгана (перерожденца)¹ Ноён хутухта¹ Равжа оставил богатое литературное наследие. Профессор Д. Ёндон отмечает, что

Дандзин Равджа писал одновременно на двух языках — монгольском и тибетском, нам известно 170 его сочинений на монгольском и более 180 — на тибетском. Их отдельные списки и сборники имели широкое хождение в Монголии и встречаются повсюду и в большом количестве. При ознакомлении с литературным наследием Дандзин Равджи создается впечатление, что произведения светского характера он писал главным образом на монгольском языке, а религиозного — на тибетском [Ёндон 1981, с. 219].

Жизни и творчеству Д. Равжи посвящено большое количество научных статей, глав в монографиях и учебниках по истории монгольской литературы, а также монографий. Академик МАН Ц. Дамдинсурэн впервые поставил вопрос об изучении творчества Д. Равжи в 1959 г. на I Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе. Д. Цагаан в 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию по творчеству знаменитого гобийского поэта и опубликовала ряд статей. Пристальное внимание поэзии и драматургии Д. Равжи уделяли Д. Цэрэнсодном, Л. Хурэлбатыр, Л. Хувсгул, Л. Одончимэд, Г. Цэдэвдорж, В. Хайсиг, Г.И. Михайлов, К.Н. Яцковская, Л.К. Герасимович, Д. Дашибалова, Н.П. Бьерке, С. Викхам-Смит, Михаэл Кох.

В современной художественной литературе образ Д. Равжи появляется сначала в поэзии. В 1970 г. Р. Чойном пишет свое знаменитое посвящение «Светлой памяти Д. Равжи» («Д. Равжаа гуайн гэгээн дурсгалд»), являющееся по форме магталом-восхвалением [Чойном 1990]. Чойном подчеркивает значение творческой и просветительской деятельности Д. Равжи для будущих поколений. Противоречивость личности V Гобийского Ноён хутухты отразил в стихотворении «Данзанравжа» (1982) Н. Нямдорж. Лирический герой стихотворения «В пещере ноён хутухты» («Ноён хутагтын агуйд», 2006) Г. Аюурзаны занимается медитацией в одной из тех пещер в Гоби, где медитировал сам Ноён хутухта [Аюурзана 2013, х. 109].

Роман Г. Мэнд-Ооёо (р. 1952) «Его Святейшество» («Гэгээнтэн») можно назвать первым прозаическим произведением, в котором нашел художественное воплощение образ великого гобийского Ноён хутухты, поэта и просветителя XIX в. Д. Равжи [Мэнд-Ооёо 2012]. Написан роман в жанре *намтар* (биография), который был очень распространен в монгольской средневековой литературе. Изначально *намтары* не

¹ Хутухта — высший сан буддийского духовенства.

принадлежали ни к канонической, ни к церковно-служебной литературе. Они были произведениями так называемого популярного буддизма и предназначались для чтения мирянами, что определило специфику биографической литературы типа намтаров (подробнее см.: [Пурбуева 1981, с. 170]).

Композиция романа включает в себя два повествовательных плана. Помимо жизнеописания V Гобийского Ноён хутухты Данзанравжи Г. Мэнд-Ооёо обращается к событиям, имевшим место в XX в. Здесь главным героем является хранитель культа великого просветителя потомственный *тахилчи*¹ О. Тудэв — тоже реальное историческое лицо. Повествование в этой части романа ведется от первого лица. Каждая из пяти глав открывается рассказом Тудэва о перипетиях его жизни, полностью посвященной сохранению культурного и литературного наследия Д. Равжи. Текст этих частей романа набран более мелким шрифтом. Сюжет развивается линейно, в хронологическом порядке и охватывает примерно 60 лет с 30-х до 90-х гг. XX в.

В начале прошлого века в Монголии было более 700 действующих буддийских монастырей. В 1930-е гг. почти все они были разорены и разрушены. Не миновала эта трагическая участь и монастырь Хамарын хийд, основанный V Гобийским Ноён хутухтой Данзанравжой. И лишь благодаря неустанной самоотверженной деятельности *тахилчи* О. Тудэва удалось сохранить кое-что из монастырского убранства и личных вещей великого просветителя и поэта. Они были сложены в несколько сундуков-*авдаров* и зарыты в землю в труднодоступных местах или скрыты в безлюдных пещерах в пустыне Гоби.

Драматический эпизод в жизни главного героя этой части повествования — сожжение им забальзамированного тела V Ноён хутухты на горе Хуслийн уул — представлен автором романа остро психологически. Для *тахилчи* это глубоко личное трагическое переживание. Однако сложившаяся ситуация не оставляет ему выбора — уже охвачен черным дымом пожара монастырь Хамарын хийд, подожженный монгольскими солдатами Народной армии и русскими красноармейцами. Своим долгом Тудэв считает спасение тело хутухты от осквернения путем предания его огню. Сосуд с пеплом он также прячет в надежном месте.

Основная повествовательная часть романа «Его Святейшество» охватывает временной отрезок с 1803 по 1856 г. Сюжет также разворачивается линейно, как того требуют законы жанра намтара. Биография V Гобийского Ноён хутухты хорошо изучена и известна. Однако в художественном воплощении его образ приобретает объем и особую достоверность. Перед читателем возникает не хрестоматийный статичный образ буддийского хубилгана, а живого человека с его глубоким внутренним миром, чувствами и эмоциями. Текст романа наполнен стихотворными фрагментами произведений Д. Равжи. При этом Г. Мэнд-Ооёо в большинстве случаев дает описание тех ситуаций, в которых были созданы те или иные стихи. Известно, что Д. Равжа явился основоположником жанра любовной лирики в монгольской литературе.

Данзанравжа в романе, как и в жизни, был настоящим учителем для простых кочевников. Являя чудеса превращения водки в воду или исцеления больных,

¹ *Тахилчи (тахилч)* — прислужник в храме, ведающий жертвоприношениями.

он складывает свои знаменитые дидактические сочинения — сургалы, например «Стыдитесь» («Ичиг, ичиг») [Мэнд-Ооё 2012, х. 110]. Все произведения Д. Равжи уже в XIX в. были широко известны, в том числе потому что сразу же записывались, переписывались и распространялись его учениками среди грамотных жителей. Не умевшие читать и писать заучивали их наизусть. Это имело большое значение и для распространения буддизма среди кочевников.

В романе «Его Святейшество» большое место уделено описанию медитативных практик Данзанравжи. Само понятие «медитация» теперь довольно часто нивелируется, его глубинный смысл искажается или трактуется слишком вольно. Г. Мэнд-Ооё в художественной форме представляет процесс медитации, объясняет основные принципы различных буддийских медитативных практик.

За свое литературное творчество, в том числе написание «Его Святейшества», Г. Мэнд-Ооё в 2015 г. удостоен высшей государственной награды Монголии — ордена Чингис-хана.

В том же 2012 г. в свет роман одного из самых интеллектуальных современных монгольских авторов Г. Аюурзаны (р. 1970) «Шугдэн» [Аюурзана 2012]. Действие его разворачивается в наши дни в нескольких провинциях современного Китая и Автономном районе КНР Внутренняя Монголия. Главные герои повествования — монгол по национальности и гражданин КНР, офицер китайской полиции Сэржамц и лама монастыря Гумбум в провинции Цинхай — Саманд.

На этот раз Г. Аюурзана выбирает для своего романа жанр детектива. Текст в своей линейной последовательности разделен на три повествовательных уровня: уровень Сэржамца; уровень Саманда и уровень гневного божества Шугдэна, имя которого и вынесено в заглавие произведения. Повествовательные уровни Сэржамца и Саманда, состоящие в свою очередь из нескольких смысловых отрезков, что называется «лежат на поверхности». Автор представляет героев, рассказывает историю их жизни, вводит читателя в их внутренний мир. Уровень же Шугдэна скрыт, его имя появляется лишь в восьмой (всего их 15) главе романа — «*Гарж хөлөглөсөн догшин сахиус*» («Гневное божество верхом на большой собаке тибетской породы»). Ни истории появления этого гневного духа, ни элементов ритуала в тексте романа не содержится. В наши дни Далай-лама XIV неоднократно предостерегал буддистов от следования практике Шугдэна и наложил на нее запрет [Обращение Далай-ламы 2012].

Однако, несмотря на запрет, приверженцы и последователи культа Шугдэна имеются сегодня во многих буддийских монастырях Тибета — Гумбуме, Сэр-а, а также в Монголии — в монастыре Амарбаясгалант Селенгинского аймака, в монастыре Дэлгэр Чойр сомона Дэлгэр Цогт Среднеобийского аймака, в женском монастыре Тогсбаясгалант в Улан-Баторе.

Зачин романного действия — убийство ламы — происходит в монастыре Гумбум, что в провинции Цинхай в Китае, недалеко от озера Кукунор. Туда выезжает следственная бригада из центра провинции города Синина. В составе этой бригады находится офицер, монгол по происхождению, Сэржамц со своей знаменитой собакой-ищейкой. Вскоре собака берет след, но неожиданно погибает по неизвестной

причине. Следствие заходит в тупик, и полицейская бригада возвращается в Синин. Это первый повествовательный отрезок уровня Сэржамца. Второй — рассказ о жизни героя в течение повествовательного времени — жена монголка, дочь, работа, ужины с коллегами в ресторанах, увлечение видеофильмами сомнительного содержания. Таким образом автор представляет жизнь монгола в современном Китае, где ассимиляция происходит уже и на ментальном уровне. Герой привык откликаться на китайское имя Жин Хай, вместо того, которое дал ему лама — Сэржамц.

Третий повествовательный отрезок этого уровня — путешествие Сэржамца в Ордос, где он принимает участие в церемонии поклонения Чингис-хану, встреча его с лидером протестного движения монголов Хучинтогсом, поездка на малую родину в долину реки Эзнэ. Пользуясь приемом внутреннего монолога, Г. Аюурзана показывает, как его герой вновь обретает самого себя.

Необходимо отметить, что настоящее время повествования не позволяет сюжету расслаиваться, способствует его целостности. Событийная сторона рассказа не выводится Г. Аюурзаной за рамки детективного жанра. Однако мистика, пронзая сюжет, входит во все повествовательные уровни романа: диалог души умершего ламы с Шугдэном, описания ночных ритуалов в Гумбуме и Сэр-а, посмертное письмо Саманда к Сэржамцу, рассказ о портрете Мао Цзэдуна, заслуживающий, пожалуй, особого внимания. Во времена культурной революции в Гумбум внезапно прибыло коммунистическое начальство. Их целью была тотальная инспекция монастыря. В числе изображений буддийских божеств они с удовлетворением обнаружили портрет Мао Цзэдуна и зажженную перед ним лампаду. Однако — это выяснилось после их отъезда — под портретом вождя скрывалось каноническое изображение Дордже Шугдэна [Аюурзана 2012, х. 184, 185].

Взаимодействие главных героев романа Сэржамца и Саманда в конечном итоге приводит к логическому завершению сюжета. На одном из деревьев вблизи входа в дом убитого они находят хитрое приспособление — резиновое лассо со следами черной краски. Вскоре обнаруживается и русский наган, из которого был произведен смертельный выстрел. Погибший — Дарамбал — не был убит, но покончил жизнь самоубийством, инсценировав убийство. В этот трагический момент на нем был желтый головной убор, как у Шугдэна, а рядом бегал щенок большой белой тибетской собаки. Вспомним, что в соответствии с традиционными воззрениями последователей культа Шугдэна, в гневного мстительного духа перерождается только человек, подвергшийся убийству.

Г. Аюурзана приводит читателя к логическому завершению событийной стороны повествования, как того и требует жанр детектива, — от следствия к причине. Однако чтобы постичь эту причину читатель должен быть включен в культурологическую область буддизма.

Авантюрно-приключенческий роман Б. Батрэгзэдмы (р. 1972) «Властелин ваджры» (*«Очирын эрхмээгч»*), опубликованный в 2015 г., в основе своей сюжетной линии имеет буддийскую концепцию перерождений [Батрэгзэдмаа 2015]. В столице Великобритании Лондоне в наши дни встречаются англичанин и монгольский лама, которые в прошлой жизни были учеником и учителем в Монголии. Время и место

действия романа распадаются на два отрезка — Лондон в наши дни и Монголия конца XIX в. Мистика, двойники, замки с привидениями, волшебные преобразования, противостояние добра и зла, чудесные избавления от черных сил — элементы первой сюжетной линии. Мифы и предания, хубилганы, персонажи буддийского пантеона, духи-хранители местности, медитативные практики — элементы второй сюжетной линии. Сквозные герои повествования — буддийский учитель-лама и его ученик Очирт, получивший следующее рождение в Англии под именем Эндрю. Сюжет романа в определенной мере соотносится с сюжетами произведений популярного буддизма старой монгольской литературы.

На страницах своего романа Б. Батрэгзэдма не только наглядно и доходчиво представляет одну из буддийских концепций, но и рисует мир современного Запада глазами Востока.

На примере трех романов: «Его Святейшество», «Шүгдэн» и «Властелин ваджры» мы можем проследить развитие буддийской тематики в новейшей прозе Монголии.

Литература

На русском языке

Владимирцов 1994: *Владимирцов Б.Я.* Буддизм в Тибете и Монголии: лекция // Буддийский взгляд на мир / Ред.-сост.: Е.П. Островская, В.И. Рудой. СПб., 1994. С. 429–450.

Ёндон 1981: *Ёндон Д.* Монгольская тибетоязычная художественная литература // Литературные связи Монголии. М., 1981. С. 208–227.

История 1983: История Монгольской Народной Республики / [Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др.; Гл. ред.: А. П. Окладников (СССР), Ш. Бира (МНР) и др.]. М., 1983. 661 с.

Пурбуева 1981: *Пурбуева Ц.П.* Описание намтара Нейджи-тойна // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 167–184.

Ринчен 1972: *Ринчен Б.* Принцесса и другие новеллы / Пер. с монг. Примеч. Т. Бурдуковой и Г. Ярославцева. М., 1972. 183 с.

На монгольском языке

Аюурзана 2012: *Аюурзана Г.* Шүгдэн. Улаанбаатар, 2012. 330 х.

Аюурзана 2013: *Аюурзана Г.* Ноён хутагтын агуйд. Бясалгал. Улаанбаатар, 2013. 232 х.

Батрэгзэдмаа 2015: *Батрэгзэдмаа Б.* Очир эрхшээгч. Улаанбаатар, 2015. 495 х.

Галсансүх 2011: *Галсансүх Б.* Бурханд хэлэх зөвлөлгөө. Улаанбаатар, 2011. 385 х.

Дашбалбар 1991: *Дашбалбар О.* Бурхны мэлмий. Улаанбаатар, 1991. 216 х.

Мэнд-Ооёо 2012: *Мэнд-Ооёо Г.* Гэгээнтэн. Улаанбаатар, 2012. 346 х.

Түдэв 1998: *Түдэв Л.* Оройгүй сүм. Улаанбаатар, 1998. 218 х.

Цэрэнсодном 1997: *Цэрэнсодном Д.* Монголын бурханы шашны уран зохиол. Улаанбаатар, 1997. 404 х.

Чойном 1990: *Чойном Р.Д.* Равжаа гуайн гэгээн дурсгалд // Сүмтэй бударын чулуу. Улаанбаатар, 1990. Х. 157.

Эрдэнэ 1989: *Эрдэнэ С.* Занабазар. Монгол роман. Улаанбаатар, 1989. 175 х.

Интернет-источники

Обращение Далай-ламы 2012: Обращение Далай-ламы к тибетцам, пришедшим из Тибета, во время весенних учений 27 марта 2006 года. 18.07.2012 // Его Святейшество Далай-лама XIV. URL: <https://dalailama.ru/messages/shugden/1217-shugden.html> (дата обращения: 1.08.2021).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (Петербург)
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)
- АМ АН — Азиатский музей Академии наук (Ленинград)
- АМИДМ — Архив Министерства иностранных дел Монголии (Улан-Батор, Монголия)
- АН — Академия наук
- АП РФ — Архив Президента РФ (Москва)
- АРАН (Архив РАН) — Архив Российской академии наук (Москва)
- АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
- АХ — Петербургская академия художеств
- БАН — Библиотека Академии наук
- БО — Боевая организация партии социалистов-революционеров (эсеров)
- БУ РК «Национальный архив» — см. НА РК
- ВИЕТ — Вопросы истории естествознания и техники
- ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи
- ВМН — высшая мера наказания
- В.О. — Васильевский остров (Петербург)
- ВСГУТУ — Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Улан-Удэ)
- ВУИМ — Ведомство учреждений императрицы Марии
- ВЦИК РСФСР — Всероссийский центральный исполнительный комитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (1917–1938)
- ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР (1920–1922)
- ВШЭ — Высшая школа экономики
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края (Чита)
- ГАИО — Государственный архив Иркутской области (Иркутск)
- ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия (Улан-Удэ)
- ГиММ — Геологический и Минералогический музей им. Петра Великого (1912–1925)
- Госторг РСФСР — акционерное общество «Государственная экспортно-импортная контора», подразделение Наркомата внешней торговли (образован в 1922 г.)
- ГПУ НКВД РСФСР — Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (1922–1923, ранее ВЧК, затем ОГПУ при СНК СССР)
- Губкомхоз — Губернский комитет коммунального хозяйства
- Губсовдеп — Губернский Совет рабочих и красноармейских депутатов
- Дальбюро ЦК РКП(б) — Дальневосточное бюро Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков) (1920–1925)

- «Дальстрой» — Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы, с 1938 г. — Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой»
- ДВР — Дальневосточная республика (1920–1922)
- ДЛТ — Дом ленинградской торговли, бывш. Торговый дом Гвардейского экономического общества
- ИВ АН СССР (ИВАН) — Институт востоковедения Академии наук СССР (Ленинград, с 1950 г. в Москве)
- ИВ РАН — Институт востоковедения РАН (Москва)
- ИГИ — Институт гражданских инженеров (ныне СПбГАСУ)
- ИИПС — Институт инженеров путей сообщения
- ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при ПУ / ПГУ / ЛГУ (1919–1930)
- ИМБТ СО РАН — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ)
- ИНБУК — Институт буддийской культуры (1928–1930)
- ИНО — иностранный отдел ВЧК / ОГПУ РСФСР / СССР (1920–1934)
- ИНСНАБ — Всесоюзная контора по снабжению иностранцев
- ИРГО — Императорское Русское географическое общество
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР / РАН
- ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
- КНР — Китайская Народная Республика
- КНСВ — Курсы национальных меньшинств Советского Востока Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями при ЦИК СССР (Ленинград; 1932–1936).
- Коминтерн — Коммунистический интернационал (III Интернационал) (1919–1943)
- КПК — Комитет по подготовке кадров АН СССР
- КПК — Коммунистическая партия Китая
- КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
- КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1938)
- ЛВИ — см. ЦИЖВЯ
- ЛИГИ — Ленинградский институт гражданских инженеров (ныне СПбГАСУ)
- ЛИЖВЯ — см. ЦИЖВЯ
- ЛИИКС — Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (ныне СПбГАСУ)
- ЛИЛИ — Ленинградский историко-лингвистический институт (1930–1933)
- ЛИФЛИ — Ленинградский институт философии, лингвистики и истории (1933–1937)
- ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
- МАН — Монгольская академия наук
- МИД — Министерство иностранных дел России
- МНП — Монгольская народная партия, образована в 1920 г., организационное оформление произошло в 1921 г. (в 1924–2010 гг. — Монгольская народно-революционная партия, МНРП)

- МНР — Монгольская Народная Республика
МНРА — Монгольская народно-революционная армия (или Монгольская Народная армия)
МОНК — Монгольская комиссия АН СССР
МРСМ — Монгольский революционный союз молодежи
НА РГО — Научный архив Русского географического общества (Петербург)
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия (Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» — БУ РК «Национальный архив»)
Нардом — Народный дом (культурно-просветительское учреждение)
Наркомнац — Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (1917–1924)
Наркомснаб — Народный комиссариат снабжения СССР (1930–1934)
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР (Наркомвнудел) (1934–1946)
НКИД — Народный комиссариат по иностранным делам (Наркоминдел) РСФСР и СССР
ОГИ — Общество гражданских инженеров
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОИЯИ — Объединенный институт ядерных исследований в Дубне
Опутстрой — Областное управление железнодорожного строительства
ПИЖВЯ — см. ЦИЖВЯ
ПОА — Петербургское общество архитекторов
Рабпрос — Союз (Профсоюз) работников просвещения РСФСР / СССР
РАН — Российская академия наук
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (Петербург)
РГИСИ — Российский государственный институт сценических искусств
РГО — Русское географическое общество
Реввоенсовет (РВС) — Революционный Военный Совет Республики (РВСР), высший коллегиальный орган управления и политического руководства Вооруженными силами РСФСР (1918–1923) и СССР (1924–1934)
РЖСКТ — Рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РЛКСМ — Российский ленинский коммунистический союз молодежи
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (1918–1922); Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (в составе СССР) (1922–1991)
РТО — Русское техническое общество

РФ — Российская Федерация

РЦНК — Российский центр науки и культуры (Улан-Батор, Монголия)

САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты (США)

Сиббюро ЦК РКП(б) — Сибирское бюро Центрального комитета РКП(б) (1918–1924)

СНК — Совет народных комиссаров (Совнарком) (1917–1946)

СНР — Секция научных работников Союза (Профсоюза) работников просвещения РСФСР / СССР (Рабпрос)

Совнарком — см. СНК

СОПС — Совет по изучению производительных сил при АН СССР (1930–1960)

СПбГАСУ — Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПбФ ИИЕТ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН

СССР — Союз Советских Социалистических Республик (Советский Союз, Союз ССР; 1922–1991)

СТО — Совет труда и обороны (1920–1937)

СУ — Строительное училище (ныне СПбГАСУ)

СУМЗ (Средуралмедьзавод) — Среднеуральский медеплавильный завод

СУМК (Средуралмедькомбинат) — Среднеуральский медеплавильный комбинат

США — Соединенные штаты Америки

ТСК МВД — Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел России

ТХ Архив — Архив Института истории и этнологии АН Монголии

УИИ — Уральский индустриальный институт

УК РСФСР — Уголовный кодекс РСФСР

УПИ — Уральский политехнический институт

Уполнаркоминдел — Уполномоченный Наркоминдел (НКВД) РСФСР

УрФУ — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Центросоюз — Всероссийский центральный союз потребительских обществ

ЦИЖВЯ / ПИЖВЯ / ЛИЖВЯ / ЛВИ — Центральный (1920–1922), Петроградский (1922–1924), Ленинградский (1924–1927) институт живых восточных языков, Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе (1927–1938)

ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет СССР (1922–1938)

ЦК — Центральный комитет

ЧК (Чека) — Чрезвычайная комиссия

Ямфак — факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ (1925–1929)

SUMMARY

Part I. Mongolia on the Road to Independence

Consul General in Mongolia Ya.P. Shishmarev (1833–1915)

Yuriy V. Kuzmin

The paper discusses the biography of the Consul General of Russia in Mongolia Ya.P. Shishmarev and the main directions of his activity at his diplomatic post. The focus is on Shishmarev's complicated diplomatic job, the protection of the trade interests of Russian merchants, and his scientific work. The study of the history, economy and culture of the Mongolian people occupied an important place in Shishmarev's multifaceted activities. The creative biography and scientific legacy of the major Russian diplomat and Mongolist deserves further study.

Mongolia between the Revolutions (1911 and 1921)

Leonid V. Kuras, Bazar D. Tsybenov

The paper examines the formation and development of Mongolian statehood from the 1911 Xinhai revolution to the Mongolian people's revolution of 1921. The authors analyzed the materials dealing with the transnational history of the Mongolian world. They paid special attention to the formation and development of Russian-Mongolian relations. The Commissioner of Imperial Russia in Mongolia I.Ya. Korostovets and the Commissioner of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Russia in Mongolia O.I. Maksteneck played an important role each in the development of interstate relations. The paper also examined the issues of the party and military building of the young Mongolian state, as well as the assistance of Soviet Russia provided to Mongolia for strengthening its independence and sovereignty.

At the Origins of bilateral Relations between Russia and Mongolia: The Activities of O.I. Maksteneck, the first Commissioner of the People's Commissariat for Foreign Affairs in Mongolia

Leonid V. Kuras, Bazar D. Tsybenov

The paper discusses the unknown pages of the life and activities of the Soviet diplomat Otto Ivanovich Maksteneck, who was the first Plenipotentiary of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Russia in Mongolia (June 1, 1920 to the 17th – early 20th century. March 1921). The authors discovered that he was the first official to meet the delegation of Mongolian revolutionaries. They analyzed his organizational, ideological, party and military activities in preparation for the 1921 Mongol revolution and concluded that he laid the foundation of the modern relations between Russia and Mongolia.

The Establishment of friendly Relations between Russia and Mongolia: Problems and Relevance

Larisa B. Zhabaeva

The paper shows that after the Mongolian revolution of 1921 one of the urgent tasks of the new government was the formation of strong external ties that would guarantee the country's security. The paper highlights the difficult process of negotiations in Moscow, which successfully ended with the signing of the pivotal Agreement on the 5th of November, 1921. The Agreement established friendly relations between Russia and Mongolia, based on the principles of equality and mutual benefit.

The Tibet-Mongolian Project of Agvan Dorzhiev

Alexandre I. Andreyev

The paper examines the manifold activities of the eminent Buryat political and religious figure, the emissary of the 13th Dalai Lama Agvan Lobsan Dorzhiev (1853/1854–1938), with a focus on his Tibet-Mongolian Project. The project was intended to bring about a political and cultural rapprochement between Russia (both tsarist and Soviet) and the Buddhist states of Tibet and Mongolia in 1898–1930s. In particular, one will find in the paper information on the construction of the Buryat and Kalmyk Buddhist monasteries (*datsans* and *khuruls*) and the Buddhist temple in St-Petersburg, initiated by Dorzhiev; the education of young Tibetans and Mongols in the Institute of the Living Oriental Languages in Leningrad (today's St.-Petersburg) and the three secret diplomatic missions sent by the Soviet government, with Dorzhiev's close assistance, to Lhasa in the 1920s. The author also discusses Dorzhiev's long-standing collaboration with a group of leading Russian Orientalists (Buddhist scholars, Mongolists and Tibetologists), such as S.F. Oldenburg, F.I. Stcherbatsky, B.Y. Vladimirtsov and E.E. Obermiller. Dorzhiev failed, however, to realize his project in its entirety in the atmosphere of anti-religious policy of the Soviet leaders and the ruthless persecution of the Buddhist clergy in the country. Still, it contributed significantly to the promotion of the political and cultural relations between Tibet, Mongolia and Russia.

From the History of Kalmyk-Mongolian ties

Kemiya V. Orlova

The paper is devoted to the history of the Kalmyk-Mongolian ties since the 1920s, when, at the request of the Provisional People's Government of Mongolia, a group of Kalmyks and military instructors arrived in the country. This subject is poorly studied in both the Kalmyk and Mongolian historiography. The next stage in the development of cooperation occurred at the end of the 1950s, when the Kalmyks returned to their country from a 13-year period of Stalinist deportation. The particularly intensive and fruitful communication between Kalmykia and Mongolia is happening nowadays (2000s), when the presidents of Mongolia N. Enkhbayar (2006) and Ts. Elbegdorj (2011) visited the Republic for the first time during their official visits to the Russian Federation.

Part II. Scientific Cooperation between Russia and Mongolia

Russian-Mongolian Scientific Collaboration (1920s – 1960s): Establishment, Development, Peculiar Features

Tatiana I. Yusupova

The essay, coming as a result of many years of research, relates briefly the history of Russian-Mongolian scientific cooperation, from the creation, in 1921, of the Scientific Committee of Mongolia to the foundation of the Mongolian Academy of Sciences in 1961. The author discusses the reasons for organizing the special Mongolian Commission at the Council of People's Commissars of the USSR (since 1927 the Academy of Sciences of the USSR) for coordination of contacts between Russian and Mongolian researchers; the peculiar character of their cooperation, its forms, nature, and disciplinary directions, as well as the key personalities — Russian and Mongolian scientists who participated in its foundation and development. The author points out that the goals and contents of scientific relations were strongly influenced by the current socio-political demands of the USSR — Mongolia interstate relations. The nature of Russian-Mongolian scientific cooperation changed from giving assistance to Russian scholars in their study of Mongolia with the organizational and a certain material and financial support from the Scientific Committee in the 1920s – 1930s to the equal participation of the parties in their joint work in the late 1940s and in the subsequent years; and from the scientific interaction in the context of strengthening the interstate relations to the cooperation determined by the tasks of development of specific scientific disciplines. The author concludes that the scientific collaboration between Russia and Mongolia, as long as it existed, took place on mutually beneficial terms, was substantive and fruitful for its participants.

Student of the Leningrad Institute of Living Oriental Languages Ts.-D. Nominhanov in Mongolia

Dmitrii A. Nosov

The unique educational institution, the Leningrad Oriental Institute, within the walls of which the classical and the practical orientologists collaborated fruitfully in the 1920s, were discussed in numerous publications. At least five university students — Vladimir Alexandrovich Kazakevich (1896–1937), Tseren-Dorji Nominhanov (1898–1967), Mergen-gun Gombozhav (1906–1940), Andrei Kirillovich Bogdanov (1902–1963) and Leonid Sergeevich Puchkovsky (1899–1970) made a tangible contribution to the science of Mongolia. This paper deals with Tseren-Dorji Nominhanov activities in Mongolia, in future, the first doctor of philological science of Kalmykia. The author displays the peculiarities of the stay of Soviet students in the young Mongolian People's Republic and the organization of their expeditions around the country. Attached to the paper is an extract from the case

file (R-7222, op. 6, d. 15, *Correspondence, certificates and reports on foreign trips*, 3.01 – 21.12.1925, stored in the Central State Archives of St. Petersburg) which contains the report of Ts.-D. Nominkhanov on his trip to Western Mongolia from September 29, 1924 to April 19, 1925.

Postgraduate Mongolian Students at the Academy of Sciences (USSR), 1930s

Natalia S. Yakhontova

The paper examines the realization of a challenging project undertaken by the USSR Academy of Sciences in cooperation with the Mongolian Scientific Committee in 1931–1938. Its aim was training of Mongolians post-graduate students of various specialties in the academic institutes in Leningrad and in Moscow as was required by the young Mongolian state. During this period the Soviet Academy of Sciences organized the professional training of 12 post-graduates from Mongolia. The paper is based on the documentary sources from the Academic archives in Leningrad and Moscow. These documents show that the organization of training of foreign students presented a serious problem for the Soviet educators. The paper also provides information on each of the students, the institutes where they were trained and the problems they faced.

Academician B.Ya. Vladimirtsov in the Memories by the Mongolist G.I. Mikhailov

Publication, foreword, comments by Vasilii Z. Tserenov

The memories of the Soviet Mongolist G.I. Mikhailov (1909–1986) survey the period of his education at the Leningrad Oriental Institute in 1926–1930 and his teachers — A.V. Burdukov, V.A. Kazakevich, and A.I. Vostrikov. Mikhailov speaks especially warmly of one of his teachers, the outstanding orientalist B.Ia. Vladimirtsov (1884–1931) and provides detailed information on his personality, his methods of teaching the Mongolian language and the educational process in general. Mikhailov's narrative is an important evidence of the educational process at the Leningrad Oriental Institute, the activity of B.Ya. Vladimirtsov and the continuity of the Russian Mongolian studies.

Part III. Contemporary Issues of the Russian Mongolian Studies

The Mongol Empire and its Ideology in the Coverage of pre-revolutionary Russian Historians: From A.I. Lyzlov to N.M. Karamzin

Yuliy I. Drobyshev

The paper analyzes the reflections of six Russian historians, from A.I. Lyzlov to N.M. Karamzin, on the Mongol Empire and its ideological foundations, revealed in their fundamental works. None of these historians paid special attention to the imperial aspect of the Mongol power, but in solving the tasks they faced, they affected

it to some extent. The historiography of this period suffers from excessive trust in chronicles and other reports and uncritically retells legends and folklore stories. It is characterized by the narrowness of the source base about the Mongols; not all the authors used the few available Eastern sources, and they do not have a critical approach to their sources. The paper shows that, on the one hand, the judgments of the historians were not free from errors, some of which were also very tenacious. On the other hand, they contain many correct observations and guesses, confirmed by the next generations of scientists.

The Limits of Mongol Expansion in the Views of Europeans in the XIII century

Yuliy I. Drobyshev

Based on European sources, the paper examines the ideas of educated Europeans of the XIII century about the limits that were reached by the Mongols during their wars of that era. It is shown that real and mental boundaries of the Mongolian expansion did not coincide with each other. This was due to a number of factors: paucity of geographical knowledge of the Westerners, religious and mythological stereotypes that distorted the image of the world, difficulties in translating concepts from the language of steppe culture to the language of Christian civilization, and deliberate distortions. European materials confirm the regularity according to which peoples not conquered by the Mongols, in contrast to the conquered ones, were not inclined to regard the power of nomads as “universal”. The analysis of the military operations of the Mongols in Europe in 1241–1242 suggests that they did not seek to conquer the West.

Notes of Russian Travelers as a valuable Source on State and Law of Mongolia in the 17th – early 20th century

Roman Yu. Pochekaev

Our general view on the traditional state and law of Mongolia after the imperial period is mainly based on several legal documents of 16th – 18th cc. But these sources don't reflect the real political and legal situation in Mongolia. That is why we should use extra-legal sources and, first of all, notes of foreign (especially Russian) travelers in Mongolia during the period under discussion. These sources are of great value as Russian contemporaries (diplomats, merchants, scientists, intelligence officers, etc.) were, firstly, witnesses and even participants of political and legal relations in Mongolia of the proper periods and, secondly, described the political and legal realities in terms and categories common to the Russian and European public.

Architects of the St.-Petersburg Buddhist Temple “Gunzechoinei Datsan”

Vadim Yu. Zhukov

The paper surveys the history of construction of the St. Petersburg Buddhist temple, Gunzechoinei Datsan, built at the initiative of Agvan Dorzhiev, a learned Buryat Buddhist, diplomat, religious, state and public figure of Russia, Tibet and Mongolia, with the focus on the participation in the construction and maintenance

of the building of several architects from the Institute of Civil Engineers. All of them were educated and worked as lecturers at the same school, today's St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. The architects N.M. Berezovskii, and especially G.V. Baranovskii and then R.A. Berzen, did much to give the temple a modern Westernized look in the spirit of the stylish 'Northern modern'. Until 2005, the temple they built had been the biggest Buddhist house of worship in Europe.

The Buddhist Motives in the Mongolian Novels of the early 21st century

Maria P. Petrova

The paper deals with the influence of Buddhism on the development of literature in Mongolia. We believe that this influence was strong. Since the beginning of the revival of Mongolian Lamaism at the end of the 20th century the interest of writers and readers in religious issues increased. In modern literature there are images of lamas and educators, the characters of the Buddhist pantheon. In postmodern novels religious works of the past centuries are used often as simulacrum. Buddhist motives are reflected in the novels of the early 21st century too.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александр Иванович АНДРЕЕВ** — доктор филологический наук, Санкт-Петербург (andreev_ai@inbox.ru)
- Юлий Иванович ДРОБЫШЕВ** — кандидат исторических наук, ИВ РАН, Москва (altanus@mail.ru)
- Лариса Будаевна ЖАБАЕВА** — доктор исторических наук, ВСГУТУ, Улан-Удэ (vsgtuhistory@mail.ru)
- Вадим Юрьевич ЖУКОВ** — кандидат исторических наук, Санкт-Петербург (gratis2002@inbox.ru)
- Юрий Васильевич КУЗЬМИН** — доктор исторических наук, Иркутск (kuzminuv@yandex.ru)
- Ирина Владимировна КУЛЬГАНЕК** — доктор филологических наук, ИВР РАН, Санкт-Петербург (kulgan@inbox.ru)
- Леонид Владимирович КУРАС** — доктор исторических наук, ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ (kuraslv@yandex.ru)
- Дмитрий Алексеевич НОСОВ** — кандидат филологических наук, ИВР РАН, Санкт-Петербург (dnosov@mail.ru)
- Кеemia Владимировна ОРЛОВА** — доктор исторический наук, ИВ РАН, Москва (orlovnk@mail.ru)
- Мария Павловна ПЕТРОВА** — кандидат филологических наук, СПбГУ, Санкт-Петербург (mariap2001@mail.ru)
- Ирина Федоровна ПОПОВА** — член-корреспондент РАН, ИВР РАН, Санкт-Петербург (iom@orientalstudies.ru)
- Роман Юлианович ПОЧЕКАЕВ** — кандидат юридических наук, ВШЭ, Санкт-Петербург (ropot@mail.ru)
- Василий Зулхаевич ЦЕРЕНОВ** — кандидат филологический наук, Элиста (sprprav@mail.ru)
- Базар Догсонович ЦЫБЕНОВ** — кандидат исторических наук, ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ (bazar75@mail.ru)
- Татьяна Ивановна ЮСУПОВА** — доктор исторических наук, СПбФ ИИЕТ РАН, Санкт-Петербург (ti-yusupova@mail.ru)
- Наталья Сергеевна ЯХОНТОВА** — кандидат филологических наук, ИВР РАН, Санкт-Петербург (nyakhontova@mail.ru)

Научное издание

**МОНГОЛИЯ — РОССИЯ:
ВЕК НЕЗАВИСИМОСТИ — ВЕК СОТРУДНИЧЕСТВА**

Составители и ответственные редакторы:

И.В. Кульганек, Т.И. Юсупова

Редактор и корректор *В.Ю. Жуков*

Дизайн обложки: *Ю.В. Вишнякова*

Оригинал-макет: *М.В. Алексеева*

Фото для обложки: *И.В. Кульганек*

Подписано в печать 29.09.2021. Формат 70 × 100 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,69.

Тираж 300 экз. Заказ № 83.

Printed in Russia

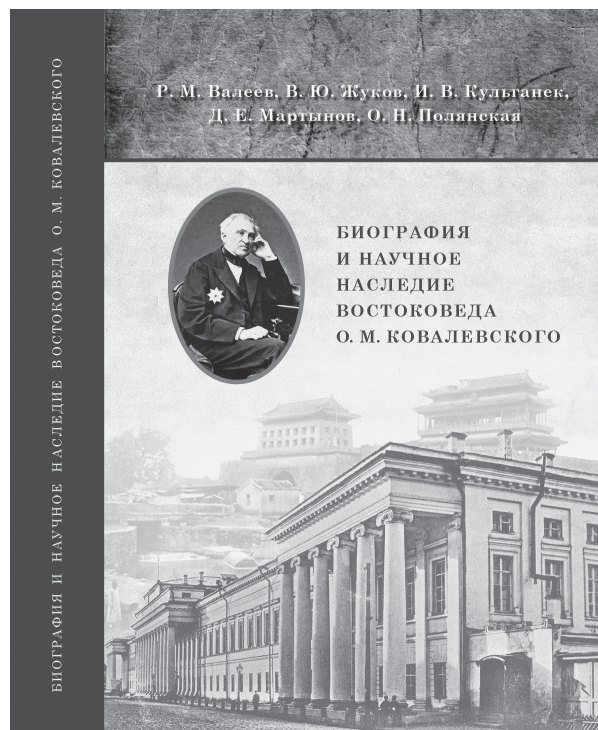
ООО ИД «Петрополис»

197101, Санкт-Петербург, Б. Монетная ул., д. 16,
офис-центр № 1, 5-й этаж, офис 498, тел./факс: (812) 336-50-34
e-mail: info@petropolis-ph.ru
www.petropolis-ph.ru

Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. — СПб.; Казань: [Петербургское Востоковедение], 2020. — 440 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-537-4

DOI 10.25882/s0mv-3n95

Монография «Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского» подготовлена научным коллективом востоковедов Казани, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ и посвящена научной деятельности русского и польского востоковеда-монголоведа Осипа Михайловича Ковалевского (1800/01–1878), заслуги которого перед мировой наукой огромны.

Являясь прекрасным знатком монгольского языка, культуры и истории, он написал ряд фундаментальных трудов по буддизму, литературе и языку монгольских народов. Ему принадлежит французско-русско-монгольский словарь, востребованный специалистами до настоящего времени. При

нем была открыта первая в мире кафедра монгольской словесности в Казанском университете, которую он возглавлял на протяжении более полутора десятилетий.

В монографии освещается период, предшествовавший расцвету монголоведения в России, дается характеристика развития этого направления в Казанском университете, предлагается очерк жизни О. М. Ковалевского, анализируется его научная деятельность и вклад в отечественное монголоведение.

Важное место уделено эпистолярному наследию ученого, его неизданным архивным материалам, хранящимся в архивах Казани и Санкт-Петербурга, в том числе впервые вводимым в научный оборот (письма, дневники, научные труды О. М. Ковалевского).

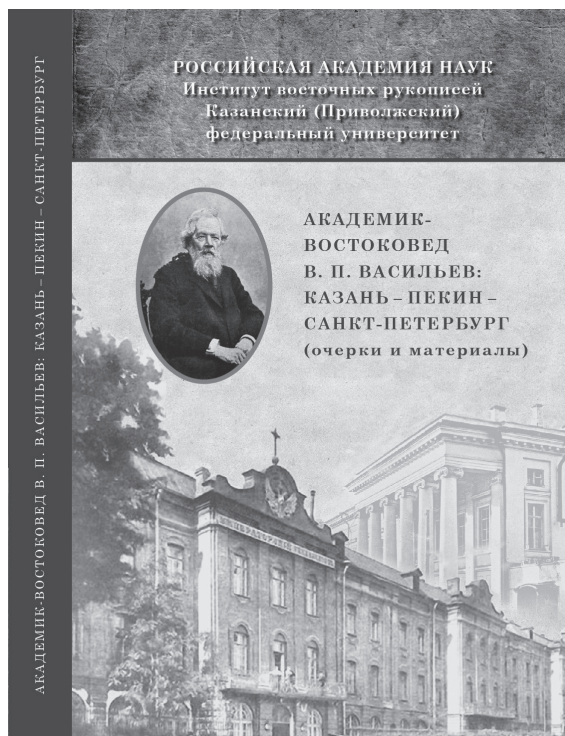
Издание рассчитано на всех интересующихся историей отечественного востоковедения.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ

Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт Петербург (очерки и материалы) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский; сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. — СПб.; Казань: [Петербургское Востоковедение], 2021. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-547-3

DOI 10.25882/texy-f118

В монографии обобщаются результаты труда российских востоковедов из Казани, Санкт Петербурга, Красноярска, Владивостока, Харбина; включены также исследования немецких и китайских специалистов. Вниманию читателя предлагаются очерки о жизненном пути и научном творчестве российского ученого-синолога, буддолога, санскритолога, ординарного академика Императорской Санкт-Петербургской академии наук, декана Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Василия Павловича Васильева, рассматриваются основные вехи его биографии в контексте научной и общественной мысли России того времени. В творчестве В. П. Васильева

выделяются три основных этапа — казанский, пекинский и петербургский.

Дается анализ его научных трудов, в которых впервые в отечественной науке была предпринята попытка систематического изложения истории развития буддийской мысли, поставлен вопрос о выработке адекватного языка описания буддийского духовного опыта и о терминологических критериях для перевода категорий буддийского учения на европейские языки.

Монография ориентирована на профессиональных востоковедов, историков, литературоведов, буддологов, культурологов, историков науки, аспирантов, студентов и всех интересующихся культурой Востока, полезна также для занимающихся деловым и профессиональным общением в области проведения научных и научно-просветительских мероприятий в условиях интенсивного международного диалога Востока и Запада.